

ВЕСНИК

БРЭСЦКАГА УНІВЕРСІТЭТА

Рэдакцыйная калегія

галоўны рэдактар

Ю. П. Голубеў

намеснік галоўнага рэдактара

А. М. Сендзер

адказны рэдактар

В. А. Фелькіна

Я. Я. Аршанскі (Беларусь)
Л. В. Байбародава (Расія)
Н. У. Броўка (Беларусь)
А. П. Бялінская (Расія)
І. Я. Валітава (Беларусь)
Ван Цзыньлін (Кітай)
В. І. Іўчанкаў (Беларусь)
Т. А. Кавальчук (Беларусь)
Л. У. Марышчук (Беларусь)
З. П. Мельнікава (Беларусь)
А. І. Мядзведзкая (Беларусь)
Г. У. Пальчык (Беларусь)
А. С. Папова (Беларусь)
І. В. Саверчанка (Беларусь)
В. І. Сянкевіч (Беларусь)
І. А. Фурманаў (Беларусь)
І. Ф. Штэйнер (Беларусь)

Пасведчанне аб рэгістрацыі
ў Міністэрстве інфармацыі
Рэспублікі Беларусь
№ 1337 ад 28 красавіка 2010 г.

Адрас рэдакцыі:
224016, г. Брэст,
бульвар Касманаўтаў, 21
тэл.: +375-(162)-21-72-07
e-mail: vesnik@brsu.by

Часопіс «Веснік Брэсцкага
ўніверсітэта» выдаецца
са снежня 1997 г.

Серыя 3

ФІЛАЛОГІЯ

ПЕДАГОГІКА

ПСІХАЛОГІЯ

НАВУКОВА-ТЭАРЭТЫЧНЫ ЧАСОПІС

Выходзіць тры разы на год

**Заснавальнік – установа адукацыі
«Брэсцкі дзяржаўны ўніверсітэт імя А. С. Пушкіна»**

№ 1 / 2025

У адпаведнасці з Дадаткам да загада
Вышэйшай атэстацыйнай камісіі Рэспублікі Беларусь
ад 06.02.2024 № 30 (са змяненнямі, унесенымі загадамі
ад 27.02.2025 № 48, ад 06.05.2025 № 107).

Серыя 3. Філалогія. Педагогіка. Псіхалогія» ўключаны
ў Пералік навуковых выданняў Рэспублікі Беларусь
для апублікавання вынікаў дысертацыйных даследаванняў у 2025 г.
па філалагічных, педагогічных і псіхалагічных навуках

◇ ◇ ◇

У адпаведнасці з дагаворам паміж установай адукацыі
«Брэсцкі дзяржаўны ўніверсітэт імя А. С. Пушкіна»
і ТАА «Навуковая электронная бібліятэка» (ліцэнзійны дагавор
№ 457-11/2020 ад 03.11.2020) часопіс «Веснік Брэсцкага ўніверсітэта.
Серыя 3. Філалогія. Педагогіка. Псіхалогія»
размяшчаецца на платформе eLIBRARY.RU
і ўключаны ў Расійскі індэкс навуковага цытавання (РІНЦ)

ЗМЕСТ

НАШЫ ЮБІЛЯРЫ

Медведская Е. И. Выдаючомуся ученому Виктору Павловичу Шейнову – 85 лет!	5
--	---

ФІЛАЛОГІЯ

Гуль М. У. Нетранслітарыраваныя і гібрыдныя адзінкі ў сучаснай беларускай мове: структурны і функцыянальны аспекты	9
Леванцэвіч Л. В. Канатацыі і асацыяцыі мянушак: удакладненне і стратыфікацыя тэрміналогіі.....	15
Ильичёва И. Л. Ассоциативный профиль Брестского региона: маршруты ассоциирования.....	20
Мельнікава З. П. Канцэптасфера прыпавесцей В. Быкава і Я. Сіпакова: семіятычныя падыходы.....	25
Сун Кэлинь. Экспликация концепта «Конфуций» в русской языковой картине мира (на материале данных национального корпуса русского языка).....	31
Никитина Н. Е. Язык как лингвоэкономический феномен современного общества	39
Садко Л. М. Вобраз Номо Негоісус у вершах зборніка «Быў. Ёсць. Буду» У. Караткевіча	45
Третьяк З. И. Опыт коррелятивного изучения русской, белорусской и немецкой документально-художественной прозы о Первой мировой войне.....	51
Корнеева О. С. Семиотически осложненные эргоурбонимы в сфере общественного питания Москвы и Лондона	57
Сидоревич-Стахнова О. В. Экология общения основных участников образовательного процесса в цифровой среде	63
Бугаева М. В. Матыў дома ў вершах зборніка «Живое зерно» В. Паліканінай	69
Трубац В. І. Зайздрасць і «зайздрашчы» ў традыцыйнай культуры беларусаў.....	74

ПЕДАГОГІКА

Сендер А. Н., Соколова Т. В. Содержание идеологической и воспитательной работы с обучающимися университета в Год мира и созидания	82
Иванюк Н. В. Обучение иностранному языку на неязыковых специальностях магистратуры: основные подходы, проблемы и пути их решения	89
Смаль Т. Л. Планаванне падрыхтоўчага перыяду ў гадавым макрацыкле футбалістаў 9–11 гадоў.....	98
Бабанова М. И. Проблема формирования пространственно-временных представлений у детей с особенностями психофизического развития в исследованиях белорусских авторов: аналитический обзор.....	104

ПСІХАЛОГІЯ

Медведская Е. И. Когнитивные изменения во взаимодействии с Интернетом: ретроспекция взрослых пользователей	110
Киричик Е. С. Теоретическое обоснование модели взаимосвязи структуры самосознания матерей и возрастных особенностей.....	120
Пастушэня А. Н. Персональная психодиагностика личной позиции на основе проективного подхода: опыт создания методики (ч. 1)	126
Былинская Н. В. Кросс-культурное исследование социальных представлений о зависти у молодых людей Республики Беларусь и Китая (ч. 1).....	135

ПАДЗЕІ

Переход О. Б., Фелькина О. А. Международная студенческая научная конференция «Слово в языке, речи, тексте» (Брест, 16 мая 2025 г.)	141
--	-----

VESNIK

OF BREST UNIVERSITY

Editorial Board

Editor-in-chief

Yu. P. Golubeu

Deputy Editor-in-chief

A. M. Sender

Managing editor

V. A. Felkina

Ya. Ya. Arshanski (Belarus)

L. V. Bajbarodava (Russia)

N. U. Brouka (Belarus)

A. P. Bialinskaja (Russia)

I. Ya. Valitava (Belarus)

Van Jynpin (Belarus)

V. I. Iuchankau (Belarus)

T. A. Kavalchuk (Belarus)

L. U. Maryshchuk (Belarus)

Z. P. Melnikava (Belarus)

I. H. Mineralava (Russia)

A. B. Miadzveckaja (Belarus)

H. U. Palchuk (Belarus)

A. S. Papova (Belarus)

I. V. Saverchanka (Belarus)

V. I. Siankevich (Belarus)

I. A. Furmanau (Belarus)

I. F. Steiner (Belarus)

Registration Certificate
by Ministry of Information
of the Republic of Belarus
nr 1337 from April 28, 2010

Editorial Office:

224016, Brest,

21, Kosmonavtov Boulevard

tel.: +375-(162)-21-72-07

e-mail: vesnik@brsu.by

Published since December 1997

Series 3

PHILOLOGY

PEDAGOGICS

PSYCHOLOGY

SCIENTIFIC-THEORETICAL JOURNAL

Issued three a year

Founder – Educational Establishment

«Brest State A. S. Pushkin University»

№ 1 / 2025

According to the Supplement to the order of Supreme Certification
Commission of the Republic of Belarus from February 06, 2024 nr 30
(with the amendments made by the orders of Supreme Certification
Commission from February 27, 2025 nr 48, from May 06, 2025 nr 107)
the journal «Vesnik of Brest University.

Series 3. Philology. Pedagogics. Psychology»
has been included to the List of scientific editions of the Republic of Belarus
for publication of the results of scientific research in 2025
in philological, pedagogical and psychological sciences

◇ ◇ ◇

According to the agreement
between Educational Establishment
«Brest State A. S. Pushkin University» and Pvt Ltd «Scientific Electronic
Library» (licence contract № 457-11/2020 from 03.11.2020)
the journal «Vesnik of Brest University.
Series 3. Philology. Pedagogics. Psychology»
is placed on the platform eLIBRARY.RU
and included in the Russian Science Citation Index (RSCI)

CONTENTS

OUR ANNIVERSARIES

Elena Medvedskaya. The Outstanding Scientist Viktor Pavlovich Sheynov is 85 years old!.....	5
--	---

PHILOLOGY

Maryia Hul. Untransliterated and Hybrid Units in the Modern Belarusian Language: Structural and Functional Aspects	9
Lena Levantsevich. Connotations and Associations of Nicknames: Clarification and Stratification of Terminology.....	15
Inna Ilyichova. Associative Profile of the Brest Region: Association Routes.....	20
Zoja Melnikava. Conceptual Framework of V. Bykau's and Ya. Sipakou's Parables: Semiotic Approaches	25
Song Kelin. Explication of the Concept of Confucius in the Russian Linguistic Picture of the World (Based on the Data of the National Corpus of the Russian Language)	31
Nadzeya Nikitsina. Language as a Linguo-economical Phenomenon of Modern Society	39
Lyudmila Sadko. The Image of Homo Heroicus in the Poems of the Collection «I Was. I Am. I Will Be» by U. Karatkevich	45
Zoya Tratsiak. An Experience of Correlative Study of Russian, Belarusian and German Documentary Prose Fiction about World War I.....	51
Olga Korneeva. Semiotically Complicated Ergonyms in the Foodservice Industry in Moscow and London ...	57
Olga Sidorevich-Stakhnova. Ecology of Communication between the Main Participants of the Educational Process in the Digital Environment.....	63
Maria Bugaeva. The Motif of the House in the Poems of the Collection «Live Grain» by V. Palikanina	69
Volha Trubach. Envy and Evil Eye in the Traditional Culture of Belarusians	74

PEDAGOGICS

Anna Sender, Tatiana Sokolova. Content of Ideological and Educational Work with University Students in the Year of Peace and Creation.....	82
Natalya Ivaniuk. Foreign Language Teaching of Master's Degree Students in Non-linguistic Specialties: Main Approaches, Problems and Solutions.....	89
Tatsiana Smal. Planning of the Preparatory Period in the Annual Macrocycle for Football Players 9–11 Years Old.....	98
Maya Babanova. Analytical Review of the Problem of Formation of Spatial-temporal Representations in Children with Peculiarities of Psychophysical Development in the Studies of Belarusian Authors	104

PSYCHOLOGY

Elena Medvedskaya. Cognitive Changes in Interaction with the Internet: a Retrospection of Adults Users	110
Elena Kirichik. Theoretical Substantiation of the Model of Interrelation between the Structure of Mothers' Self-Awareness and Children's Age Characteristics.....	120
Alexander Pastushenya. Personal Psychodiagnostics of Personal Position on the Basis of Projective Approach: Experience of Methodology Development (Part 1)	126
Natallia Bylinskaya. Cross-Cultural Study of Social Representations about Envy among Young People of Republic of Belarus and China (Part 1)	135

EVENTS

Olga Perekhod, Olga Felkina. International Student Scientific Conference «The Word in Language, Speech, Text» (Brest, May 16, 2025).....	141
---	-----

НАШЫ ЮБИЛЯРЫ

ВЫДАЮЩЕМУСЯ УЧЕНОМУ ВИКТОРУ ПАВЛОВИЧУ ШЕЙНОВУ – 85 ЛЕТ!

3 мая 2025 г. исполнилось 85 лет одному из авторов журнала, неутомимому исследователю *Виктору Павловичу Шейнову*, профессору, доктору социологических наук, кандидату физико-математических наук, академику Международной академии информационных технологий.

Путь в математику и психологию

Виктор Павлович родился и вырос в Ярославле. После окончания с отличием математического отделения Московского государственного областного университета он работал старшим преподавателем, затем заведующим кафедрой высшей математики Шуйского педагогического института, заведующим кафедрой теории функций и деканом математического факультета Красноярского государственного университета, профессором кафедры гуманитарных дисциплин Минского института управления. С 1999 г. Виктор Павлович – профессор кафедры психологии и педагогического мастерства Республиканского института высшей школы.

Юбиляр вспоминает, что интерес к психологии проявился еще в студенчестве.

Первая научная работа (В. П. Шейнов называет ее «ученической», поскольку она была написана на II курсе) была посвящена психологии обучения шахматам и обобщала наблюдения автора за воспитанниками интерната, у которых он вел шахматный кружок. Преподавая математику после окончания университета, В. П. Шейнов продолжал самостоятельно изучать психологию.

Виктор Павлович Шейнов получил фундаментальные результаты в разработке таких научных направлений, как конфликтология, социология, психология. Каждый цикл исследований он завершает монографией и циклом научно-практических работ, способствующих практическому применению полученных научных результатов.

Вклад В. П. Шейнова в конфликтологию

В докторской диссертации «Управление конфликтами в социальных группах и организациях» (2000) В. П. Шейнов обосновал разработанную им теорию системного управления конфликтами и реализующую ее технологию и ввел в научный оборот новые понятия «конфликтоген», «случайный кон-

фликт», «неслучайный конфликт», а также разработал формулы случайных и неслучайных конфликтов. Об актуальности его работ свидетельствует регулярное переиздание монографии «Управление конфликтами» (4-е издание вышло в московском издательстве «АСТ» в 2024 г.).

Формулы конфликтов, предложенные В. П. Шейновым, действительно имеют большое не только теоретическое, но и практическое значение. С их помощью найдены первопричины сотен разнообразных конфликтов, анализ которых отражен как в первой книге автора для широкой аудитории «Конфликты в нашей жизни и их разрешение» и ее продолжении «200 конфликтов из нашей жизни» (1996), так и в его более поздних работах: «Поссорься со мной, если сможешь. Психология бесконфликтного общения» (2016), «Как утрясти любой конфликт и обратить его себе на пользу» (2024), «Ссоры. Секреты успешного разрешения конфликтов» (2024), «Как управлять собой» (2024).

Практическую значимость разработанной В. П. Шейновым технологии предотвращения и разрешения конфликтов оценили и участники многочисленных тренингов, проведенных Виктором Павловичем. На его сайте www.sheinov.com перечислены 60 крупных предприятий, персонал которых он обучал на своих тренингах. Юбиляр гордится тем, что не рекламировал свои тренинги – за него это делало «сарафанное радио» специалистов по работе с персоналом и тех, кому он помог разрешить их конфликты.

Вклад В. П. Шейнова в теорию и практику психологического воздействия

Фундаментальные научные результаты получены юбиляром и в психологии. Он основательно изучил психологическое влияние, психологию манипулирования, макиавеллизм личности, убеждающие воздействия, психологию асертивности.

До работ В. П. Шейнова не было общей модели для такого ключевого понятия, как «психологическое влияние». В монографии «Психологическое влияние» (2013) Виктор Павлович предложил, теоретически обосновал и верифицировал общую модель психологического влияния (воздействия), раскрывающую сущность любого воздействия и его психологические механизмы. Он

показал, что каждое из всех известных (до его исследования) 13 видов влияний является реализацией этой модели. Монография «Психологическое влияние» выдержала 6 изданий в России и Беларуси и вышла в двух томах на английском языке в немецком академическом издательстве. Продолжение этого исследования представлено в монографии юбиляра «Психология лидерства, влияния, власти» (2008).

В процессе создания Виктором Павловичем общей теории психологического воздействия он открыл новый вид воздействия – «скрытое управление». В монографии «Скрытое управление человеком» (2013) описан этот специфический вид психологического воздействия, детально изучены предпосылки и психологические основы скрытого управления и представлена технология его применения, приведены многочисленные примеры использования этой технологии во всех сферах жизни. Эта монография переиздана 27 раз, что свидетельствует о теоретической и практической значимости сделанного им открытия.

Практическим реализациям идеи скрытого управления посвящены книги юбиляра «Психотехнологии влияния» (2005), «Искусство управлять людьми» (2007), «Неотразимый комплимент. Безотказные приемы влияния» (2016), «Юмор как способ влияния» (2016) «Тайны поведения человека. Трансактный анализ – просто, понятно, интересно» (2017), «Сила влияния: воздействия явные и скрытые» (2018).

Разработка В. П. Шейновым техники защиты от манипуляций

Изучение Виктором Павловичем техники скрытого управления привело его к пониманию того, что манипулирование – это эгоистическая разновидность скрытого управления. В монографии «Психология манипулирования» (2011) профессор Шейнов показал распространенность и социальную опасность манипуляций, выявил сущность манипулирования и его психологические механизмы, охарактеризовал типы личности, использующие манипулятивные приемы. Монография «Психология манипулирования» выдержала 4 издания.

Эти теоретические результаты Виктора Павловича помогли ему создать универсальную систему защиты от манипуля-

ций и тест, позволяющий определить степень незащитности человека перед таким воздействием. Практическая значимость этих разработок подтверждается, в частности, тем, что включающая эти результаты книга «Манипулирование и защита от манипуляций» (2014) выдержала 13 изданий.

Монография юбиляра «Манипулирование сознанием» (2010) посвящена исследованию сущности и психологических основ манипулирования сознанием, описанию механизмов его психологических воздействий. В монографии «Макиавеллизм личности» (2012) исследовано влияние различных факторов на возникновение и проявления макиавеллизма. В книге наглядно и убедительно показано, как родители и учителя манипулируют детьми и как они, не осознавая этого, учат детей манипулированию.

Разработка приемов убеждения

Среди видов психологического воздействия важное место занимает умение убеждать. В монографии «Убеждающие воздействия» (2010) В. П. Шейнов построил развернутую модель убеждающих воздействий, отражающую современный уровень познания процесса убеждения и способствующую пониманию его сущности и действующих в процессе убеждения психологических механизмов. В практическом плане важен представленный в монографии наиболее полный спектр эффективных приемов убеждения. Практическому применению этих приемов способствовали книги юбиляра «Риторика» (2000), «Искусство убеждать» (2006), «Как убедить, когда вас не слышат» (2019).

Исследование ассертивности

Значительный вклад В. П. Шейнов внес в изучение ассертивности – способности человека уверенно и с достоинством отстаивать свои права, не ущемляя прав окружающих. Этому посвящены 15 его статей, разработка теста ассертивности и монография «Психология ассертивного поведения» (2019). В ней приведены обнаруженные в исследованиях качества ассертивных личностей и влияние на ассертивность возрастных, гендерных, семейных, ситуативных, этнических и культурных факторов. Исследована ассертивность в служебных отношениях, установлена ее роль в команд-

ной работе и лидерстве, описаны также приемы обучения ассертивности. С целью помочь всем желающим выработать ассертивные качества юбиляром написана книга «Говорить нет, не испытывая чувства вины» (2019).

В целом сфера научных интересов профессора В. П. Шейнова широка: психология личности, общая, социальная, педагогическая и кросс-культурная психология, конфликтология, психодиагностика, психометрика. Являясь авторитетным специалистом в области психологических исследований, Виктор Павлович приобрел широкую известность благодаря полученным им фундаментальным результатам. Он автор более 400 научных работ (в т. ч. 21 монографии) по психологии, социологии, математике, а также более 40 книг в сериях «Библиотека практической психологии», «Психологический бестселлер», «Психология. Советы мастера», «Библиотека практической психологии» и др. Общий тираж книг В. П. Шейнова – более 950 000 экземпляров. Издатели представляют его как «одного из самых читаемых отечественных авторов-психологов». Актуальность исследований Виктора Павловича подтверждается тем, что написанные им статьи активно цитируются, о чем свидетельствует его индекс Хирша, равный 22.

Такая популярность работ юбиляра не в последнюю очередь обусловлена тем, что в них содержатся ответы на насущные жизненные практические вопросы. Так, для Новороссийского морского торгового порта им разработана «Система отбора работников опасных профессий». Согласно выданному официальному заключению, ее применение «позволило в 5,5 раза уменьшить травматизм среди принятых на работу докеров».

Найдя интересное и полезное решение, Виктор Павлович спешит поделиться им со всеми. Так, постоянно испытывая нехватку времени, он разработал систему «Где найти недостающее время и нестандартные решения. Все успеть и преуспеть» (2017), живет по ней и представил ее в книге с аналогичным названием. Похожую историю создания имеют книги «Скрытое управление человеком» (2011), «Как убедить, когда вас не слышат» (2019), «Говорить “нет”, не испытывая чувства вины» (2019), «Манипулирование и защита от ма-

нипуляций» (2014), «Тайны поведения человека: трансактный анализ» (2017) и др.

В 2020 г., когда Виктор Павлович перешагнул 80-летний рубеж, у него как будто открылось «второе дыхание»: за последние 5 лет им опубликованы 83 научные статьи (в предыдущую пятилетку – 73) по наиболее актуальным сегодня проблемам – цифровизации и психометрики.

Исследования В. П. Шейнова по проблемам цифровизации и психометрики

Виктор Павлович обратил внимание на принципиально значимый для психологов аспект диагностики: представители новых поколений могут отвечать на вопросы давно созданных опросников совсем не так, как те респонденты, на основе ответов которых они создавались. Поэтому он заново проверил надежность и валидность наиболее часто используемых опросников и попытался сократить количество заданий в них, поскольку чем больше вопросов, тем ниже качество ответов.

В результате профессор Шейнин представил в обновленном виде надежные и валидные, с лучшими психометрическими характеристиками и факторной структурой следующие опросники: Короткая версия опросника «Незащищенность от манипуляций»; Сокращенная версия опросника асертивности; Короткая версия опросника самоконтроля в общении; Сокращенная версия опросника самоуважения; Короткая версия опросника прокрастинации; Опросник коммуникативных умений для подростков и взрослых и его сокращенная версия; Короткая версия опросника макиавеллизма; Сокращенная версия опросника застенчивости; Опросник самооценки подростков и взрослых; Опросник незащищен-

ности от кибербуллинга; Короткая версия опросника импульсивности В. А. Лосенкова.

Разработанный им опросник зависимости от социальных сетей имеет 89 цитирований, опросник зависимости от смартфона – 83, тест асертивности – 78, опросник незащищенности от манипуляций – 50.

Юбиляр является членом редколлегии, рецензентом и активным автором ряда ведущих психологических журналов, входит в состав организационных комитетов многих научных конференций; он выступает оппонентом на защитах диссертаций по психологии и социологии.

Виктор Павлович доброжелателен в общении с коллегами, которые аттестуют его как «самого бесконфликтного конфликтолога». При этом Виктора Павловича отличает высочайшая требовательность, прежде всего к себе. Он помогает аспирантам, щедро делится своими наработками с молодыми исследователями (его увлеченность наукой и личное обаяние привлекли к изучению цифровых зависимостей 18 новых исследователей!).

Поражают его многогранный талант, поистине энциклопедические знания, оригинальность идей, смелость и креативность мышления.

Психологические сообщества Беларуси и России высоко ценят научные заслуги, активную просветительскую деятельность Виктора Павловича Шейнова – признанного ученого, обладающего международной известностью, практикующего конфликтолога и научного консультанта, пользующегося уважением коллег и учеников.

От всей души поздравляем уважаемого Виктора Павловича с 85-летием! Желаем ему крепкого здоровья, неиссякаемой энергии и многих творческих лет!

Елена Ивановна Медведская,
доктор психологических наук, доцент,
профессор кафедры социальной педагогики и психологии
Брестского государственного университета имени А. С. Пушкина

Марыя Уладзіміраўна Гуль

канд. філал. навук, дац., дац. каф. англійскай філалогіі
Брэсцкага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А. С. Пушкіна

Maryia Hul

Candidate of Philological Sciences, Associate Professor,
Associate Professor of the Department of English Philology
of Brest State A. S. Pushkin University

e-mail: boxformail35@mail.ru

НЕТРАНСЛІТАРЫРАВАННЯ І ГІБРЫДНЫЯ АДЗІНКІ Ў СУЧАСНАЙ БЕЛАРУСКАЙ МОВЕ: СТРУКТУРНЫ І ФУНКЦЫЯНАЛЬНЫ АСПЕКТЫ

Разглядаюцца нетранслітарыраваныя і гібрыдныя адзінкі ў сучаснай беларускай мове, выбраныя з медыятэкстаў на сайце zviazda.by за перыяд 2015–2024 гг. Тэарэтычнай асновай для даследавання паслужылі погляды У. Вайнрайха і Э. Хаўгена. З генетычнага пункта гледжання нетранслітарыраваныя адзінкі з'яўляюцца вынікам перанясення, а гібрыдныя адзінкі – вынікам як перанясення, так і падстаноўкі. Вызначаны асноўныя характарыстыкі і структурныя тыпы даследаваных адзінак. Галоўнай асаблівасцю іх функцыянавання з'яўляецца чаргаванне графічнай засвоенасці/незасвоенасці.

Ключавыя словы: гібрыдная адзінка, графічнае асваенне (асіміляцыя), запазычанне, іншамовнае слова, нетранслітарыраваная адзінка.

Untransliterated and Hybrid Units in the Modern Belarusian Language: Structural and Functional Aspects

The article considers untransliterated and hybrid units in the modern Belarusian language, selected from media texts on zviazda.by website within the period of 2016–2024. The theoretical basis for the study is the ideas of U. Weinreich and E. Haugen. Genetically, untransliterated units are the result of importation; hybrid units are the result of both importation and substitution. The author defines the main characteristics of the studied units. The main feature of their functioning is the alternation of graphic assimilation/non-assimilation.

Key words: hybrid units, graphic assimilation, borrowing, foreign word, untransliterated units.

Уводзіны

Спецыфічнай асаблівасцю сучаснай беларускай мовы з'яўляецца функцыянаванне пэўнай часткі запазычанняў у выглядзе графічна незасвоеных (нетранслітарыраваных) лексем, асабліва ў медыятэкстах. Гэтая з'ява патрабуе ўсебаковага аналізу і глыбокага асэнсавання. Праблема графічна незасвоеных адзінак была ўзнята В. І. Уласевіч і Н. М. Даўгулевіч, аўтарамі «Слоўніка новых слоў беларускай мовы» (Мінск, 2009), але да гэтага часу не атрымала належнай увагі. Гэтае даследаванне прызначана даць больш поўнае ўяўленне пра структуру і функцыянаванне нетранслітарыраваных запазычанняў (напрыклад, *art nouveau*, *bikini body*, *Brexit*).

Разам з нетранслітарыраванымі аб'ектамі артыкула сталі і гібрыдныя адзінкі ў сучаснай беларускай мове. Гібрыднымі

назваюцца ўтварэнні, складзеныя з сваямоўных і іншамовных (графічна незасвоеных) кампанентаў: Telegram-бот travel-блогер, YouTube-канал.

Прадмет даследавання – структурныя і функцыянальныя асаблівасці даследаваных адзінак. Матэрыялам для артыкула паслужылі нетранслітарыраваныя і гібрыдныя адзінкі, выбраныя з медыятэкстаў на сайце zviazda.by за перыяд 2015–2024 гг.

Мэта даследавання – выявіць структурныя і функцыянальныя асаблівасці нетранслітарыраваных і гібрыдных адзінак у сучаснай беларускай мове.

Для дасягнення пастаўленай мэты неабходна вырашыць шэраг задач:

1) вызначыць істотныя характарыстыкі нетранслітарыраваных і гібрыдных адзінак;

2) вылучыць структурныя тыпы даследаваных адзінак;

3) вызначыць асаблівасці функцыянавання нетранслітараваных і гібрыдных адзінак.

Асноўная частка

Існуюць розныя погляды на сутнасць працэсу запазычвання. Большасць лінгвістаў (У. Вайнрайх, Э. Хаўген) прытрымліваюцца думкі, што дзве ці некалькі моў знаходзяцца ў кантакце, калі адна і тая ж асоба карыстаецца імі напераменку [1, с. 22; 2, с. 344]. З гэтага вынікае, што ў сваёй аснове запазычванне – гэта працэс, які працякае ў кожным двухмоўным носьбіце, а ўжо потым ён пераносіцца ў сферу грамадскіх паводзін. Э. Хаўген адзначае, што, хутчэй за ўсё, кожнае запазычванне робіцца адным чалавекам, а потым прымаецца і паўтараецца іншымі [2, с. 344–345].

Іншамоўнае слова запазычваецца ў нескранутым стане вельмі рэдка, таму што гэта прыводзіла б да значных змен у сістэме мовы. Носьбіты мовы замяняюць іншамоўныя кампаненты шляхам падстаноўкі элементаў роднай мовы ў іншамоўнае слова. Усе запазычванні ўключаюць элемент перанясення (перамяшчэння) і элемент падстаноўкі. Калі мы ведаем узор запазычвання ў мове-донары, мы можам параўнаць запазычанае слова і яго крыніцу. Усе рысы падабенства паміж імі Э. Хаўген прапаноўвае называць перанясеннем (importation), а ўсе адрозненні – падстаноўкай (substitution) матэрыялу мовы-рэцыпіента [2, с. 350]. Розніца паміж перанясеннем і падстаноўкай датычыцца не толькі запазычанага слова ў цэлым, але і яго кампанентаў, таму што лёс розных частак іншамоўнага ўзору можа адрознівацца.

Пры апісанні запазычанняў звычайна вылучаюцца тры асноўныя тыпы: запазычаныя словы, гібрыдныя запазычванні і калькі. Пры запазычванні слова з мовы-донара запазычваецца не толькі значэнне, але і яго гукавая абалонка. Гібрыдныя запазычванні ўтвараюцца часткова з роднага, часткова з іншамоўнага матэрыялу. Калькамі запазычванні называюцца тады, калі пераносіцца значэнне слова і агульная будова складанага ці вытворнага слова, але замест іншамоўных марфем выкарыстоўваюцца родныя. У выпадку семантычнага запазыч-

вання слова набывае новае значэнне, дзякуючы семантычнаму і фанетычнаму падабенству з нейкім іншамоўным словам.

Э. Хаўген вылучыў два асноўныя класы запазычанняў у залежнасці ад сферы дзеяння падстаноўкі: запазычаныя словы (loanwords) з поўным ці частковым перанясеннем фанетычнай абалонкі і запазычванні-зрухі (loanshifts), якія ўключаюць усе астатнія выпадкі. Запазычаныя словы (loanwords) падзяляюцца на «ўласна запазычаныя словы» (pure loanwords) і «гібрыдныя запазычванні» (loanblends) у залежнасці ад таго, пераносіцца іншамоўныя марфемы поўнасцю ці часткова [2, с. 354]. Запазычванні-зрухі можна падзяліць на пашырэнні (extensions) і стварэнні (creations) у залежнасці ад таго, выкарыстоўваюць яны камбінацыю элементаў роднай мовы, якая існавала да запазычвання, ці ствараюць нешта новае. Пашырэнні адпавядаюць семантычным запазычванням, а стварэнні – калькам.

Згодна з вышэйпададзенай класіфікацыяй, нетранслітараваныя адзінкі і кампаненты гібрыдных слоў могуць быць класіфікаваныя як вынікі перанясення іншамоўнага матэрыялу ў родную мову. У той жа час выкарыстанне адзінак такога тыпу можна лічыць выпадкамі адхілення ад нормаў, якія здараюцца ў мове двухмоўных індывідаў у выніку таго, што яны ведаюць больш, чым адну мову. У. Вайнрайх прапаноўвае называць такія выпадкі з’явамі інтэрферэнцыі [1, с. 22].

Нетранслітараваныя і гібрыдныя адзінкі маюць шэраг асаблівасцей у параўнанні з ўласна запазычанымі словамі (pure loanwords):

а) больш высокая ступень «іншамоўнасці»;

б) графічная незасвоенасць;

в) адсутнасць адступленняў ад іншамоўнага матэрыялу.

Для абазначэння залежнасці запазычання ад іншамоўнага прататыпа выкарыстоўваецца тэрмін *міжмоўная матываванасць* [3, с. 43]. Залежнасць запазычання ад іншамоўнага прататыпа ў значнай ступені канвенцыянальная [3, с. 44]. Гэта залежнасць усведамляецца не толькі білінгвамі, але і моналінгвамі. Фармальныя і семантычныя асаблівасці запазычвання, адсутнасць утваральніка ў мове-рэцыпіенце дае падставы нават моналінгвам усвядоміць «інша-

моўнасць» пэўнага слова, яго залежнасць ад прататыпа. Асабліва выразна міжмоўная матываванасць праяўляецца ў нетранслітараваных адзінках.

Запазычванне мае перадумовай поўнае ці па меншай меры частковае асваенне (графічнае, фанетычнае, марфалагічнае, семантычнае) іншамоўнага прататыпа.

Нетранслітараваныя адзінкі функцыянуюць у мове-рэцыпіенце ў графічна і марфалагічна неадаптаваным выглядзе. Графічнае пераафармленне ўжо не з'яўляецца абавязковым патрабаваннем для ўваходжання ў прымаючую мову. Безумоўна, пры маўленні носьбіты арыентуюцца на фанетычныя законы роднай мовы, таму ёсць падставы сцвярджаць, што нетранслітараваныя адзінкі прыстасоўваюцца да фанетычнай сістэмы беларускай мовы. Нетранслітараваныя адзінкі паспяхова ўключаюцца ў семантычную сістэму беларускай мовы шляхам набывання сінонімаў (*bikini body* – *прыгожае цела*; *look* – *выгляд, вобраз*; *total look* – *завершаны вобраз*) і рода-відавых сувязей (*якасці, навукі* – *soft skills*) і выкарыстоўваюцца без тлумачэння: *Чамусьці да гэтага часу большасць людзей думае, што поспех залежыць выключна ад узроўню прафесіяналізму, але ёсць меркаванне, што паспяховасць чалавека ў прафесійнай сферы на 85 працэнтаў залежыць менавіта ад soft skills* (zviazda.by. 2021, 24 сак.); *Збяруцца, каб абмеркаваць свае эказвычкі, прапамтаваць свае звычкі ў «zero waste», паесці смачную і разнастайную Вега-кухню, прыгатаваць разам з вядомымі людзьмі цікавыя стравы на кулінарных майстар-класах і проста правесці час з людзьмі, якія ім блізкія* (zviazda.by. 2019, 13 лістап.).

Можна вылучыць наступныя структурныя тыпы нетранслітараваных адзінак:

1) складаюцца з аднаго кампанента, эквівалентнага слову: *Android, Brexit, e-mail, Facebook, Instagram, look, menswear, Skype, Twitter, Windows*;

2) складаюцца з аднаго кампанента, які з'яўляецца літарнай абрэвіатурай ці акронімам: *CEO, COVID-19, GPS, SARS, SPF, URL, VR*;

3) складаюцца з двух кампанентаў: *art nouveau, bikini body, soft skills, total look, zero waste*.

Іншамоўныя прататыпы з'яўляюцца рознымі па структуры і паходжанню адзінкамі. Так, *Instagram* – гэта тэлескапічная абрэвіатура: *instant camera + telegram* (*імгненная камера + тэлеграм*), а *Brexit i e-mail* – часткова скарачэння: *Br(itish) + exit* (*брытанскі + выхад*); *e(lectronic) + mail* (*электронная + пошта*). Да літарных абрэвіатур адносяцца *CEO* (англ. *chief executive officer* 'галоўны выканаўчы дырэктар'), *GPS* (англ. *global positioning system* 'сістэма глабальнага пазіцыянавання'), *SPF* (англ. *sun protection factor* 'сонцаахоўны фактар') *URL* (англ. *uniform resource locator* 'універсальны лакалізатар рэсурсаў'), *VR* (англ. *virtual reality* 'віртуальная рэальнасць'); да акронімаў – *Covid-19* (англ. *Coronavirus disease 2019* 'каранавірусная хвароба 2019'), *SARS* (англ. *severe acute respiratory syndrome* 'цяжкі востры рэспіраторны сіндром').

Асаблівасцю функцыянавання даследаваных форм з'яўляецца паралельнае ўжыванне абодвух варыянтаў: нетранслітараванага і транслітараванага. Гэтая разнавіднасць графічнай варыянтнасці шырока прадстаўлена ў медыятэкстах на партале *zviazda.by*:

Brexit – брэксіт. Аднак *Bloomberg* адзначае, што каманда прэзідэнта Макрона не лічыць досвед *Brexit* прымянімым да Францыі (zviazda.by. 2024, 16 чэрв.). *Брэксіт*, які ўступіў у сілу ў пачатку лютага 2020-га, пацягнуў за сабой рэзкі разрыв міжрацыйных сувязяў з кантынентальнымі краінамі (zviazda.by. 2023, 22 снеж.).

Facebook – фэйсбук. Па дадзеных следства, 25-гадовы мужчына завалодаў грашыма грамадзян на падставе прасоўвання бізнес-акаўнтаў *Instagram* і распаўсюджвання таргетаванай рэкламы ў *Facebook* (zviazda.by. 2024, 24 кастр.). Магчыма, канешне, і нястрогая аўтарызацыя (з дапамогай электроннай пошты, нумара тэлефона, уліковага запісу ў фэйсбук ці гугл), аднак даступным для выкарыстання будзе толькі шэраг паслуг, для якіх непатрэбная строгая аўтэнтыфікацыя, удакладніла Святлана Караневіч, начальнік аддзела электроннай камерцыі НЦЭП (zviazda.by. 2023, 27 снеж.).

Instagram – Інстаграм. Ашуканцы дзейнічаюць у сетцы *Instagram*, рассылаючы рэкламу з прапановай зарабіць, – адзначылі на прадпрыемстве. – РУП «Бел-

тэлекам» не мае дачынення да рэсурсу, які прапануе пасіўны заробак» (zviazda.by. 2024, 25 лістап.). Каля 40 % падобных выпадкаў звязаны з продажам неіснуючых тавараў або паслуг у інтэрнэце. Больш за трэць кантактаў з аферыстамі ў сацсетках прыпадае на Інстаграм (zviazda.by. 2024, 24 лістап.).

Soft skills – мяккія навыкі. Як паведамляе прэс-служба БДУ, расійскім студэнтам трэба будзе асвоіць тэмы па ролі праектнай дзейнасці ў развіцці сацыяльнай актыўнасці моладзі, фарміраванні кампетэнцый Soft skills, практыка-арыентаванага навучання, распрацоўкі і рэалізацыі праектаў, выкарыстанні медыятэхналогій для іх прасоўвання і інш. (zviazda.by. 2022, 19 верас.). Нарэшце, 90 працэнтаў кіраўнікоў сышліся ў меркаванні, што накаленню Z крытычна не хапае «мяккіх навыкаў» – у першую чаргу ўмення мець зносіны з навакольнымі (zviazda.by. 2024, 22 лістап.).

Total look – тотал лук. Для самых смелых падыдзе анімалістычны total look у натуральных «тыгровых» колерах з якім-небудзь кантрасным аксесуарам (zviazda.by. 2022, 1 сак.). Не бойцеся камбінаваць фактуры і колеры. Можна апрануцца і ў стылі «тотал лук», падабраўшы ўсе элементы комплекта ў адной каляровай гаме (zviazda.by. 2022, 29 лістап.).

Twitter – Твітэр. Кітайскі калекцыянер Джасцін Сан з'еў прылеплены скотчам да сцяны банан, які каштаваў яму 6,2 мільёна долараў. Гэта зняў на відэа супрацоўнік французскага інфармацыйнага агенцтва AFP і апублікаваў у X (былы Twitter) (zviazda.by. 2024, 29 лістап.). Адзначаецца, што ўнучка Стрэнг выклала серыю фатаграфій у «Твітэр». Здымкі набылі вялікую папулярнасць у сацыяльных сетках, карыстальнікі якіх прысвоілі пажылой амерыканцы званне «каралевы айсберга» (zviazda.by. 2019, 6 сак.).

З генетычнага пункта гледжання гібрыдных адзінак з'яўляюцца вынікам частковага перанясення матэрыялу з іншай мовы і частковай падстаноўкі матэрыялу роднай мовы.

Найбольш распаўсюджанай мадэллю гібрыдных адзінак з'яўляецца мадэль 'нетранслітарыраваны кампанент – злучок – беларускі кампанент': ВВ-крэм (англ. BB cream), СС-крэм (англ. CC-cream), CVV-код

(англ. CVV code), digital-інсталяцыя (англ. digital installation), digital-камунікацыя (англ. digital communication), fashion-ілюстрацыя (англ. fashion illustration), fashion-індустрыя (англ. fashion industry), GPS-трэкер (англ. GPS tracker), ID-картка (англ. ID card), IT-індустрыя (англ. IT industry), IT-кампанія (англ. IT company), IT-курсы (англ. IT courses), IT-праект (англ. IT project), IT-спецыяліст (англ. IT-specialist), IT-сектар (англ. IT sector), IT-супольнасць (англ. IT community), IT-сфера (англ. IT sphere), QR-код (англ. QR code), PR-менеджар (англ. PR manager), PR-правал (англ. PR failure), SIM-карта (англ. SIM card), smart-платформа (англ. smart platform), Telegram-бот (англ. Telegram-bot), Telegram-канал (англ. Telegram channel), travel-блогер (англ. travel blogger), YouTube-канал (англ. YouTube channel).

Можна вылучыць наступныя структурныя тыпы гібрыдных адзінак:

1) іншамовная абрэвіятура + беларуская невытворная аснова (ВВ-крэм, СС-крэм, CVV-код, IT-кампанія, IT-сектар, IT-сфера, QR-код, SIM-карта);

2) іншамовная абрэвіятура + беларуская вытворная аснова (ID-картка, IT-супольнасць, PR-правал);

3) іншамовнае слова + беларуская невытворная аснова (fashion-індустрыя, smart-платформа);

4) іншамовнае слова + беларуская вытворная аснова (digital-інсталяцыя, digital-камунікацыя, fashion-ілюстрацыя).

Як для нетранслітарыраваных, так і для гібрыдных адзінак характэрна чаргаванне графічнай незасвоенасці/засвоенасці.

Fashion-індустрыя – фэшн-індустрыя. Як сцвярджаюць эксперты, да канца XIX стагоддзя fashion-індустрыя адсутнічала, хоць сама мода як сацыяльны феномен вядомая з антычных часоў (zviazda.by. 2020, 23 мая). З чаго будуць шыць модныя штаны новага сезона? Акрамя касцюмных тканін, фэшн-індустрыя прапануе скуру, вельвет, трыкатаж. І, вядома, дэнім, куды ж без яго (zviazda.by. 2023, 16 лют.).

IT-сфера – айцісфера. У ліку лакаматываў эканомікі застаюцца будаўніцтва (108,6 %), транспарт (105,9 %) і сельская гаспадарка (103,3 %). Працягвае аднаўленне IT-сфера: за 11 месяцаў тэмп росту склаў 101,6 % (zviazda.by. 2024, 17 снеж.).

У мяне непакой выклікае, што ў нас ужо, напэўна, празмерны перакос у айці-сферы, у падрыхтоўцы спецыялістаў у гэтым плане. Аднак гэтае пытанне рэгулюемае: не будзе попыту – не будзе і падрыхтоўкі. А раз ёсць попыт – значыць рыхтуюцца людзі (zviazda.by. 2022, 17 лістап.).

PR-менеджар – піяр-менеджар.

У апошні час пачасціліся выпадкі нападу на турыстаў. У такіх сітуацыях адзіным сродкам абароны ў іх былі сэлфі-палкі. У сувязі з гэтым ўзрасла неабходнасць навучацца самаабароне з іх дапамогай, – патлумачыла выданню Metro PR-менеджар цэнтра Дар’я Лапышына (zviazda.by. 2015, 13 лістап.). Футбольны клуб з Казані «Сокал» размясціў аб’яву аб тым, што шукае ў штат спецыяліста па картах таро. Піяр-менеджар клуба Арцём Аксінін заявіў РІА Новости, што таролага запрашаюць у каманду, каб дасягнуць найлепшых вынікаў у футбольнай Другой лізе, у якой гуляе «Сокал» (zviazda.by. 2022, 17 лістап.).

SIM-карта – сім-карта. Калі чалавек знаходзіцца са сваёй SIM-картай у хатняй сетцы, то працуе свой адзіны аператар. Калі ён прыязджае ў Расію, то працуюць як мінімум два, а то і тры аператары: хатні, гасцявы, аператар, у сетцы якога знаходзіцца SIM-карта, і транзітны аператар, які забяспечвае сувязь паміж гэтымі двума аператарамі (zviazda.by. 2024, 16 лістап.). З 1 лістапада гэтага года WhatsApp перастане запускаяцца на Android-смартфонах з версіяй Android 4.0.4 і iPhone з iOS 9, якія да гэтага часу шырока выкарыстоўваюцца па ўсім свеце. Для работы дадатка ўсё гэтак жа неабходныя сім-карта і выхад у інтэрнэт (zviazda.by. 2021, 7 верас.).

Travel-блогер – трэвел-блогер. Мінчанін Леанід Паікоўскі, які год таму стаў лепшым travel-блогерам па версіі чытачоў часопіса National Geographic Traveler, здымаў вулічныя банды ў Панаме і Гаіці, пабываў у трушчобах Мумбаі і Венесуэлы, у вёсцы індзейцаў у джунглях Коста-Рыкі, вывучаў кунг-фу ў ваколіцах Шаалін... (zviazda.by. 2022, 1 сак.). Як адзначае агенцтва, аўтарскія туры ў апошні час набіраюць абароты па папулярнасці, і асаблівым попытам карыстаюцца вандроўкі і экскурсіі, якія прыводзяць трэвел-блогеры (zviazda.by. 2020, 22 студз.).

YouTube-канал – ютуб-канал. Сітуацыя ў свеце ў сферы харчовай бяспекі заўважна пагаршаецца. Аб гэтым доктар эканамічных навук, прафесар Наталля Кірэнка заявіла на YouTube-канале БелТА (zviazda.by. 2022, 10 чэрв.). Трэба сказаць, што падчас вымушанага прастоя тэатр скіраваўся ў віртуальную прастору. Ёсць свой ютуб-канал. Зроблена некалькі тэлеверсій рэпертуарных пастановак (zviazda.by. 2020, 11 чэрв.).

Чаргаванне незасвоенасці/засвоенасці можна трактаваць як прымету незавершанасці працэсу адаптацыі. Па меркаванні В. М. Арыставай, у залежнасці ад ступені засвоенасці ў прымаючай мове можна вылучыць тры этапы працэсу запазычвання: пранікненне, запазычванне, укараненне. Для першага этапу характэрна фанемнаграфічная варыянтнасць, адназначнасць, ужыванне толькі ў пэўных кантэкстах, адсутнасць вытворных.

На другім этапе адбываецца стабілізацыя формы на граматычным і словаўтваральным узроўнях, слова пачынае выкарыстоўвацца рэгулярна і ўтвараць дэрываты. Укараненне азначае адрыў ад мовы-крыніцы, поўную семантычную самастойнасць і ўтварэнне лексіка-семантычнай мікрасістэмы, шырокае выкарыстанне слова і словаўтваральную актыўнасць [4, с. 14–15]. Але адначасова з варыянтнасцю, што з’яўляецца прыметай пранікнення, некаторыя даследаваныя адзінкі характарызуюцца рэгулярным выкарыстаннем (IT-сфера, QR-код, SIM-карта), што тыпова для другога этапа.

Акрамя таго, нетранслітараваныя і гібрыдныя адзінкі маюць семантычную самастойнасць і ўключаюцца ў лексіка-семантычную сістэму беларускай мовы, набываючы рода-відавыя і сінанімічныя сувязі.

Заклучэнне

Такім чынам, нетранслітараваныя і гібрыдныя адзінкі маюць наступныя характарыстыкі: больш высокая ступень «іншамовнасці» і графічная незасвоенасць.

Для нетранслітараваных адзінак тыповай з’яўляецца адсутнасць адступленняў ад іншамовнага матэрыялу.

Паводле структуры нетранслітараваныя словы можна класіфікаваць наступным чынам: аднакампанентныя, эквівалентныя слову (Android, Brexit); аднакампанент-

ныя, літарныя абрэвіятуры ці акронімы (CEO, COVID-19); двухкампанентныя (*art nouveau, bikini body*).

Паводле структуры гібрыдных адзінкі падзяляюцца на групы ў залежнасці ад тыпу іншамоўнага кампанента і ад вытворнасці ці невытворнасці беларускага кампанента.

Асноўнай асаблівасцю функцыянавання нетранслітарыраваных і гібрыдных адзінак з'яўляецца графічная варыянтнасць, якая лічыцца паказчыкам незавершанага працэсу адаптацыі.

СПІС ВЫКАРАСТАНЫХ КРЫНІЦ

1. Вайнрайх, У. Языковые контакты. Состояние и проблемы исследования / У. Вайнрайх. – Благовещенск : БГК им. И. А. Бодуэна де Куртенэ, 2000. – 263 с.
2. Хауген, Э. Процесс заимствования / Э. Хауген // Новое в лингвистике. – М., 1972. – Вып. 6 : Языковые контакты. – С. 344–382.
3. Казкенова, А. К. Онтология заимствованного слова : монография / А. К. Казкенова. – М. : ФЛИНТА : Наука, 2013. – 248 с.
4. Аристова, В. М. Англо-русские языковые контакты (англицизмы в русском языке) / В. М. Аристова. – Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1978. – 151 с.

REFERENCES

1. Vajnrjkh, U. Jazykovyje kontakty. Sostojaniye i problimy issliedovaniya / U. Vajnrjkh. – Blagovieshchiensk : BGK im. I. A. Boduena de Kurtene, 2000. – 263 s.
2. Khaugen, E. Process zaimstvovaniya / E. Khaugen // Novoje v lingvistikie. – M., 1972. – Vyp. 6 : Jazykovyje kontakty. – S. 344–382.
3. Kazkienova, A. K. Ontologija zaimstvovannogo slova : monografija / A. K. Kazkienova. – M. : FLINTA : Nauka, 2013. – 248 s.
4. Aristova, V. M. Anglo-russkije jazykovyje kontakty (anglicizmy v russkom jazykie) / V. M. Aristova. – L. : Izd-vo Lieningr. un-ta, 1978. – 151 s.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 24.02.2024

УДК 811.1.61.+130.281'373.2(476.7)

DOI 10.63874/2218-029X-2025-1-15-19

Лена Васільеўна Леванцэвіч*канд. філал. навук, дац., дац. каф. беларускага і рускага мовазнаўства
Брэсцкага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А. С. Пушкіна***Lena Levantsevich***Candidate of Philological Sciences, Associate Professor,
Associate Professor of the Department of Belarusian and Russian Linguistics
of Brest State A. S. Pushkin University
e-mail: lewalena@mail.ru*

КАНАТАЦЫІ І АСАЦЫЯЦЫІ МЯНУШАК: УДАКЛАДНЕННЕ І СТРАТЫФІКАЦЫЯ ТЭРМІНАЛОГІІ

Любая галіна ведаў патрабуе дакладнага, адназначна вытлумачанага азначэння даследуемай з'явы. Толькі праз тэрміналагічнае абазначэнне можна ўдакладніць аб'ект і прадмет даследавання. У сучасных лінгвістычных тэорыях змест тэрмінаў «асацыяцыя», «канатацыя» застаецца нявызначаным у дачыненні да лексічнай сістэмы мовы ў цэлым і да анамастычнай у прыватнасці. У кантэксце актуальнасці вывучэння мянушак ў антрапацэнтрычным аспекце прапануюцца азначэнні названых тэрмінаў. Даследавана сутнасць канатацыі і асацыяцыі і іх роля ў змесце мянушкі.

Ключавыя словы: мянушка, дэнатат, асацыятыўны кампанент, канататыўны кампанент, антрапацэнтрычны падыход.

Connotations and Associations of Nicknames: Clarification and Stratification of Terminology

Any branch of knowledge requires a precise, unambiguous interpretation of the definition of the phenomenon under study. Only through terminological definition it is possible to clarify the object and subject of research. In modern linguistic theories, the content of the terms «association», «connotation» remains uncertain in relation to the lexical system of language in general and onomastic in particular. In the context of the relevance of the study of nicknames in the anthropocentric aspect, the definitions of these terms are proposed. The author investigates the essence of connotation and association and their role in the content of nicknames.

Key words: nickname, denotation, associative component, connotative component, anthroponymic approach.

Уводзіны

На пачатку XXI ст. антрапацэнтрычны падыход пры даследаванні анамастычных адзінак становіцца адным з асноўных. Разам са структурна-смантычным названы падыход актуальны пры даследаванні мянушкі, бо яна вывучаецца не толькі як моўны знак, але і як моўца, які ўвасабляе ў моўным знаку свой унутраны свет, з аднаго боку, як стваральнік мянушкі, з іншага – як яе носьбіт. Вызначаючы сутнасць намінацыі, мы тым самым можам выявіць унутраны свет чалавека, яго светапоглядныя асаблівасці і вартасныя арыенціры.

У межах антрапацэнтрычнай навуковай парадигмы важным аспектам бачыцца даследаванне асацыяцый і канатацый мянушак. Лічыцца, што вынікам сувязі мовы і культуры ў мянушцы з'яўляецца канатацыя слова, ці неістотныя, але ўстойлівыя прыкметы дэнатата, які стаў асновай наймення. Пры гэтым варта адзначыць, што неістот-

ныя прыкметы дэнатата становяцца істотнымі, асноўнымі, калі ён набывае статус мянушкі. Гэтыя прыкметы выражаюць прынятае ў сацыяльным асяроддзі стаўленне да канкрэтнай асобы, якое сфарміравалася пад уплывам маральных норм і традыцый.

Культурны кампанент выяўляецца ў канатацыі праз ацэначныя адносіны чалавека да падзей, да акаляючага свету. Узуальна ці аказіянальна ўваходзячы ў склад смантыкі мянушкі, канатацыя тым самым выяўляе сваю смантычную сутнасць, у той час як культурны кампанент адлюстроўвае залежнасць гэтай смантыкі ад культурнага асяроддзя чалавека. Вынікам з'яўляецца наяўнасць моўных адзінак з нацыянальна-культурнай канатацыяй. Словы-мянушкі валодаюць канататыўнымі значэннямі і выклікаюць у свядомасці носьбіта мовы пэўныя культурна-гістарычныя асацыяцыі. Менавіта нацыянальна-культурная канатацыя звязвае мову і культуру праз вобразныя асацыяцыі.

Важнасць мянушак ў соцыуме была і будзе актуальнай, бо ў іх адлюстраваны ўсе бакі сямейнага, грамадскага і палітычнага жыцця чалавека. Актуальным бачыцца і даследаванне прагматычнай функцыі мянушак, іх функцыянальных асаблівасцей у рэальнай камунікацыі.

Мэта даследавання – аналіз зместу паняццяў «канататыўны і асацыятыўны кампанент мянушак» і ўдакладненне азначэнняў тэрмінаў.

Асноўная частка

Т. А. Буркова называе мянушкі канатацыямі, адзначаючы, «што мянушкі могуць выконваць разнастайныя функцыі і мець рознакіраваныя стылістычныя канатацыі ў мастацкім тэксе». Так як яны заўсёды эмацыянальна і экспрэсіўна насычаныя, то не павінны ператварыцца ў звычайныя словы. Носьбітамі мовы мянушкі ўспрымаюцца як стылістычна афарбаваныя [1, с. 60–62]. Улічваючы названыя асаблівасці мянушак, варта гаварыць пра перавагу прагматычнага кампанента ў структуры іх значэння.

Нягледзячы на значную колькасць работ, прысвечаных разгляду канатацыі, яе статуса, структуры, тыпаў, відаў, умоў рэалізацыі (М. М. Кожына, І. У. Арнольд, М. Г. Комлеў, М. Ф. Аліферэнка, В. І. Быкава, Н. А. Фененка, А. А. Крэтаў, В. М. Тэлія і інш.), гэтая з’ява з’яўляецца па-ранейшаму неадназначнай, шматаспектнай і прыцягвае ўвагу даследчыкаў.

Акрамя канатацый эмацыянальнага характару лінгвісты вылучаюць і ўласна семантычныя канатацыі, якія ўключаюцца ў сферу свядомасці. Лінгвістычны статус тэрміна «канатацыя» надаў Л. Блумфілд. На яго думку, канатацыяй з’яўляюцца дадатковыя адценні значэння слова, у якіх заключаны істотныя ўласцівасці і асаблівасці аб’екта. Ён засяродзіў увагу на экстралінгвістычным змесце канатацыі, яе залежнасці ад сацыяльных, рэгіянальных і культурных фактараў. Як сяміятычную сутнасць канатацыю разглядаў Л. Ельмслей. Любая другарадная інфармацыя, што можа перадавацца словам, разумеецца ім у якасці канатацыі. У стылістыцы сталі вылучаць канататыўнае значэнне ва ўсіх моўных знаках (К. А. Долін, Д. М. Шмялёў). Улічваючы тую акалічнасць, што на аснове першаснай

моўнай сістэмы пастаянна ўзнікаюць сістэмы другасных сэнсаў, Р. Барт выказвае меркаванне, што ў быдучым з’явіцца канататыўная лінгвістыка. А. І. Яфімаў звязаў паняцце канатацыі з эмацыянальна афарбаванымі словамі, якія валодаюць выразнай экспрэсіўнасцю. Пасля развіцця тэорыі інтэртэкстуальнасці сталі гаварыць пра наяўнасць канататыўнасці ў любым тэксце дыскурсу. Як адзначае В. Р. Рэўзіна, інтэртэкстуальныя канататыўныя абазначэнні, якія выдзяляюцца ў інтэртэкстуальных сувязях, могуць быць апісаны ў тэрмінах сінаніміі, антаніміі, канверсіі, лексіка-семантычных палей, словаўтваральных паняццяў, семантычных сцяжэнняў, кандэнсацый, абрэвіатур [2].

У лінгвістаў няма адзінага погляду наконт месца канататыўнага кампанента ў структуры значэння слова: ён уваходзіць у сігніфікат або дэнатат ці з’яўляецца самастойным кампанентам. Бясспрэчным з’яўляецца той факт, што разам з дэнататам (паняццем) канатат складае лексічнае значэнне слова. Дэнатат як прадметна-лагічны, ці аб’ектыўна-паняццёвы, змест слова з’яўляецца абавязковай і асноўнай часткай лексічнага значэння слова.

Канатат як дадатковая і неабавязковая частка лексічнага значэння выражае эмацыянальна-экспрэсіўную функцыю мовы, паказвае на суб’ектыўнае ўспрыняцце асобай аб’ектыўнай рэчаіснасці. Канататыўнае значэнне моўнай адзінкі можа быць асноўным, другарадным або раўназначным з дэнататыўным. Паводле выказвання В. Г. Рэўзінай, «канататыўная інфармацыя можа быць пераведзена ў дэнататыўную і дэнататыўная – у канататыўную» [2, с. 443].

У лінгвістаў няма адназначнага меркавання пры разглядзе пытання аб наяўнасці ў канатацыі аспектаў эмацыянальнасці, экспрэсіўнасці, ацэначнасці. Л. А. Сяргеева выказвае меркаванне, што «наўрад ці правамерна ставіць пытанне пра ўключэнне эматыўнасці, экспрэсіўнасці і ацэначнасці ў канататыўны аспект семантыкі моўных адзінак у цэлым у прынцыпе: у кожным канкрэтным выпадку яно можа мець рознае рашэнне» [3, с. 153]. Асобнай увагі даследчыкаў канатацыі заслугоўвае яе ацэначны кампанент. Ацэнка можа ўтрымлівацца ў самім прадмеце, яе можа выражаць моўца праз свае адносіны да прадмета. Так як канатацыя звязана з прагматыкай мовы, то значы-

мым яе кампанентам з'яўляецца экспрэсіўнасць і эмацыянальнасць.

Згодна з функцыямі канатацыі, прафесар Л. А. Сяргеева разам з эматыўнай экспрэсіўнай і ацэначнай канатацыяй вылучае характаралагічную (змястоўную) канатацыю. На аснове характаралагічных канатацый слова метафарызуецца, «уваходзіць у склад параўнанняў, удзельнічае ў словаўтварэнні і фарміруе культурна значымыя сэнсы мастацкага тэксту» [3, с. 153]. Звесткі, якія ўтрымліваюць такія словы, павінны быць вядомымі ўсім членам моўнага калектыву. Характаралагічная канатацыя вымагае ад даследчыкаў размежавання канатацыйных і асацыяцыйных прыкмет значэння слова. Улічваючы, што «канататыўныя прыкметы этнакультурныя і маюць дачыненне да семантыкі слова, а асацыяцыйныя змяшчаюць сацыякультурныя, суб'ектыўныя сэнсы», Л. А. Сяргеева робіць выснову, што «змястоўныя канатацыі ўтвараюць толькі частку магчымых у слова асацыяцый» [3, с. 153]. Пры гэтым яна абыходзіць увагай іншыя віды канатацыі: эматыўную, экспрэсіўную і ацэначную – і не дае тлумачэння, як яны суадносяцца з асацыяцыямі. Як бачым, Л. А. Сяргеева размяжоўвае паняцці канатацыі і асацыяцыі.

У большасці навуковых даследаванняў паказваецца сувязь паміж канататыўнымі і асацыяцыйнымі прыкметамі. Адзначаецца, што праз вобразныя асацыяцыі нацыянальна-культурная канатацыя звязвае мову і культуру.

Згодна з тлумачэннем В. М. Тэліі, нацыянальна-культурная канатацыя (у дачыненні да фразеалагічнага складу мовы) – гэта сістэма вобразаў, якая служыць своеасаблівым змесцівам для кумуляцыі светабачання і тым самым звязана з матэрыяльнай, сацыяльнай або духоўнай культурай пэўнага моўнага грамадства, а таму можа сведчыць пра яе культурна-нацыянальны вопыт і традыцыі [4, с. 309–311].

У працах, прысечаных даследаванню сувязі «мова – культура – чалавек», звычайна аналізуюцца канатацыі, якія ўзніклі на аснове асацыяцый, звязаных з паняццем пра прадмет ці рэалію, аднак могуць быць матываванымі і ўласцівасцямі рэалій: свіння (пра неахайнага чалавека), талмуд (пра чытанне, якое стамляе).

Пытанні вербальных асацыяцый займаліся і займаюцца лінгвісты і псіхалінгвісты (А. А. Патабня, М. В. Крушэўскі, М. М. Пакроўскі, В. У. Красных, Р. М. Фрумкіна, А. А. Залеўская, А. І. Нікалаева, С. С. Бялова, Я. М. Трэнін і інш.).

Лінгвісты прыйшлі да высновы, што кожнае слова заключае ў сабе тыя ці іншыя асацыяцыі. Напрыклад, В. У. Вінаградаў адзначаў, што сэнсавая сутнасць слова не вычэрпваецца ўласцівымі яму значэннямі. Яно насычана адлюстраваннем іншых звёнаў моўнай сістэмы, выражаючы адносіны да іншых слоў, суадносных або звязаных з яго значэннем [5, с. 6].

Ш. Балі гаварыў, што кожнаму слову адпавядае асацыяцыйнае поле. Асацыяцыі, якія суправаджаюць слова, могуць быць больш блізкімі або далёкімі [6, с. 151]. Зыходзячы з прыведзеных меркаванняў, можна зрабіць выснову, што любая мянушка валодае асацыяцыйным кампанентам.

Асацыяцыі з'яўляюцца зыходнай пазіцыяй для выбару і пераасэнсавання слова. Суб'ект, які пазнае, падбірае моўнаму знаку тлумачэнне ў выглядзе аналогіі, тоеснасці, супастаўлення з якім-небудзь іншым прадметам. Таму выбар моўнага знака для мянушкі грунтуецца перш за ўсё на параўнанні, супастаўленні і аналогіі. Важнымі для асацыяцый і канатацый здаюцца вартасці, звычаі і традыцыі лінгвакультурнага грамадства, тыя ўмовы, якія асацыююць ўсё пазнаваемае з пазіцыі самапазнання.

Асацыяцыйны кампанент значэння залежыць як ад экстралінгвістычных, так і ад інтралінгвістычных фактараў, што выклікае цяжкасці пры размеркаванні вербальных асацыяцый па пэўных групам ці тыпам. Механізм узнікнення асацыяцый звязаны з узмацненнем асобных аспектаў значэння слова або з асаблівасцямі яго ўнутранай формы, якая спараджае ўстойлівыя асацыяцыі. Пры гэтым іменна асацыяцыя з'яўляецца матывавальнай асновай для ўзнікнення канатацыі. Асобныя прыкметы, якія становяцца ўнутранай формай канататыўнага слова, вылучаюцца з дэнатата. Калі пра няўважлівага чалавека кажуць «варона», то гэта не значыць, што ў яго ёсць дзюба і чорныя крылы, а гаворыць нам пра тое, што такі чалавек у сітуацыі, якая патрабуе пільнай увагі і адпаведнай рэакцыі, не здольны своечасова адрэагаваць. Замацаванне асацыя-

тыўных прыкмет у значэнні слова, ці ўзнёсненне канатацый – працэс нацыянальна-культурны.

Існуюць розныя віды тыпалагізацыі асацыяцый. Звычайна яны груруюцца на адносінах падабенства і сумежнасці. Як бачыцца, для мянушак найбольш прыдатнай будзе тыпалогія, прапанаваная У. Р. Гакам. Яна будзе на аналогіі з асноўнымі тыпамі адносін паміж паняццямі: раўназначнасць (падабенства), супадпарадкаванне (змяшчэнне), кантрадыкцыянасць (кантрас), расшырэнне і звужэнне, перанос (звычайна метанімічны) [7, с. 86].

Пра сувязі канатацыі з культурна-нацыянальнай самабытнасцю асацыяцый разважае В. М. Ракіціна. Яна вызначае канатат як эмацыянальна-ацэначную і стылістычна маркіраваную афарбоўку моўнай адзінкі, якая выражае адносіны суб'екта маўлення да рэчаіснасці ўзуальнага або аказіянальнага характару [8, с. 32].

Сувязь канатацыі з асацыяцыйнай акрэслівае В. М. Тэлія: «Інтэрпрэтацыя гэтых выразаў (фразеалагізмаў – Л. Л.) на аснове суаднясення іх асацыятыўна-вобразных успрыняццяў са стэрэатыпамі, якія адлюстроўваюць народны менталітэт, раскрывае іх культурна-нацыянальны сэнс і характар, які і з'яўляецца адлюстраваннем культурнай канатацыі» [4, с. 304–305].

Сувязь іменумай асобы і наймення рэалізуецца праз слова. Слова ж звязана з іменумай асобай праз шэраг асацыяцый. Вывучэнне гэтых сувязей з'яўляецца важным для спасціжэння сутнасці іменавання чалавека мянушкай. Праз жыццёвы вопыт намінатара, які абумоўлівае спецыфіку асацыятыўнага мыслення і моўную форму выражэння, ці мянушку, і выяўляюцца асацыятыўныя сувязі. Асацыятыўнае значэнне мянушкі як моўнага знака можа з'яўляцца сітуацыйным і залежыць ад шэрагу як аб'ектыўных, так і суб'ектыўных паказчыкаў. Як адзначаў швейцарскі лінгвіст Ш. Балі, «моўная сістэма ўяўляецца нам у выглядзе шырокай сеткі пастаянных мнеманічных асацыяцый, вельмі падобных паміж сабой

ва ўсіх гаворачых суб'ектаў. Гэтыя асацыяцыі распаўсюджваюцца на ўсе структурныя часткі мовы – ад сінтаксісу, стылістыкі, затым лексікі і словаўтварэння да гукаў і асноўных форм вымаўлення» [6, с. 30–31].

Заклучэнне

Праз асацыяцыі, замацаваныя ў мянушках, выяўляецца багацце ведаў чалавека пра свет, яго ўяўленні пра акаляючае асяроддзе, яго ўнутраны стан, які выражаецца ў мянушках праз эмацыянальна-ацэначны кампанент, ці канатат. Згодна з азначэннем Р. М. Фрумкінай, асацыяцыя – гэта сувязь паміж нейкімі суб'ектамі або з'явамі, заснаваная на нашым асабістым, суб'ектыўным вопыце. Ён можа супадаць з вопытам той культуры, да якой мы належым, і ў той жа час з'яўляецца асабістым, замацаваным у прошлым вопыце асобнага чалавека [9, с. 189].

Улічваючы, што пры аналізе мянушак у антрапацэнтрычным аспекце іх канатацыя выяўляецца праз асацыятыўную сувязь, прапануем выкарыстоўваць тэрмін асацыятыўна-канататыўнае значэнне мянушак.

Асацыятыўна-канататыўнае значэнне мянушкі – гэта аб'ектыўна-суб'ектыўныя сэнсы, якія ўваходзяць у семантыку мянушкі, звязваюць мову і культуру ў яе змесце праз асацыяцыі, што спараджаюць канатацыю дэнатата – асновы мянушкі.

У дачыненні да мянушак мы будзем карыстацца такімі азначэннямі тэрмінаў, як *канатацыя*, *асацыяцыя*, *дэнатат*.

Канатацыя – гэта асноўныя, істотныя прыкметы семантычнай структуры мянушкі-імя, якія сфарміраваліся на аснове дэнататыўнага значэння і ўвасабляюць прынятую ў пэўнай супольнасці людзей ацэнку чалавека.

Асацыяцыя – гэта сувязь, якая ўзнікла на аснове падабенства і сумежнасці іменумай асобы з устойлівымі прыкметамі дэнатата, які стаў асновай мянушкі; матывальная аснова канатацыі мянушкі.

Дэнатат – гэта рэалія ці з'ява, якая фарміруе асноўны аб'ектыўна-паняцыйны змест слова, што суадносіцца з мянушкай.

СПІС ВЫКАРЫСТАНЫХ КРЫНІЦ

1. Буркова, Т. А. Стилистические концепции прозвищных имен в немецких литературных текстах / Т. А. Буркова // Теория поля в современном языкознании : межвуз. науч. сб. – Уфа : РИО БАШГУ, 2002. – С. 60–62.

2. Ревзина, О. Г. О понятии коннотации / О. Г. Ревзина. – URL: <https://web.archive.org/web/20100315155142/http://danefae...> (дата обращения: 12.11.2024).
3. Сергеева, Л. А. Коннотация, культурный компонент значения и фоновые знания / Л. А. Сергеева. – URL: <https://www.gramota.net/materials/2/2016/12-1/44.html> (дата обращения: 12.11.2024).
4. Телия, Н. В. Культурно-национальные коннотации фразеологизмов (от мировидения к миропониманию) / Н. В. Телия // Славянское языкознание. XI Международный съезд славистов. Доклады российской делегации : сб. докл. / отв. ред. Н. И. Толстой. – М. : Наука, 1993. – С. 302–315.
5. Виноградов, В. В. Основные типы лексических значений слова / В. В. Виноградов // Вопросы языкознания. – 1953. – № 5. – С. 3–29.
6. Балли, Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка / Ш. Балли. – М. : Изд-во иностр. лит., 1955. – 416 с.
7. Гак, В. Г. Семантическая структура слова как компонент семантической структуры высказывания / В. Г. Гак // Семантическая структура слова. Психолингвистические исследования : сб. ст. / отв. ред. А. А. Леонтьев. – М. : Наука, 1971. – С. 78–96.
8. Ракитина, О. Н. Национально-культурная коннотация как семантическая категория (на материале русских и немецких слов, обозначающих участки рельефа в фольклорных текстах) : дис. ... канд. филол. наук : 10.01.09 / Ракитина Ольга Николаевна. – Воронеж, 2005. – 229 л.
9. Фрумкина, Р. М. Психолингвистика / Р. М. Фрумкина. – М. : Академия, 2001. – 320 с.

REFERENCES

1. Burkova, T. A. Stilistichieskije koncepcii prozvischnykh imion v niemieckikh literaturnykh tiekstakh / T. A. Burkova // Tieorija polia v sovremennom jazykoznanii : miezhvuz. nauch. sb. – Ufa : RIO BASHGU, 2002. – S. 60–62.
2. Rievzina, O. G. O poniatii konnotacii / O. G. Rievzina. – URL: web.archive.org/web/20100315155142/http://danefae... (data obrashchienia: 12.11.2024).
3. Siergiejeva, L. A. Konnotacija, kul'turnyj komponent znachienija i fonovyje znaniya / L. A. Siergiejeva. – URL: www.gramota.net/materials/2/2016/12-1/44.html. (data obrashchienia: 12.11.2024).
4. Telija, N. V. Kul'turno-nacional'nyje konnotacii frazieologizmov (ot mirovidienija k miroponimaniju) / N. V. Telija // Slavianskoje jazykoznanije. XI Miezhdunarodnyj sjezd slavistov. Doklady rossiiskoj dieliegacii : sb. dokl. / отв. ried. N. I. Tolstoj. – М. : Nauka, 1993. – S. 302–315.
5. Vinogradov, V. V. Osnovnyje tipy lieksichieskikh znachienii slova / V. V. Vinogradov // Voprosy jazykoznanija. – 1953. – № 5. – S. 3–29.
6. Balli, Sh. Obshchaja lingvistika i voprosy francuzskogo jazyka / Sh. Balli. – М. : Izd-vo inostr. lit., 1955. – 416 s.
7. Gak, V. G. Siemantichieskaja struktura slova kak komponent siemantichieskoj struktury vyskazyvanija / V. G. Gak // Siemantichieskaja struktura slova. Psikholingvistichieskije issliedovanija : sb. st. / отв. ried. A. A. Lieont'jev. – М. : Nauka, 1971. – S. 78–96.
8. Rakitina, O. N. Nacional'no-kul'turnaja konnotacija kak siemantichieskaja katiegorija (na materialie russkikh i niemieckikh slov, oboznachajushchikh uchastki riel'jefa v fol'klornykh tiekstakh) : dis. ... kand. filol. nauk : 10.01.09 / Rakitina Ol'ga Nikolajevna. – Voroniez, 2005. – 229 l.
9. Frumkina, R. M. Psikholingvistika / R. M. Frumkina. – М. : Akadiemija, 2001. – 320 s.

Рукапіс наступіть у редакцію 20.11.2024

Инна Леонидовна Ильичёва*канд. филол. наук, доц., докторант каф. речеведения и теории коммуникации
Минского государственного лингвистического университета***Inna Ilyichova***Candidate of Philological Sciences, Assistant Professor,
Postdoctoral Student of the Department of Speech Studies and Communication Theory
of Minsk State Linguistic University
e-mail: ilitcheva@list.ru*

АССОЦИАТИВНЫЙ ПРОФИЛЬ БРЕСТСКОГО РЕГИОНА: МАРШРУТЫ АССОЦИИРОВАНИЯ

Вопросы изучения языкового сознания находятся в фокусе внимания представителей ряда лингвистических наук. Привлечение регионального материала позволяет решить вопросы моделирования образа территории в сознании жителей региона. Автор обращается к нестандартной методике анализа ассоциативных реакций. На основе анализа цепочек ассоциативных реакций респондентов автором выделены и описаны пять основных типов маршрутов ассоциирования.

Ключевые слова: языковое сознание, ассоциативное поле, ассоциативная реакция, когнитивный слой, маршрут ассоциирования

Associative Profile of the Brest Region: Association Routes

The issues of studying linguistic consciousness are in the focus of attention of representatives of a number of linguistic sciences. The involvement of regional material allows solving the issues of modeling the image of the territory in the consciousness of the region's residents. In the article, the author turns to a non-standard method of analyzing associative reactions. Based on the analysis of chains of associative reactions of respondents, the author identifies and describes five main types of associative routes.

Key words: linguistic consciousness, associative field, associative reaction, cognitive layer, association route.

Введение

В современном научном знании последних десятилетий языковое сознание как объект исследования занимает статус значимого и востребованного. Изучение данного феномена с позиций целого ряда лингвистических наук (ассоциативной лингвистики, лингвокультурологии, этнопсихолингвистики, лингвоконцептологии, социолингвистики) «позволяет уточнить представления об образах сознания, ассоциированных с телами языковых знаков и обычно называемых в лингвистике лексическими значениями, расширить наши знания о динамике развития значений слов в онтогенезе, сформировать более адекватное понимание процесса языкового общения» [1, с. 4].

Языковое сознание людей формируется постепенно. Общаясь с внешним миром, человек получает информацию, которая помогает представлять предметы, домысливать ситуации, предвидеть ход событий. Опосредованный характер человеческого мышления дает уникальную способность продуцирования суждений и умоза-

ключений. Языковое сознание «является своего рода “инструментом”, с помощью которого образы предметного мира получают свое языковое воплощение» [2, с. 23]. По словам Е. Ф. Тарасова, «связь тела языкового знака с некоторыми знаниями, сформированными в конкретной этнической культуре, ассоциативна, и самое существенное то, что тело языкового знака и ассоциированное с ним знание (значение) локально разобщены: тела знаков в виде колебаний воздуха находятся в межсубъектном пространстве, а их значения – в телах коммуникантов» [3, с. 129].

Использование экспериментального подхода в процессе изучения фрагментов языкового сознания способствует решению многих задач. Как пишет Н. И. Курганова, «при определенных условиях порождение вербальных реакций в условиях ассоциативного эксперимента протекает по законам речемыслительной когнитивно-дискурсивной деятельности в соответствии с правилами и нормами определенной культуры» [4, с. 27].

И. А. Стернин и М. Р. Махаев считают, что «экспериментальное описание семантики имен собственных как феноменов языкового сознания дает возможность представить их содержание как некоторую психологическую реальность, выявить такие семантические компоненты, которые не фиксируются другими, традиционными методами и приемами семантического анализа» [5, с. 230].

В условиях всемирной глобализации и тесной интеграции культур «приобретает особую важность выявление изменений, определяющих региональную специфику языкового сознания носителей национальных языков» [6, с. 1161]. Региональные особенности мышления и поведения «фиксируются в знаках языка и тем самым отражаются в нем. Язык же, в свою очередь, влияет на понимание мира» [7, с. 233]. Следовательно, региональное языковое сознание представляет собой систему образов сознания жителей определенного региона, «формируемых и овнешняемых при помощи языковых средств – слов, свободных и устойчивых словосочетаний, предложений, текстов и ассоциативных полей» [8, с. 10]. В данной статье автор обращается к языковому сознанию жителей Брестского региона.

Материал и методика исследования

В 2023 г. в рамках выполнения диссертационного исследования «Коммуникативное пространство Брестчины» кафедра речеведения и теории коммуникации Минского государственного лингвистического университета при содействии главного управления идеологической работы и по делам молодежи Брестского областного исполнительного комитета провела масштабное исследование «Брестчина глазами людей разных профессий». Участниками свободного ассоциативного эксперимента стали 2960 человек: представители 9 сфер занятости, проживающие в 21 населенном пункте Брестской области. Всем участникам эксперимента было предложено письменно заполнить бланки с вопросом: «С чем у Вас ассоциируется Брестская область?».

Для анализа полученных ассоциативных реакций была использована методика Н. И. Кургановой [4], а также авторская методика анализа ассоциативных цепочек.

Результаты и обсуждение

На первом этапе обработки все полученные реакции были сведены в общую базу и оформлены в виде 9 ассоциативных полей (для каждой группы респондентов по критерию профессиональной принадлежности отдельно). Дальнейший этап количественной обработки позволил выделить тематические ассоциативные группы и когнитивные слои отдельно по каждой группе. На заключительном этапе было сформировано ассоциативное макрополе «Брестская область». Полученные результаты свободного ассоциативного эксперимента опубликованы в цикле работ автора [9–11].

В ходе анализа выявлено, что ассоциативные поля, полученные по результатам анкетирования разных групп респондентов, тесно взаимосвязаны: фиксируется частичное совпадение (реакции-стереотипы) и вариативность (реакции-вариативы).

Для того чтобы понять закономерности целостного восприятия образа Брестского региона в сознании жителей как фрагмента действительности, в ходе проведения анализа впервые была использована нестандартная методика. Обработка полученных анкет проводилась вручную, без применения специальных технических средств, что позволило детально изучить линии ассоциирования респондентов. Сначала была проанализирована вся ассоциативная цепочка на предмет характера и последовательности фиксирования ассоциативных реакций, потом были рассмотрены отдельные звенья цепочки. Такой подход позволяет изучать не только отдельные реакции на слова, а «некоторые “сети” (или “пучки”) ассоциируемых слов», по которым происходит ассоциирование» [2, с. 53]. Алгоритм авторского анализа включает также описание лингвистического статуса полученных ассоциатов.

Итак, анализ анкет респондентов всех целевых групп позволил выявить такую особенность, как наличие определенных типов ассоциативных цепочек – маршрутов ассоциирования. При этом словосочетание-стимул выступает исходной точкой маршрута, а последняя реакция рассматривается как конечный пункт.

Опираясь на данные ассоциативного эксперимента, в цепочках ассоциативных реакций, на наш взгляд, можно выделить

пять типов маршрутов ассоциирования: цепочки 1–5.

Анализ показывает, что наиболее часто встречаемым маршрутом ассоциирования является цепочка 1: стимул – ядерные ассоциаты (*Брестская область – Брестская крепость, Беловежская пуца; Брестская область – Брестская крепость; Брестская область – Беловежская пуца*). Такой вариант является своего рода бинарным: в нем проводится параллель между стимулом и одним или двумя элементами ядерной зоны.

Следующей по частотности является цепочка 2: стимул – разновекторные ассоциаты (ядерные и периферийные), – которая характеризуется разнообразием ассоциаций на анализируемый стимул (*Брестская область – Брестская крепость, Беловежская пуца, «Белая Вежа», санаторий «Берестье», природа, резиденция Деда Мороза, уют, зеленая, развитая, доброжелательность, уникальная, грибы, черника, васильки*). Звеньями цепочки данного типа служат элементы всех зон (ядерной, ближней, дальней и крайней периферии). Как видно из приведенных примеров, морфологическая принадлежность словосочетания-стимула предопределила наличие атрибутивных реакций: *уникальная, зеленая, развитая*. Значительное место занимают реакции предметного (*черника, грибы, деревья*) и оценочного (*уют, тепло, доброжелательность*) типа. Такой маршрут ассоциирования служит своего рода доказательством, что образ Брестского региона в сознании его жителей выглядит привлекательным и разновекторным.

Реже испытуемые обращались к более разветвленному маршруту ассоциирования. Цепочка 3: стимул – наличие промежуточного стимула в общей цепи ассоциатов. Появление в ассоциативной цепи одного или нескольких промежуточных стимулов приводит к детализации или конкретизации промежуточного стимула (обычно это отношение «целое – часть» или «часть – целое»): 1) *Брестская область – родина, уникальная природа, край лесов и полей, грибы, васильковые поля, бескрайние просторы, аист*; 2) *Брестская область – родина, семья, дети, внуки; Брестская область – дом, семья, дети, работа, жизнь*; 3) *Брестская область – детство, деревня, футбол, лыжи, санки, зима*. В процессе за-

полнения анкеты внимание респондентов переключается с исходного стимула на последнюю записанную ими реакцию, при этом промежуточная реакция выступает в качестве дополнительного стимула.

Особого внимания заслуживают цепочки 4 и 5, характеризующиеся наличием синтаксической связности.

Цепочка 4: стимул – дефиниция. В данном случае генерализация эксплицитно выражена на семантическом и синтаксическом уровнях. С точки зрения семантики респондент обобщает все свои впечатления и «приводит к единому знаменателю». Характерной особенностью цепочки этого типа является наличие повторяющихся маркеров целостного восприятия (лексемы *это* и *здесь*) и однотипных синтаксических структур (перечисления и параллельные конструкции): 1) *Это белорусское Полесье с обширными болотами и величественными реками*; 2) *Здесь расположена часть всемирно известного парка «Беловежская пуца»*; 3) *Здесь простирается белорусское Полесье – край уникальных природных комплексов*; 4) *Это южный регион Беларуси с высокоразвитым агропромышленным комплексом*; 5) *Это область с героическим прошлым*; 6) *Это западные ворота Республики Беларусь*; 7) *Самая лучшая область Республики Беларусь – это Брестская*; 8) *Это густонаселенная местность*; 9) *Это значимые объекты природы: Беловежская пуца, Ольманские озера, самобытные традиции и обряды, трудолюбивые люди*; 10) *Это родной край с пением птиц, запахом лесной хвои, голубизной рек и озер*.

Приведенные примеры показывают, что восприятие пространства многопланово: оно отражается в звуках, цветах, тактильных ощущениях, в реализации определенных ментальных сущностей.

Цепочка 5: восприятия собственного Я на фоне пространства. Данный тип ассоциирования характеризует наличие непосредственной связи респондента с местом проживания: основу цепочки ассоциирования составляют характеристики, маркирующие собственное состояние респондента, вызванное контактом с территорией: 1) *Родная и близкая мне территория*; 2) *Я принимаю Брестскую область как культурную, развитый и духовно богатый регион нашей страны*; 3) *Это любовь с первого взгляда!*;

4) *Возможность найти и проявить себя!*; 5) *Я горжусь, что проживаю в Брестской области*; 6) *Все мое! Все родное!*; 7) *Наша область – самая отзывчивая и доброжелательная к приему гостей*; 8) *Меня радует природа Брестчины*.

Как видно из приведенных примеров, связь респондента с территориальным локусом вербализируется посредством использования лексем *я, мое, мои, наша*. Респонденты последовательно используют личные и притяжательные местоимения как способ выдвижения наиболее значимой информации иными словами, акцент переносится на фиксацию эмоционального состояния жителей региона. Восклицательные знаки в ответах респондентов как показатели соответствующей интонации были полностью сохранены.

В ряде случаев в письменных ответах жителей региона присутствует определенные биографические данные: 1) *Я здесь родилась, выросла и живу*; 2) *Моя Родина и родина моих детей*; 3) *Это место моего рождения*; 4) *Здесь я родился, здесь прошло мое детство и юность*; 5) *Место рождения*; 6) *Место, где проходят мои лучшие годы!*; 7) *Мое новое место работы и жительства*.

Явное преобладание эмоциональных и оценочных лексических единиц в последних двух ассоциативных цепочках указывает на сильную прагматику маршрутов ассоциирования. В качестве иллюстративной наглядности приведем ряд примеров: *горжусь, восхищаюсь, испытываю гордость, люблю, любовь с первого взгляда*.

В ответах респондентов наблюдаются случаи использования синграфемных и супраграфемных средств: *#Первый регион!*; *МОЯ МАЛАЯ РОДИНА!*; ♥, – что говорит об их личностном, эмоционально-оценочном отношении к Брестскому региону.

В ходе анализа зафиксировано незначительное количество маршрутов ассоциирования смешанного типа.

Заключение

Таким образом, результаты, полученные в ассоциативном эксперименте, позволяют сделать следующие выводы.

Во-первых, описание семантики слов как достояния человека с помощью ассоциативного эксперимента с участием территориально ограниченного состава респондентов позволяет зафиксировать отображение территории проживания в сознании жителей региона. Описываемый фрагмент сознания, понимаемый как сложная ассоциативно-вербальная сеть, приобретает статус регионального языкового сознания.

Во-вторых, совокупный образ Брестской области в сознании респондентов достаточно детализирован и сложен. Уровень стереотипизации регионального сознания проявляется не только в наличии повторяющихся ядерных и периферийных ассоциатов, но и в существовании стабильных маршрутов ассоциирования. Эти маршруты объясняются ассоциативной общностью внутри «коллективного сознания» и свидетельствуют о национально-культурной маркированности регионального языкового сознания.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Уфимцева, Н. В. Языковое сознание: динамика и вариативность / Н. В. Уфимцева. – М. : Ин-т языкознания РАН, 2011. – 252 с.
2. Довгалоук, М. Н. Ассоциативно-вербальное поле «армия»: лингвокогнитивный аспект : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Довгалоук Михаил Николаевич ; Санкт-Петерб. гос. ун-т. – СПб., 2016. – 163 л.
3. Тарасов, Е. Ф. К проблеме общности сознаний коммуникантов / Е. Ф. Тарасов // Тульский научный вестник. Серия: История. Языкознание. – 2020. – № 4. – С. 128–135.
4. Курганова, Н. И. Ассоциативный эксперимент как метод исследования значения живого слова / Н. И. Курганова // Вопросы психолингвистики. – 2019. – № 3 (41). – С. 24–38.
5. Махаев, М. Р. Исследование семантики имени собственного как феномена языкового сознания (по данным психолингвистических экспериментов) / М. Р. Махаев, И. А. Стернин // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. – 2022. – № 2. – С. 228–239.

6. Этнолингвистический аспект регионального языкового сознания / О. В. Балясникова, Г. А. Черкасова, А. А. Степанова, Н. В. Уфимцева // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. – 2017. – Т. 8, № 4. – С. 1161–1170.
7. Беянин, В. П. Психолінгвістика / В. П. Беянин. – М. : МПСИ, 2003. – 232 с.
8. Бутакова, Л. О. Динамика развития языковой способности и речевой компетенции носителей русского языка. Региональное экспериментальное исследование / Л. О. Бутакова. – Омск : Омск. гос. ун-т им. Ф. М. Достоевского : Вариант-Омск, 2010. – 160 с.
9. Ильичева, И. Л. Визуальный и вербальный образы региона в языковом сознании жителей Брестчины / И. Л. Ильичева // Terra Linguistica. – 2024. – Т. 15, № 2. – С. 45–54.
10. Ильичева, И. Л. К вопросу об ассоциативном образе региона / И. Л. Ильичева // Вестник Дагестанского государственного университета. Серия 2, Гуманитарные науки. – 2024. – Т. 39, вып. 1. – С. 78–86.
11. Ильичева, И. Л. Образ Брестской области по материалам ассоциативного эксперимента (моделирование и интерпретация) / И. Л. Ильичева // Известия СПбГУ. – 2023. – № 6 (144), ч. 1. – С. 12–19.

REFERENCES

1. Ufimceva, N. V. Jazykovoje soznanije: dinamika i variativnost' / N. V. Ufimceva. – M. : In-t jazykoznanija RAN, 2011. – 252 s.
2. Dovgaliuk, M. N. Associativno-vierbal'noje polie «armija»: lingvokognitivnyj aspiekt : dis. ... kand. filol. nauk : 10.02.01 / Dovgaliuk Mikhail Nikolajevich ; Sankt-Pietierb. gos. un-t. – SPb., 2016. – 163 l.
3. Tarasov, Je. F. K problemie obshchnosti soznanij kommunikantov / Je. F. Tarasov // Tul'skij nauchnyj viestnik. Sierija: Istorija. Jazykoznanije. – 2020. – № 4. – S. 128–135.
4. Kurganova, N. I. Associativnyj eksperiment kak mietod issliedovanija znachienija zhivogo slova / N. I. Kurganova // Voprosy psikholingvistiki. – 2019. – № 3 (41). – S. 24–38.
5. Makhajev, M. R. Issliedovanie siemantiki imieni sobstviennogo kak fienomiena jazykovogo soznanija (po dannym psikholingvistichieskikh eksperimentov) / M. R. Makhaev, I. A. Stiernin // Aktual'nyje problemy filologii i piedagogichieskoj lingvistiki. – 2022. – № 2. – S. 228–239.
6. Etnolingvistichieskij aspiekt riegional'nogo jazykovogo soznanija / O. V. Baliasnikova, G. A. Chierkasova, A. A. Stiepanova, N. V. Ufimceva // Viestnik Rossijskogo univiersiteta družhby narodov. Sierija: Tieorija jazyka. Siemiotika. Siemantika. – 2017. – Т. 8, № 4. – С. 1161–1170.
7. Bieljanin, V. P. Psikholingvistika / V. P. Bieljanin. – M. : MPSI, 2003. – 232 s.
8. Butakova, L. O. Dinamika razvitija jazykovoj sposobnosti i riechievoj kompetiencii nositielej russkogo jazyka. Riegional'noje eksperimential'noje issliedovanie / L. O. Butakova. – Omsk : Omsk. gos. un-t im. F. M. Dostojevskogo : Variant-Omsk, 2010. – 160 s.
9. Il'ichiova, I. L. Vizual'nyj i vierbal'nyj obrazy riegiona v jazykovom soznanii zhitieliej Briestchiny / I. L. Il'ichiova // Terra Linguistica. – 2024. – Т. 15, № 2. – С. 45–54.
10. Il'ichiova, I. L. K voprosu ob associativnom obrazie riegiona / I. L. Il'ichiova // Viestnik Dagiestanskogo gosudarstviennogo univiersiteta. Sieriya 2, Gumanitarnye nauki. – 2024. – Т. 39, вып. 1. – С. 78–86.
11. Il'ichiova, I. L. Obraz Briestskoj oblasti po matierialam associativnog eksperimenta (modelirovanije i interpretacija) / I. L. Il'ichiova // Izvjestija SPbGU. – 2023. – № 6 (144), ch. 1. – С. 12–19.

Рукапіс надруковано у редакцію 24.02.2025

УДК 821.161.3-342

DOI 10.63874/2218-029X-2025-1-25-30

Зоя Пятроўна Мельнікава*д-р філал. навук, праф., праф. каф. беларускага і рускага літаратуразнаўства і журналістыкі
Брэсцкага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А. С. Пушкіна***Zoja Melnikava***Doctor of Philological Sciences, Professor,
Professor of the Department of Belarusian and Russian Literary Studies and Journalism
of Brest State A. S. Pushkin University
e-mail: pralih@mail.ru***КАНЦЭПТАСФЕРА ПРЫПАВЕСЦЕЙ В. БЫКАВА І Я. СПАКОВА:
СЕМІЯТЫЧНЫЯ ПАДЫХОДЫ**

Абгрунтаваецца мэтазгоднасць семіятычных падыходаў у літаратуразнаўстве, у прыватнасці пры інтэрпрэтацыі твораў прапавесційна-алегарычных жанраў. Выяўлены семантыка, кантэкстуальная значнасць, ідэйна-выяўленчыя функцыі шэрагу вобразаў-канцэптаў у прыпавесцях В. Быкава і Я. Сіпакова. Зроблены высновы аб светапоглядна-аксіялагічнай змястоўнасці і спецыфіцы вобразаў-канцэптаў у творах гэтых пісьменнікаў і ў беларускім літаратурным працэсе мяжы стагоддзяў у цэлым.

Ключавыя словы: літаратуразнаўчая семіётыка, семіятычны аналіз, архетып, вобраз-канцэпт, нацыянальна-культурны канцэпт, канцэптасфера, прыпавесць, метафарызацыя, сэнс, кантэкст, аксіялогія.

Conceptual Framework of V. Bykau's and Ya. Sipakou's Parables: Semiotic Approaches

The article supports semiotic approaches to literary studies, namely, those aimed at parable and allegory interpretation. The author analyses the semantics, contextual importance, idea-rendering and depictive functions of numerous conceptual images in V. Bykau's and Ya. Sipakou's parables, defining the philosophical and axiological meaning and peculiarities of conceptual imagery in the works of the above authors and in Belarusian literature of the late 20th – early 21st century as a whole.

Key words: literary semiotics, semiotic analysis, archetype, conceptual image, national and cultural concept, conceptual framework, parable, metaphorization, meaning, context, axiology.

Уводзіны

На мяжы XX–XXI стст. у літаратуразнаўстве ўзнікла цікавасць да семіятычных тэорый, якія даюць магчымасць разглядаць тэкст як знакавую структуру (тэорыі Ф. дэ Сасюра, Р. Якабсона, Э. Бенвіста, Ю. Лотмана, Н. Мячкоўскай, М. Жынкін, Ю. Прохарава і інш.) [1–3].

Пра твор як складаную знакавую структуру мастацкага маўлення абгрунтавана шэраг канцэпцый. У філалогіі склаўся накірунак – *тэарэтычная семантыка* (семіялогія), паводле якой прапануецца даследаваць заканамернасці ўтварэння значэнняў слоў і выказванняў. Семіялогія набыла статус міждысцыплінарнай гуманітарнай навукі, на аснове якой сфарміравалася літаратуразнаўчая семіётыка. Вялікі ўклад у яе распрацоўку ўнеслі Ю. Лотман і яго паслядоўнікі (тартуская школа), італьянскі вучоны У. Эка, французскі крытык Р. Барт [4; 5]. На грунце іх ідэй у сучасным літаратура-

знаўстве распрацоўваюцца варыянты *семіятычнага аналізу* тэксту мастацкага твора [4].

Семіятычны аналіз, сапраўды, дае магчымасць глыбей зразумець мастацкае выказванне пісьменніка, яго канцэпцыю і аксіялагічную пазіцыю. У такім даследаванні задзейнічаны паняцці *знак, мэтазнак, архетып, канцэпт, код, мастацкае паведамленне, сэнс, значэнне*. Да іх ліку, па нашым перакананні, належаць і *нацыянальна-культурныя канцэпты*, большасць з якіх маюць архетыпавае паходжанне. Яны ўтрымліваюць ментальны, сацыяльны, этычны, маральна-ацэначны вопыт народа, носбітам якога з'яўляецца пісьменнік. Выяўленне іх сэнсаўтваральнай ролі дапамагае даследчыку-рэцыпіенту ўсвядоміць сутнасць задумы і канцэпцыі творцы.

Семіятычныя падыходы ўсё часцей практыкуюцца ў сучасным беларускім літаратуразнаўстве. Мэта дадзенага артыкула – на аснове семіятычных падыходаў выявіць

канцэптасферу шэрагу твораў прыпавесційнага характару В. Быкава і Я. Сіпакова, даць інтэрпрэтацыю нацыянальна-культурных канцэптаў, раскрыць змястоўнасць вобразаў-матываў як архетыпавага паходжання, так і індывідуальна-аўтарскіх, абумоўленых творчымі інтэнцыямі – задумай, пафасам, аксіялогіяй пісьменніка.

Асноўная частка

У беларускай літаратуры мяжы ХХ–ХХІ стст. прыкметна вылучаецца прыпавесційнай плынь. Гэта адпавядала эстэтычным пошукам літаратуры, тэндэнцыям абнаўлення паэтыкі, абвастрэнню праблем нацыянальна-гістарычных, культурных, маральна-філасофскіх каштоўнасцей.

Літаратурная прыпавесць – гэта жанр, у якім сістэма каштоўнасцей аўтара іншасказальна акцэнтуюцца і даводзіцца рэцыпіенту. У метафарызаваных творах узбуйняецца роля сімволіка-алегарычнай вобразнасці, вобразаў-канцэптаў, якія маюць ментальна-нацыянальную прыроду і культурна-гістарычную абумоўленасць. Іх функцыянальнасць у тэксце прадвызначана аўтарскай пазіцыяй.

Спецыфіка жанру прыпавесці прадугледжвае наяўнасць дыдактызму, павучання. Аднак у беларускай літаратуры прыпавесць стала найперш жанрам філасофскай рэфлексіі аўтара, яго пасланнем рэцыпіенту. Беларускае літаратуразнаўства неаднойчы выказвалася аб прыпавесційнасці твораў В. Быкава, А. Адамовіча, В. Казько і іншых пісьменнікаў.

Маральна-філасофскія інтэнцыі В. Быкава выразна выявіліся ў светапоглядна-каштоўнаскай праблематыцы прыпавесцей 1990-х гг. Зварот да гэтага жанру тлумачыцца новымі абставінамі і светаадчуваннем сталага пісьменніка-прарока. Традыцыйныя архетыпы В. Быкаў напаўняе актуальным зместам, і такім чынам адбываецца перакадзіраванне і прырашчэнне іх значэння і сэнсу. У прыпавесцях праз алегарычны модус В. Быкаў актуалізуе змест канцэптаў *радзіма, народ, воля, мова*, а таксама сваё разуменне грамадска-цывілізацыйных працэсаў.

Скразная тэма прыпавесцей В. Быкава – роздум аб сучаснасці і будучыні Радзімы-Беларусі. Кожны народ мае *сваю зямлю*, а кожны чалавек з гэтага народа – *сваю*

радзіму. Аднак у гісторыі чалавецтва здараюцца выпадкі, калі адбываецца нацыянальная катастрофа: людзі перастаюць адчуваць і аберагаць сваё. *Сваё ператвараецца ў чужое, а чужое становіцца сваім*. Але павязь з бацькаўшчынай заўсёды захоўваецца нават на падсвядомым узроўні, каб праз нейкі час аднавіцца. У прыпавесці «Пахаджане» пісьменнік-мысляр сведчыць, што шлях вяртання да радзімы складаны, пакутлівы. Асабліва цяжка чалавеку аднаму знайсці гэты шлях. Бясконцыя блуканні і пошукі не прыносілі героям твора, пахаджанам, выніку, бо між імі не было *згоды, духоўнага адзінства*. У прыпавесці «Пахаджане» дамінантна рэалізуецца сэнс канцэптаў *радзіма, дарога, правадыр, мэта*.

Праблема адзінства ў змаганні з захопнікамі сцвярджаецца і ў прыпавесці «Насарогі ідуць». Людское племя акупавалі агідныя і магутныя прышэльцы-насарогі. Спачатку людзі адкупляліся ад іх ахвяраваннямі, аднак хутка справа дайшла да жанчын. І людзі зразумелі, што саступкамі спакойнае жыццё не здабудзеш. Хоць надзеі на поспех былі малыя, але племя, аб'яднаўшыся, выступіла супраць насарогаў. Адбылося неверагоднае: людзі адужалі магутнага ворага, і племя вярнула страчаную незалежнасць. Быкаўскі канцэпт *насарогі* арыгінальны, новы, гэта – зразумелае кожнаму рэцыпіенту ўвасабленне чужынцаў-гвалтаўнікоў.

Антанімічныя канцэпты *свой – чужы* прысутнічаюць у мастацкай карціне свету кожнага народа. Іх актуалізацыя адбываецца ў вызначальныя гістарычныя перыяды, асабліва калі даводзіцца ў супрацьстаянні з чужым бараніць *сваё*. У прыпавесці В. Быкава «Хутаранцы» ў сюжэце і ў фінале заключана выразнае аўтарскае пасланне. Жыццё шчаслівай, працавітай сям'і на хутары нечакана парушыў незнаёмец, які загадаў хутаранцам інтэгравацца з суседняй вёскай. Але хутаранцы перамаглі «чужога», які аказаўся д'яблам. У дадзеным алегарычным сюжэце канцэпты *свой і чужы* маюць канкрэтызаваны ацэначны сэнс. Кожнае аб'яднанне прадугледжвае пераход у якасна іншы стан. Аб'яднанне з «чужым» ставіць пад пагрозу страту «свайго».

Арыгінальна перакадзіравана апазіцыя канцэптаў *свой і чужы* ў прыпавесці В. Бы-

кава «Хвастаты», сюжэт якой пабудаваны на братазабойчай вайне пацукоў.

Пра непарыўную сувязь асобы з нацыянальна-культурнымі каштоўнасцямі, якія робяць чалавека грамадзянінам, прымушае думаць прыпавець «Тры словы нямых». У прыпавесці «Новыя цывілізацыя» аксіялагічную апазіцыйнасць набываюць канцэпты *старое – новае*. Чалавек сам вольны вызначыць, што для яго з’яўляецца сваім, што чужым, а што старым ці новым... Часам ён не па сваёй волі становіцца адарваным ад роднага і пачынае лічыць чужое сваім і сапраўдным, не ўсведамляючы самападману. Але магчымасць вярнуцца да свайго ў кожнага заўсёды ёсць. Гэту думку сцвярджае пісьменнік у прыпавесці «Музыка», якая ўспрымаецца творам-перасцярогай захоўваць *памяць і вернасць свайму, роднаму*, каб не застацца без роду і племені.

Асэнсаванне вобразаў-канцэптаў у згаданых і многіх іншых творах В. Быкава 1990-х гг. («Кошка і мышка», «Хвастаты», «Вуціны статак», «Пагібель зайца») дапамагае спасцігнуць маральна-філасофскія заветы пісьменніка. Архетыпавыя канцэпты *памяці, радзімы, вайны, мінулага, свайго, роднага, чужога* і інш. бліскуча рэалізуюцца ў кантэксце сучаснасці, схіляюць да філасофскіх рэфлексій над мінулым і будучым.

На мяжы стагоддзяў прыпавесційна-алегарычная паэтыка з уласцівай ёй архетыпавасцю і метазнакавасцю набывала актуальнасць у выяўленчай сістэме многіх пісьменнікаў. Узмацнялася метафарычная ёмістасць мастацкага выказвання. Для ўвасаблення важных для аўтара пазачасавых маральна-быццёвых аксіём стаў запатрабаваны светапоглядна-ацэначны патэнцыял канцэптаў, фальклорна-міфалагічнае іншасказанне. Гэта знайшло таленавітае ўвасабленне і ў прыпавесцях Я. Сіпакова.

Прыпавесць «Свой усяму» Я. Сіпакова ўтрымлівае экзистэнцыйны роздум пісьменніка аб знікненні традыцыйнай беларускай вёскі, спрадвечнай атлантыды і родапачынальніцы многіх пакаленняў беларусаў. Аўтар падкрэслівае, што ў выміраючай вёсцы ўсё паступова становіцца апошнім. Вобраз-матыў *апошняга, знікаючага*, якое паглынае сучасная энтрапія, ёміста рэалізуюцца і ў іншых прыпавесцях Я. Сіпа-

кова. Аўтар міфалагізуе традыцыйны ўклад жыцця, беларускі вясковы свет. Незвычайныя героі твора, іх два: апошні жыхар вёскі Цыпрук Бусел і птушка бусел. Птах штогод вяртаўся на сялібу Цыпрука і жыў птушынай сям’ёй, выводзячы тут пакаленні дзяцей-птушанят. І вось настаў сумны час, бо яны ўсе сталі *апошнімі*: апошняя хата, апошні жыхар Цыпрук, апошні бусел над паміраючай сядзібай. *Хата, гняздо, птушаняты* – гэта ёмістыя архетыпавыя вобразы-канцэпты, сэнс якіх выразна ўсведамляецца рэцыпіентам. Гэта мастацка-філасофскія ўвасабленні абароненасці, гаспадарлівасці, працягу жыцця на роднай зямлі. Канцэпт *апошні* ўзмацняе драматызм твора, паглыбляе яго філасафізм, прадвызначае ўзнікненне ў падтэксце матыву *знікнення* трывалых асноў быцця, што дакладна перадае аўтарскае трывожнае пасланне: з разбурэннем традыцыйнага быцця канчаткова страчваецца сацыяльны і духоўна-маральны фундамент існавання ўсяго народа, цэлай нацыі.

Праз апошняга сведку, бусла над сядзібай, якога аўтар надзяляе функцыяй наратара, паказаны працэс вымірання, знікнення. Спачатку нямоглы былы гаспадар разбірае на дровы хлеб, бо там даўно ўжо не гадуецца жывёла; затым – адрыву, куды раней назапашвалі на зіму каню і карове сена... Адзінокая хата застаецца з адзіным жыхаром. Ён яшчэ абкошвае траву вакол хаты, каб яго буслу лягчэй было шукаць жаб у пракосах... І чалавек адчувае сябе апошнім буслом, якому хутка адлятаць у вырай, гэта значыць паміраць, пакідаць гэты свет і родную зямлю... Так яны пэўны час і суседнічаюць – чалавек і птушка.

Аўтарскі падтэкст мае выразны ідэйна-філасофскі сэнс: жыццё хуткаплыннае, зменлівае, але яно не павінна перарывацца: на змену адыходзячым пакаленням гаспадароў зямлі павінны прыходзіць маладыя – дзеці, унукі, праўнукі. Але гэтага, на жаль, не адбываецца. Запусценне ў вёсцы – месцы былой стваральнай працы і шчаслівага жыцця беларусаў – аўтар паказвае праз алегарычныя метафары – вобразы-матывы *ветру-віхору і невідмага некага*. Віхор «натварыў разбурэнне», а затым «невідомы нехта» працягнуў руйнаванне. Алегорыя, адпаведная жанравай прыродзе прыпавесці, мае выразную сацыяльна-гістарычную кана-

тацыю, указвае на драматычны лёс беларускай вёскі ў розныя перыяды.

Вобраз-канцэпт *буса* (і як наратара, і як сімвалічнага, магічнага птаха ў народным светаўспрыманні) у творы выконвае сюжэтаўтваральную функцыю. Канцэпты *хата* і *вёска* ў метафарычна-кодавай структуры твора ўвасабляюць соцыум, грамадства. Мастак іншасказальна парасцерагае ад небяспечных працэсаў самаразбурэння традыцыйнага соцыуму і быцця.

Мастацкім папярэджаннем успрымаецца вобраз-канцэпт *апошняй хаты*, «адкрытай усім вятрам, гаротнай і безабароннай» [6, с. 185]. Матывы *апошняга, свайго* і *чужога* ў дадзеным і іншых творах Я. Сіпакова маюць маральна-філасофскую канцэптуальнасць і выяўляюць аўтарскую пазіцыю. Пісьменнік, несумненна, перасцерагае сучаснікаў і нашчадкаў: сваё, роднае павінна быць вечным; тут трэба жыць, гаспадарыць, вяртацца з чужых краёў да родных мясцін.

Фінал гэтай прыпавесці Я. Сіпакова шматзначны і нават міфалагізаваны: *апошні бусел* правёў жураўлёў за небакрай, у вырай, а сам *вярнуўся* на свае паплавы, да сваёй, апошняй хаты. Аўтар ужывае прыём ўмоўнай міфалагізацыі і не ўдакладняе, хто гэта той, хто вяртаецца, – чалавек ці птушка, бо гэта неістотна. Твор успрымаецца тужлівым экзістэнцыйна-трагічным рэквіемам па родным, пакуль што яшчэ жывым, канчаткова не страчаным, але *без вяртання* гаспадароў асуджаным на *паміранне*.

Завостраным папярэджальна-філасофскім пафасам гэта прыпавесць пераклікаецца з аповесцю А. Жука «Паляванне на Апошняга Жураўля», з мноствам твораў самога Я. Сіпакова і іншых беларускіх пісьменнікаў: роднае, сваё, тое, што атрымана ў спадчыну ад продкаў, уяўляе трывалую аснову быцця народа і будучыні нашчадкаў. Увасобленае ў многіх творах нацыянальнай літаратуры, гэта перакананне набыло асаблівую вастрыню ў творчасці пісьменнікаў-мысляроў у канцы XX ст., што дазваляе рабіць высновы аб нацыязахавальным пафасе айчыннага пісьменства.

Прыпавесць Я. Сіпакова «Пажар» тоесная па маральна-філасофскім нападзенні з прааналізаванай вышэй. Сімвалам руйнавання-знікнення ў гэтым творы з’яўляецца невядома кім учынены *пажар на*

сядзібе, дзе ніхто з людзей ужо не жыў. Пасля смерці гаспадыні, бабкі Яснеі, тут быў толькі міфалагічны *хатнічак*. Пасля пажару людзі казалі: напэўна, Яснея «хату забрала з сабою» [6, с. 170]. На папярэшчы засталіся толькі жалезныя рэчы: каса, вілы, сякера, лыжкі, качэргі, крукі... «А тое, за што браліся чалавечыя рукі, што грэлі чалавечыя далоні, што шліфавалі чалавечыя мазалі, згарэла». Аўтар, на наш погляд, запрашае рэцыпіента задумацца: што ў жыцці, бытаванні чалавека з’яўляецца сапраўды каштоўным, што часовым, а што вечным. Тут таксама па-мастацку выяўляецца матыў *знікнення-памірання*, праз які прачытваецца аўтарскае пасланне: набыткі чалавечых рук, людской працы могуць загінуць, яны не вечныя; у жыцці людзей ёсць важнейшыя, вечныя каштоўнасці, і гэта не матэрыяльныя, а духоўныя рэчы. У метафарычных апісаннях пажарышча, у падрабязным пераліку таго, што згарэла і што засталася, аўтар звяртае ўвагу на *печ*, якая ацалела.

Я. Сіпакоў ужывае прыём супрацьпастаўлення, апісваючы, *якой была вёска і хата Яснеі і што засталася*. У *апошняй хаце* некалі ўсё было як у людзей: «Шчабяталі, смяяліся дзеці, каля хаты цвілі касацікі ды вяргіні, а на падворку кляпаў касу ці секровы таксама малады яшчэ гаспадар. З гадамі дзеці павырасталі, параз’ехаліся па свеце, а састарэлага гаспадара, дзеда Шэраша, забралі ў *вар’яцкі дом* – ужо колькі гадоў дзед жыве там, даказвае ўсім, што ён *плуг*, і лаецца з кожным, хто не верыць у гэта» [6, с. 172]. У метафарызаваным тэксце Я. Сіпакова вылучаюцца кодавыя вобразы-сімвалы, канцэптуальныя ўвасабленні аўтарскага разумення асабістых і грамадска-сацыяльных каштоўнасцей быцця. За абагульненым сэнсам некаторых з іх часта і выразна паўстаюць канкрэтызаваныя гістарычныя рэаліі. Выміранне беларускай вёскі аўтар успрымае як сацыяльную драму. «Нейкія нягоднікі прызналі іхнюю найпрыгажэйшую вёску непerspектыўнай» [6, с. 172]. Пісьменнік, як і ў папярэднім творы, ужывае міфалагізаваныя ўвасабленні: «адухаўляецца» хата, уводзяцца міфалагічныя вобразы Хатнічка і Лазенніка, якія пасля смерці Яснеі гаспадарылі на *сядзібе*. Міфалагічныя істоты сімвалізуюць пераходнасць паміж былым, жывым светам беларускай вёскі і яе

неадступным знікненнем. Аўтар стварае сумны малюнак папалішча і здзічэння некалі «найпрыгажэйшай» вёскі: «Усё выпалала да попелу, і нават ніводнай галавешкі не засталася... А навокал папалішча буяе трава – дзядоўнік і маліннік, крапіва і асот... Буяе аж ірве зямлю трава...» [6, с. 172].

Канцэптуальнасцю вызначаецца вобраз дзеда Шэраша, які ўсё жыццё быў аратым-гаспадаром. Калі яго праца стала незапатрабаванай, а дзеці «павырасталі, параз’ехаліся па свеце», адварнуліся ад роднай зямлі і вёска стала выміраць, дзед ад распачы звар’яецца. Матывам вар’яцтва аўтар перадае сваё непрыманне разбурэння народнага быцця.

Прыпавесць Я. Сіпакова «Яшчэ ў статку» выклікае роздум над маральным, духоўна-інтымным светам чалавека: у чым феномен узнікнення кахання? Ад чаго залежыць яго трываласць? Чаму не ўсім дадзена гэта незвычайнае пачуццё, якое адраджае боскае ў чалавеку?

Праз метафарычны аповед аўтар дапамагае сучаснікам знайсці адказы на гэтыя пытанні, паказваючы эвалюцыю інтымных адносін – ад фізіялагічнай патрэбы да маральна-этычнага, духоўнага ўзвышэння чалавека. Галоўным героем прыпавесці з’яўляецца цнатлівы юнак Сонцапас. Імем героя аўтар падкрэслівае, што гэта быў незвычайны хлопец з чуйнай да прыроды і ўсяго свету душой: «Яго можна было зваць і Дрэвапасам, і Травапасам, і Каменепасам... Ён любіў усё, што было вакол яго, што зараз мы завём живою прыродаю...» [6, с. 187].

Сюжэт твора – гісторыя героя і яго адносін з распуснай дзяўчынай Рылаткай, якую вадзілі «за камень» усе хлопцы. Яна абражала юнака, бо ён не жадаў яе. Ён быў выключэннем у «статку»: «Колькі вадзілі за той камень яе і колькіх вадзіла туды яна сама! І ён заўсёды, як тое сонца, праводзіў яе вачыма і цярпліва чакаў...» [6, с. 187]. Вобраз Сонцапаса мае выразныя рысы фальклорнага героя і тыпалагічна падобны да шэрагу літаратурных герояў беларускіх класікаў: Гусляра (паэма Я. Купалы «Курган»), Сымона-музыкі (паэма Я. Коласа «Сымон-музыка»), Сымона-салаўя (аповесць З. Бядулі «Салавей»). Як і яго папярэднікі, герой Я. Сіпакова вылучаўся тонкім адчуваннем характа працы і разуменнем

каштоўнасці жыцця. У «статку» яго лічылі дзіваком, бо ён не хацеў карыстацца даступнасцю дзяўчыны, якую за тоўстыя, пажадлівыя вусны назвалі Рылаткай. Герой знайшоў для распусніцы ўзнёслае імя – Крылатка, бо пры кожнай сустрэчы з ёй у яго быццам вырасталі крылы. Ён «імкнуўся бачыць толькі яе вочы, думаць толькі пра яе душу» [6, с. 186].

Аўтар стварае вобраз ідэальнага героя, узвышаныя пачуцці і чыстая душа якога перараджаюць распусніцу. Прыпавесціная спецыфіка хранатопу выяўляецца, калі аўтар піша, што ў XX ст. гэта гераіня хадзіла б за камень з бізнесменамі, капіталістамі, рэжэсёрамі. Адночы і ён павёў яе, але не за камень, а за шырокі куст. «Выйшлі яны адтуль толькі праз месяц. Выйшлі зусім іншымі. Ён нешта новае займеў, але нешта і страціў... Тая, ранейшая, памерла для яго. А ён для яе нарадзіўся – зараз ужо Крылатка ні з кім, апрача яго, не хацела хадзіць за куст...» [6, с. 190]. Важнаесэнсавае напаўненне мае кантэкставая антытэза – *камень* і *куст*, дзе *камень* увасабляе грубае, пажадлівае мінулае, а *куст* – нараджэнне новага ў душах і пачуццях.

У гэтай псіхалагічнай і рамантызаванай прыпавесці выразна акрэслены аўтарскія маральна-этычныя погляды. Праз сюжэт маральнага адраджэння і ўзвышэння Я. Сіпакоў запрашае чытача верыць, што ў кахання відушчая душа, бо розумам не заўсёды можна растлумачыць, што прываблівае, злучае ці адштурхоўвае людзей. Твор дае падставы для важных маральна-філасофскіх і этычных высноў: у каханні кожны чалавек праходзіць свой шлях, свае пакуты і выпрабаванні; сапраўднае каханне – духоўнае; толькі людзі з высокай і чыстай душой здольныя ўзняцца над «статкавасцю» і спасцігнуць сапраўднае характа кахання і жыцця.

Многія прыпавесці Я. Сіпакова пры бяспрэчна дамінуючай маральна-філасофскай канатацыі і ўніверсальнасці сэнсу маюць гісторыка-канкрэтызаваны змест. Так, у творы «Як спакайней?», дзе абставіны нагадваюць драматычна-трагічныя 1930-я гг., аўтар узнімае экзістэнцыйную праблему выбару. Герой твора – урач, чалавек мірнай прафесіі, павінен вырашыць, як яму жыць спакайней у тры-

вожны час: са зброяй, якую настойліва прапануе «ваенны чалавек», ці без яе?

У метафарычнай прыпавесці «Туман» таксама прачытваецца выразны маральна-філасофскі змест. Аўтар разважае аб сэнсе жыцця і місіі жанчыны, у т. л. сучаснай – эмансціраванай і самадастатковай. Яна штодзень ходзіць на працу, вечарам вяртаецца, вячэрае, звыкла садзіцца ў крэсла або на канапу і ўключае тэлевізар. Вобраз-матэрыя туману алегарычна ўвасабляе мрой жанчыны, якая чакае мужчынскай узаемнасці, сям’і, кахання, зямнога і рэальнага шчасця.

Заклучэнне

Устанаўленне і асэнсаванне канцэптасферы тэксту ўяўляецца прадуктыўным прыёмам семіятычнага аналізу твораў, у т. л. прыпавесцінай прозы. Семіятычныя падыходы пры аналізе прыпавесцей В. Быкава і Я. Сіпакова сведчаць: канцэпты і вобразы архетыпавага паходжання ў сучаснай літаратуры, асабліва ў тэкстах метафарызаваных, перадаюць светаразуменне аўтара і народа,

да культуры якога ён належыць. Аднак у розных кантэкстах архетыпавыя вобразы прырастаюць новымі значэннямі.

Аналіз твораў В. Быкава і Я. Сіпакова выяўляе ўзбагачэнне рэалістычнай паэтыкі, метафарызацыю матэрыяна-вобразнай сістэмы, перакадзіроўку семантыкі міфалагічных і фальклорных вобразаў, а ў цэлым – эстэтычнае абнаўленне паэтыкі літаратуры мяжы стагоддзяў. Канцэптасфера твораў увасабляе нацыянальную адметнасць светаўспрымання, дзе прыярытэтнае месца займаюць маральна-этычныя, нацыянальна-гістарычныя, культурныя і духоўныя каштоўнасці.

Канцэптасфера прыпавесцей В. Быкава мае пераважна ідэалагічную канатацыю, а ў творах Я. Сіпакова – большую скіраванасць на экзистэнцыйнае асэнсаванне традыцыйнага беларускага быцця. Выяўленне сэнсавай значнасці вобразаў-канцэптаў, іх кантэкстуальнага напаўнення, ідэйна-выяўленчых функцый у канкрэтным творы – вось задача даследчыка.

СПІС ВЫКАРЫСТАНЫХ КРЫНІЦ

1. Мечковская, Н. Б. Семиотика. Язык. Природа. Культура : курс лекций / Н. Б. Мечковская. – М. : Академия, 2004. – 432 с.
2. Лотман, Ю. Семиосфера / Ю. Лотман. – СПб. : Искусство, 2000. – 704 с.
3. Барт, Р. Избранные работы : Семиотика. Поэтика / Р. Барт. – М. : Прогресс, 1989. – 616 с.
4. Жинкин, Н. И. Язык – речь – творчество: исследования по семиотике, психолингвистике, поэтике / Н. И. Жинкин. – М. : Лабиринт, 1989. – 368 с.
5. Прохоров, Ю. Е. В поисках концепта / Ю. Е. Прохоров. – 2-е изд. – М. : Флинта : Наука, 2009. – 178 с.
6. Сіпакоў, Я. Выбраныя творы : у 2 т. / Я. Сіпакоў. – Мінск : Маст. літ., 1997. – Т. 2 : Проза. – 414 с.

REFERENCES

1. Miechkovskaja, N. B. Siemiotika. Jazyk. Priroda. Kul'tura : kurs liekcij / N. B. Miechkovskaja. – M. : Akadiemija, 2004. – 432 s.
2. Lotman, Ju. Siemiosfiera / Ju. Lotman. – SPb. : Iskusstvo, 2000. – 704 s.
3. Bart, R. Izbrannyje raboty : Siemiotika. Poetika / R. Bart. – M. : Progress, 1989. – 616 s.
4. Zhinkin, N. I. Jazyk – riech' – tvorchiestvo: issliedovaniya po siemiotikie, psikholing-vistikie, poetikie / N. I. Zhinkin. – M. : Labirint, 1989. – 368 s.
5. Prokhorov, Ju. Je. V poiskakh konciepta / Ju. Je. Prokhorov. – 2-je izd. – M. : Flinta : Nauka, 2009. – 178 s.
6. Sipakou, Ja. Vybranyja tvory : u 2 t. / Ja. Sipakou. – Minsk : Mast. lit., 1997. – T. 2 : Proza. – 414 s.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 25.02.2025

Сун Кэлинь*аспирант 2-го года обучения каф. русской филологии
Гродненского государственного университета имени Янки Купалы***Song Kelin***2-nd Year Postgraduate Student of the Department of Russian Philology
of Yanka Kupala State University of Grodno
e-mail: songkelin96@gmail.com*

**ЭКСПЛИКАЦИЯ КОНЦЕПТА «КОНФУЦИЙ»
В РУССКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА
(НА МАТЕРИАЛЕ ДАННЫХ НАЦИОНАЛЬНОГО КОРПУСА РУССКОГО ЯЗЫКА)**

Статья посвящена исследованию концепта Конфуций на основе интерпретации информации, полученной в результате анализа 583 вхождений леммы «Конфуций» в шести корпусах Национального корпуса русского языка (НКРЯ). Концепт Конфуций представлен в 35 категориях: мудрец, мыслитель, философ, основатель конфуцианства, создатель учения, автор афоризмов, учитель, деятель, автор книг, редактор книг, ученый, проповедник, основатель школы, педагог, не реформатор, моралист, просветитель, политик, законодатель, судья, историк, редактор и автор канона, редактор, музыкант, социолог, изобретатель игры, святой, атеист, знаменитая личность, знаменитая восточная личность, авторитетный человек, представитель феодального класса, мудрый и великий человек, ветхозаветный человек, странный и строгий человек. Изучение концепта Конфуций в НКРЯ позволяет получить более полное представление о том, как Конфуций воспринимается и понимается русскоговорящими в западном мире.

Ключевые слова: концепт, Конфуций, Национальный корпус русского языка, языковая картина мира.

**Explication of the Concept of CONFUCIUS in the Russian Linguistic Picture of the World
(Based on the Data of the National Corpus of the Russian Language)**

The article is devoted to the study of the concept of Confucius based on the interpretation of information obtained by analyzing 583 occurrences of the lexeme «Confucius» in 6 corpora of the National Corpus of the Russian Language (NCRL). The concept of Confucius is represented in 35 categories: sage, thinker, philosopher, founder of Confucianism, creator of doctrine, author of aphorisms, teacher, figure, author of books, editor of books, scholar, preacher, founder of a school, teacher, non reformer, moralist, educator, politician, legislator, judge, historian, editor and author of a canon, editor, musician, sociologist, inventor of a game, saint, atheist, famous person, famous oriental person, authoritative person, representative of the feudal class, wise and great person, Old Testament person, strange and austere person. The study of the linguistic personality of Confucius in the NCRJA provides a better understanding of how Confucius is perceived and understood by Russian speakers in the Western world.

Key words: concept, Confucius, National Corpus of Russian Language.

Введение

Между языком и культурой существует тесная взаимосвязь: язык является важным проводником культуры, а культура оказывает глубокое влияние на развитие и использование языка, при этом когнитивная является основой языка, а язык – способом выражения когнитивии.

Научный руководитель – Зоя Зигмундовна Сидорович, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русской филологии Гродненского государственного университета имени Янки Купалы

Когнитивная лингвистика считается важным теоретическим фундаментом для нашего понимания культуры через язык, изучает язык как когнитивный механизм, играющий роль в кодировании и трансформировании информации [1, с. 53].

Теория картины мира стала одним из самых востребованных направлений исследований российской лингвистики в 80–90-х гг. XX в. В конце XX – начале XXI в. фокус исследований сместился с лингвистического объекта на лингвистический субъект, в результате чего был введен ряд понятий, связанных с «человеческим фактором», например: языковая личность, языковая

картина мира, концептуальная картина мира и т. д.

Основной единицей анализа когнитивных процессов систематизации знаний выступает концепт. В настоящее время следует признать, что именно концепт является ключевым понятием когнитивной лингвистики [2, с. 21]. Концепты представляют собой некие идеальные абстрактные единицы, которыми человек оперирует в процессе мышления. Они являются результатами всей деятельности человека и познания им окружающего мира и отражают содержание полученных знаний, являясь квантами знания. Процесс общения между людьми и передача информации есть также обмен концептами [1, с. 90]. Проблемой изучения концептов занимались такие исследователи, как Ю. Н. Караулов [3], Е. С. Кубрякова [1], В. П. Нерознак [4], З. Д. Попова [2], Ю. Е. Прохоров [5], О. И. Халупо [6] и др.

Впервые в работе представлен анализ концепта Конфуций в лингвистическом аспекте в рамках исследований когнитивной лингвистики и лингвокультурологии путем изучения информации о нем в каждом корпусе Национального корпуса русского языка (НКРЯ). Важно определить, что знают в славянском мире о Конфуции и как понимают его на Западе.

Национальный корпус русского языка – важнейший инструмент и средство для изучения русского языка, русской литературы и русской культуры – представляет данный язык на определенном этапе его существования и во всем многообразии жанров, стилей, территориальных и социальных вариантов и т. п. НКРЯ функционирует с 2003 г. и в данный момент включает самые разные русские тексты общим объемом более 140 млн словоупотреблений [7]. Проблемой изучения НКРЯ занимались такие исследователи, как Й. Виймарант [8], К. М. Корчагин [9], С. О. Савчук [10], И. Д. Чеснокова [11] и многие другие. НКРЯ предоставляет богатый материал и широкий спектр информации для изучения в том числе и концепта Конфуций. Это знаменитый китайский философ и мыслитель, чьи мысли получили широкое распространение и почитание во всем мире в различных областях, поэтому научные работы, посвященные Конфуцию, касаются его деятельности в области религии [12], политики [13], философии [14],

литературы [15], однако отсутствуют лингвистические исследования.

Цель статьи – исследовать концепт Конфуций и определить его особенности на основе анализа информации о Конфуции в НКРЯ, чтобы понять восприятие его личности в русскоязычном культурном обществе.

Для реализации цели был проведен анализ леммы *Конфуций* в шести корпусах НКРЯ; выявлены четыре ядерные и 65 периферийных значений в интерпретации личности Конфуция: ‘личность Конфуция’ (28 периферийных значений), ‘значение личности Конфуция и его учения’ (5), ‘характеристика Конфуция’ (5), ‘биография Конфуция’ (27). Личность Конфуция описана в 35 категориях: мудрец, мыслитель, философ, основатель конфуцианства, создатель учения, автор афоризмов, учитель, деятель, автор книг, редактор книг, ученый, проповедник, основатель школы, педагог, не реформатор, моралист, просветитель, политик, законодатель, судья, историк, редактор и автор канона, редактор, музыкант, социолог, изобретатель игры, святой, атеист, знаменитая личность, знаменитая восточная личность, авторитетный человек, представитель феодального класса, мудрый и великий человек, ветхозаветный человек, странный и строгий человек.

Основная часть

Материал исследования – лемма *Конфуций* в 583 вхождениях, извлеченных из текстов шести корпусов НКРЯ, созданных с 1801 по 2020 г.: устный (семь вхождений), поэтический (11), параллельный (12), русской классики (49), газетный (84) и основной (420); 832 лексемы-конкретизатора в 1 608 словоупотреблениях на основе интерпретации информации о Конфуции.

В исследовании применялся комплекс методов, включающий описательный, концептуальный, лингвокультурологический, компонентного анализа и интерпретационный.

В НКРЯ насчитывается 14 жанров речи текстов о Конфуции: устная публичная речь, устная непубличная речь, кино, художественная речь, публицистика, учебно-научная речь, публицистика и художественная речь, публицистика и нехудожественная, бытовая и нехудожественная, учебно-научная и нехудожественная, бытовая, цер-

ковно-богословская и нехудожественная, электронная коммуникация и нехудожественная, публицистика и бытовая. Представлены девять форм издания контекста упоминания Конфуция в НКРЯ: беседа, дискуссия, кинодетектив, письмо, книга, газета, журнал, электронный текст, электронное издание. Выявлены 27 форм контекста упоминания Конфуция: очерк, дневник, записные книжки, статья, мемуары, монография, роман, повесть, комментарий, рассказ, мемуары и очерк, учебник, заметка, письмо, сказка, эссе, учебное пособие, лекция, рецензия, форум, обзор, предисловие, послесловие, интервью, отзыв, биография, письмо личное и письмо деловое. Представлены 33 сферы контекста упоминания Конфуция: искусство и культура, частная жизнь, армия и вооруженные конфликты, история, политика и общественная жизнь, производство, администрация и управление, религия, наука и технологии, химия, здоровье и медицина, образование, философия, культурология, социология, путешествия, естествознание, спорт, астрология, парапсихология, эзотерика, криминал, досуг, зрелища и развлечения, техника, природа, естественные науки, биология, бизнес, коммерция, математика, физика, экономика и финансы. Это свидетельствует о том, что мысли Конфуция имеют более широкую сферу применения, обширны и богаты, они проникли во многие области, что свидетельствует о мудрости Конфуция.

Обобщив информацию о Конфуции, содержащуюся в шести корпусах, мы можем узнать, что в ядерном значении 'личность Конфуция' в НКРЯ выделены 12 областей, где встречаются упоминания о Конфуции: философия (223 лексемы / 391 словоупотребление), учение и обучение (200/398), религия (115/233), цитирование и афористика (8/155), политика (37/49), литература (18/28), закон (8/11), музыка (4/4), игра (3/3), история (2/2), редакторская деятельность (2/2) и социология (1/1). Во всех шести корпусах представлены области философии и религии, в пяти корпусах – области цитирования и афоризмы, что соответствует традиционному знанию о великом китайском мудреце как основателе конфуцианства. В Китае конфуцианство рассматривается как школа учения, школа мысли, в то время как на Западе конфуцианство

рассматривается как религия, что иллюстрирует разницу между восточным и западным мышлением. Многие мысли Конфуция были сохранены и переданы в виде афоризмов, которые содержат глубокие истины в краткой форме и поэтому широко используются во многих областях, что также способствовало распространению мыслей Конфуция. Области истории, редакторской деятельности, игры, социологии и закона предоставляют меньше информации о Конфуции, поскольку каждая из этих областей упоминается только в одном из корпусов. Вклад Конфуция в основном сосредоточен в области философии, идеологии, образования и политики. Меньше всего информации представлено в области истории и закона.

В ядерном значении 'личность Конфуция' в НКРЯ обнаружены 28 периферийных значений: 'философ' (110/220), 'создатель учения' (116/214), 'основатель конфуцианства' (99/215), 'учитель' (61/154), 'мудрец' (70/109), 'автор афоризмов' (8/155), 'мыслитель' (43/62), 'деятель' (18/27), 'редактор книг' (11/18), 'ученый' (9/12), 'политик' (9/11), 'автор книг' (7/10), 'представитель феодального класса' (7/8), 'основатель школы' (6/7), 'моралист' (5/8), 'законодатель' (5/6), 'проповедник' (5/5), 'святой' (4/6), 'редактор и автор канона' (4/4), 'музыкант' (4/4), 'судья' (3/5), 'атеист' (3/3), 'не реформатор' (3/3), 'проповедник' (3/3), 'изобретатель игры' (3/3), 'историк' (2/2), 'редактор' (2/2) и 'социолог' (1/1).

Из 28 периферийных значений категория 'мудрец' встречается наиболее часто во всех шести корпусах. В источнике «Письмо М. М. Докшицкому» устного корпуса автор считает Конфуция и Лао-цзы *восточными китайскими мудрецами*. В источнике «На каждый день / Часть вторая» (1910) корпуса русской классики *мудрецами* авторы называют Конфуция, Лао-Тсе и Ми-Ти. В источнике «Путь жизни» основного корпуса автор называет Конфуция, Менция и Лао-цзы *мудрецами*. В древней истории Китая слово «мудрец» обозначало человека, который довел свои знания и поведение до совершенства и достиг наивысшего уровня. В древности мудрецами называли мудрых монархов и императоров, а также тех, кто отличался высокими моральными и научными достижениями в более поздние времена. Среди них основными

представителями китайских мудрецов являются *Лао-цзы*, основатель даосизма, *Конфуций*, основатель конфуцианства, и *Мен-ций*, один из представителей конфуцианства. В источнике «Я разломил китайское печенье...» поэтического корпуса автор говорит, что разломил китайское печенье, а там внутри билет: *мудрец Конфуций*. Автор использует образ китайского печенья, чтобы описать культуру и традиции Китая, и Конфуция, символа китайской культуры. В периферийном значении ‘мудрец’ ключевыми лексемами-конкретизаторами являются *Конфуций*, *Лао-цзы*, *мудрый Конфуций*, *великий мудрец*, *Мэн-цзы*, *мудрец*, *любознательный Конфуций*, *китайский мудрец Конфуций*, *мудрец Ми-Ти*, *раздумчивый мудрец*, *восточные китайские мудрецы*.

В корпусах основного, газетного, русской классики, поэтического и устного обнаружено периферийное значение ‘автор афоризмов’. В корпусах основного, газетного, параллельного, русской классики и устного выявлено периферийное значение ‘мыслитель’. В корпусах основного, газетного, параллельного, русской классики и поэтического представлено периферийное значение ‘основатель конфуцианства’. Поэтому во всех шести корпусах чаще всего встречаются периферийные значения ‘автор афоризмов’, ‘мыслитель’ и ‘основатель конфуцианства’.

Афоризмы Конфуция, содержащие его мысли, глубоко укоренились в сердцах китайцев и стали кодексом поведения и моральными нормами. Афоризмы Конфуция лаконичны и передают глубокое содержание. В источнике основного корпуса «Конфуций. Его жизнь и философская деятельность» автор упоминает, что *изречение Конфуция дает в высшей степени простой совет*. Афоризмы широко распространены и применяются как в устной, так и в письменной речи. Например, в устном корпусе один из героев фильма «Место встречи изменить нельзя» цитирует афоризм Конфуция: *Очень трудно искать в темной комнате черную кошку, особенно если там ее нет*. В газетном корпусе часто цитируют афоризмы Конфуция газеты «Известия», «Аргументы и факты», «Vesti.ru», «Труд-7», «Ведомости» и «Новая газета». В тексте новостей часто используются афоризмы Конфуция в качестве аргументов в описании

событий и для передачи ценностей и определенного взгляда на жизнь, например: *Хватит клясть тьму, лучше зажги свою маленькую свечку*. Через информацию о Конфуции, представленную в корпусе русской классики, мы видим, что Конфуций оказал большое влияние на Л. Н. Толстого, который настолько признавал его учение и мысли, что цитировал афоризмы Конфуция во многих произведениях для пояснения своих мыслей. Например, в книге «Об истинной жизни» он цитирует Конфуция: *Жизнь – это распространение того света, который для блага людей сошел в них с неба*. Афоризмы Конфуция представлены в западных газетах, литературе и публичных выступлениях, что способствует распространению мыслей Конфуция и подтверждает его высокий статус в глазах «западных» людей. В периферийном значении ‘автор афоризмов’ ключевыми лексемами-конкретизаторами являются *Конфуций*, *Великий Конфуций*, *древний Конфуций*, *изречение Конфуция*.

В источнике параллельного корпуса «Одноэтажная Америка» (1937) *гигантами мысли* авторы называют *Конфуция* и *Сократа*. Сократ, один из ведущих мыслителей Запада, стал основоположником рационального мышления, повлиявшего на западный мир, а Конфуций – основоположником конфуцианства, которое на протяжении тысячелетий оказывало влияние на китайскую цивилизацию. В источниках основного корпуса «Вблизи Толстого» и «Дневник» автор упоминает пять знаменитых мыслителей: *Лао-цзы*, *Сакья-Муни*, *Конфуций*, *Сократ* и *Паскаль*. *Лао-Цзы* был великим мыслителем древнего Китая, и мысли Лао-цзы оказали глубокое влияние на развитие китайской философии, ядром которой является простая диалектика. *Сакья-Муни*, древнеиндийский мыслитель и просветитель, основатель буддизма. *Паскаль*, французский философ, один из самых глубоких и блестящих мыслителей в истории. Упоминание автором Конфуция в одном ряду с этими знаменитыми западными мыслителями иллюстрирует статус Конфуция в сознании «западных» людей. В периферийном значении ‘мыслитель’ ключевыми лексемами-конкретизаторами являются *Конфуций*, *мудрый древнекитайский мыслитель Конфуций*, *великий китайский мыслитель Кон-*

фуций, Сократ, Гигант мысли, мыслители, Лао-цзы, величайшие мыслители.

Конфуцианство – самая влиятельная школа мысли в Древнем Китае, основанная Конфуцием, зародившаяся в эпоху Весны и Осени и в период Воюющих государств. Конфуцианство является наиболее систематизированной и влиятельной академической мыслью в традиционной китайской науке.

В источнике параллельного корпуса «Sapiens: A Brief History of Humankind» автор говорит о религии и в одном ряду религиозных пророков упоминает *Иисуса* (основателя христианства), *Будду* (основателя буддизма), *Конфуция* и *Мухаммеда* (пророк ислама). Сопоставление автором Библии, Корана, Вед и работ Конфуция усиливает авторскую точку зрения на восприятие учения Конфуция как религии. В источнике поэтического корпуса «Знамена пышные зари кровавой» автор рассматривает конфуцианство как религию и сравнивает Конфуция с *Шариатом*, *Евангелием* и *Буддой*, тем самым подчеркивая мировое влияние конфуцианства. В источнике основного корпуса «По Корее, Маньчжурии и Ляодунскому полуострову» автор называет Конфуция *религиозным уродством*. Это проявление отрицательного отношения к Конфуцию связано с тем, что, по мнению некоторых, конфуцианство – это идеология, поддерживающая феодальное автократическое правление. В периферийном значении 'основатель конфуцианства' ключевыми лексемами-конкретизаторами являются *Конфуций*, *Будда*, *религиозное уродство (Конфуций)*, *основоположник конфуцианства*, *религиозно-философская система*, *конфуцианство*, *Мухаммед*, *конфуцианцы*, *основатели религий*, *пророки*, *Шариат*, *Евангелие*, *религиозные учителя*, *посланник Божий*.

В ядерном значении 'значение личности Конфуция и его учения' в НКРЯ выделены три области, где встречаются упоминания о Конфуции: культура (59/86), учение и образование (3/4), быт и повседневная жизнь (4/6).

В пяти корпусах кроме поэтического корпуса больше всего информации о Конфуции представлено в области культуры.

Обнаружены пять периферийных значений: 'знаменитая личность' (38/58), 'восточная знаменитая личность' (19/26), 'про-

светитель и знаменитая личность' (2/2), 'педагог' (3/4) и 'авторитетный человек' (4/6). Конфуций собрал и переработал шестикнижие («Ши», «Шу», «Ли», «И», «Чунь цю» и «Юэцзин»), составил и обработал почти все важные классические произведения своей эпохи, заложив основу для развития китайской культуры на последующие две тысячи лет. Конфуций сыграл незаменимую роль в формировании китайской культуры и духовности. Таким образом, исторически, а особенно в современной китайской истории, Конфуций стал символом китайской культуры. Величайшее достижение Конфуция состоит в том, что он создал концепцию разумности в китайской культуре, дал китайской цивилизации нравственный фундамент и наделил китайскую культуру фундаментальной духовной и моральной силой. Поэтому периферийное значение 'знаменитая личность' встречается чаще в этом ядерном значении. В источнике газетного корпуса «Уборщицы безнадежно испортили росписи VI века до нашей эры» упоминается *храм Конфуция*, который является одним из объектов культурного наследия ЮНЕСКО, что свидетельствует о значимости Конфуция для всего мира. В источнике основного корпуса «Биограф-ориенталист» автор перечисляет три символа Китая: *фарфор* (культурная визитная карточка Китая), *шелковые материи* (более 2 000 лет назад шелк открыл экономические и культурные обмены между Востоком и Западом, а также явил миру восточную цивилизацию) и *Конфуций*. Таким образом, в глазах «западного» человека Конфуций является ключевой фигурой китайской культуры. В периферийном значении 'знаменитая личность' ключевыми лексемами-конкретизаторами являются: Конфуций, отец китайской традиции, отражение китайского народного характера, фарфор, шелковые материи, китайская культура, знамена Востока, часть мировой культуры, храм Куфу, список культурного наследия ЮНЕСКО, празднование юбилея Конфуция.

В ядерном значении 'биография Конфуция' в НКРЯ выделены 13 областей, где встречаются упоминания о Конфуции: имя Конфуция (7/7), эпоха жизни (2/2), время рождения (9/20), место рождения (9/13), семья (5/5), время женитьбы (2/2), брак (7/8), работа Конфуция (15/21), место жизни (4/5),

места посещения (19/42), эмиграция (2/2), время смерти (7/14), место смерти (2/2) и место захоронения (2/2). В ядерном значении 'биография Конфуция' в НКРЯ обнаружены 30 периферийных значений: *Чунг-ни* (2/2), *Кун Цзы / Кун Фу Цзы* (3/3), *Сангуо-диши (на манджурском языке)* (2/2), *VI век* (2/2), *551 до н. э.* (9/20), *Шаньдун* (3/3), *город Цюйфу провинции Шаньдун* (6/10), *обедневшая знатная семья* (3/3), *знатный род* (2/2), *19 лет* (2/2), *19 лет* (3/4), *жена Кикоан-ши* (2/2), *сын Боюй* (2/2), *помощник своего учителя* (3/3), *госслужащий* (2/6), *общественный учитель* (2/2), *хранитель хлебных амбаров* (2/2), *верховный прокурор и главный советник правителя* (6/8), *царство Лу* (4/5), *княжество Тси* (4/14), *царство Лу* (3/14), *храм Ли-ванга* (2/2), *храм Света* (4/6), *княжество Сунг* (2/2), *Чжеу* (2/2), *гора Тай-Шан* (2/2), *царство Ци* (2/2), *479 г. до н. э.* (7/14), *Цюйфу* (2/2), *храм Куфу* (2/2).

На основе анализа вхождений из текстов НКРЯ можно составить краткое описание биографии Конфуция: Конфуция звали Кун Цю, Кун – это его фамилия, Цю – имя, а Чунгни-цзы (второе имя по достижении совершеннолетия). Последующие поколения уважительно называли его Кун Цзы, или Кун Фу Цзы. Конфуций родился в 551 г. до н. э. и умер в 479 г. до н. э. Конфуций жил в VI веке. Он родился в государстве Лу (современный город Цюйфу, провинция Шаньдун) в обедневшей знатной семье. Он женился в 19 лет, вступил в брак с девицей из знатной фамилии по имени Кикоан-ши, у них родился сын по имени Боюй. Конфуций работал помощником своего учителя, госслужащим, общественным учителем, хранителем хлебных амбаров, верховным прокурором и главным советником правителя. Он провел большую часть своей жизни в Лу, посещал княжество Тси, храм Ли-ванг, храм Света, Чжеу, княжество Сунг, гору Тай-Шан. Он умер в городе Цюйфу. Местом захоронения стал Храм Конфуция.

В ядерном значении 'характеристика Конфуция' в НКРЯ выделены две области, где встречаются упоминания о Конфуции: метафорические названия (27/51) и образ Конфуция (26/39). В ядерном значении 'характеристика Конфуция' в НКРЯ обнаружены пять периферийных значений:

'странный и строгий человек' (3/3), 'ветхозаветный человек' (4/4), 'мудрый и великий человек' (19/32), 'знаменитая восточная личность' (20/43), 'знаменитая личность' (7/8).

В текстах основного, газетного и поэтического корпусов представлена область метафорического названия и периферийное значение 'знаменитая личность'. В источнике поэтического корпуса «Суша тверже, я не спорю...» автор использует метафорическое имя *морской Конфуций* для описания Колумба. Колумб был увлеченным и отважным исследователем, открывшим Новый Свет и новую историю мира. Автор объединяет Конфуция с Колумбом, что также показывает Конфуция первооткрывателем и в западном мировоззрении. В источнике газетного корпуса «Лобов Юрий» и источнике «По Корее, Маньчжурии и Ляодунскому полуострову» основного корпуса авторы называют Конфуция *посланником Неба*. В источнике основного корпуса «Крутой маршрут» герой книги фельдшер Григорий Петрович использует имя Конфуция в качестве прозвища, имя философа становится кличкой животного, т. к. узнаваемо и легко запоминается окружающими, вызывает определенные ассоциации. В периферийном значении 'знаменитая личность' ключевыми лексемами-конкретизаторами являются *Конфуций, прозвище, посланник Неба, мой морской Конфуций, великий знаток семейного и государственного порядка, кладезь всевозможных ритуалов, добряк Конфуций, великий Конфуций*.

Заключение

По результатам анализа 583 вхождений леммы *Конфуций* в шести корпусах НКРЯ обнаружено 30 предметных областей в отношении Конфуция: философия, учение и обучение, религия, цитирование и афористика, политика, литература, закон, музыка, игра, история, редакторская деятельность, социология, культура, учение и образование, быт и повседневная жизнь, имя Конфуция, эпоха жизни, время рождения, место рождения, семья, время женитьбы, брак, работа Конфуция, место жизни, места посещения, эмиграция, время смерти, место смерти, место захоронения, метафорические названия и образ Конфуция. Больше всего информации о Конфуции содержится

в области философии, религии, афоризмов и цитирования.

Информация о Конфуции, извлеченная из шести корпусов, позволила нам выделить 35 основных категорий концепта КОНФУЦИЙ: мудрец, мыслитель, философ, основатель конфуцианства, создатель учения, автор афоризмов, учитель, деятель, автор книг, редактор книг, ученый, проповедник, основатель школы, педагог, не реформатор, моралист, просветитель, политик, законодатель, судья, историк, редактор и автор канона, редактор, музыкант, социолог, изобретатель игры, святой, атеист, знаменитая личность, знаменитая восточная личность, авторитетный человек, представитель феодального класса, мудрый и великий человек, ветхозаветный человек, странный и строгий человек. Ядро концепта формируют ключевые категории личности Конфуция: мудрец, автор афоризмов, мыслитель и основатель конфуцианства.

В результате проведенного исследования в основном и газетном корпусах обнаружено наибольшее число параметров о личности Конфуция. В устном корпусе меньше всего дано информации о нем.

Конфуций в НКРЯ русскоговорящими представителями западного мира воспринимается как мудрец, автор афоризмов, мыслитель и основатель конфуцианства. Во многих источниках он часто упоминается авторами наряду с такими всемирно известными личностями, как Будда, Иисус, Платон, Сократ и другими, что говорит о высоком статусе Конфуция в западном мире, его признании и почитании на Западе. Влияние идей Конфуция, составляющих основу традиционной китайской культурной мысли, на мир не подвергается сомнениям: Конфуций стал выдающимся деятелем мировой культуры, а его мысли – ценным культурным наследием для всего человечества.

Практическая значимость исследования определяется тем, что материалы и результаты проведенного исследования могут быть использованы в преподавании современного русского языка, русского языка как иностранного, когнитивной лингвистики, лингвокультурологии, лингвоперсонологии, лингвострановедения и межкультурной коммуникации.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Краткий словарь когнитивных терминов / Е. С. Кубрякова, В. З. Демьянков, Ю. Г. Панкрац, Л. Г. Лузина ; под общ. ред. Е. С. Кубряковой. – М. : Филол. фак. МГУ, 1996. – 245 с.
2. Попова, З. Д. Когнитивная лингвистика / З. Д. Попова, И. А. Стернин. – М. : АСТ : Восток – Запад, 2007. – 314 с.
3. Караулов, Ю. Н. Русский язык и языковая личность / Ю. Н. Караулов. – М. : Наука, 1987. – 262 с.
4. Нерознак, В. П. Лингвистическая персонология: к определению статуса дисциплины / В. П. Нерознак. – М. : Язык. Поэтика. Перевод, 1996. – С. 112–116.
5. Прохоров, Ю. Е. В поисках концепта / Ю. Е. Прохоров. – М. : Флинта : Наука, 2008. – 170 с.
6. Халупо, О. И. Лингвокультурная личность как носитель языкового и культурного опыта (лингвокультурный аспект в определении лингвокультурной личности) / О. И. Халупо. – Челябинск : Челяб. гос. агроинженер. акад., 2013. – С. 97–101.
7. Что такое корпус. – URL: [https://kito.bspu.by/adminpanel/vendor/kcfinder/upload/files/-mmt/labs/Корпус ru](https://kito.bspu.by/adminpanel/vendor/kcfinder/upload/files/-mmt/labs/Корпус%20ru) (дата обращения: 17.05.2024).
8. Виймаранта, Йоханна. Устный корпус Национального корпуса русского языка как источник информации о концептуализации / Йоханна Виймаранта // Язык и метод. – Турку : Ун-т г. Турку, 2016. – С. 239–247.
9. Корчагин, К. М. Зачем нужен поэтический корпус и как его использовать / К. М. Корчагин // Русская речь. – 2019. – № 6. – С. 113–127.
10. Савчук, С. О. Корпус современной русской прессы: из опыта создания и использования / С. О. Савчук. – СПб. : Изд-во Санкт-Петерб. гос. ун-та, 2011. – С. 149–154.
11. Чеснокова, И. Д. Национальный корпус русского языка как основной инструмент поиска при лингвистических исследованиях (на примере поиска антонимов в публицистиче-

ских текстах) / И. Д. Чеснокова, М. Е. Маньшин // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2018. – № 5 (128). – С. 97–103.

12. Васильев, Л. С. История религий Востока / Л. С. Васильев. – М. : Университет, 2000. – 106 с.

13. Джуманалиев, Т. Д. Учение Конфуция и проблемы укрепления государственности в Кыргызстане / Т. Д. Джуманалиев // Вестник Академии управления при Президенте Кыргызской Республики. – 2011. – № 13. – С. 31–37.

14. Долгов, К. М. Философское наследие Китая: Конфуций и Шан Ян / К. М. Долгов // Вопросы философии. – 2013. – № 10. – С. 67–76.

15. Смирнов, С. В. «Заметки к “Беседам и суждениям” Конфуция» Юй Дань: интерпретация идей Конфуция в современном Китае / С. В. Смирнов // Уральское востоковедение. – 2013. – № 5. – С. 48–55.

REFERENCES

1. Kratkij slovar' kognitivnykh terminov / Je. S. Kubriakova, V. Z. Diem'jankov, Ju. G. Pankrac, L. G. Luzina ; pod obshch. ried. Je. S. Kubriakovej. – M. : Filol. fak. MGU, 1996. – 245 s.

2. Popova, Z. D. Kognitivnaja lingvistika / Z. D. Popova, I. A. Stiernin. – M. : AST : Vostok – Zapad, 2007. – 314 s.

3. Karaulov, Ju. N. Russkij jazyk i jazykovaja lichnost' / Ju. N. Karaulov. – M. : Nauka, 1987. – 262 s.

4. Nieroznak, V. P. Lingvisticheskaja personologija: k opriedieleniju statusa discipliny / V. P. Nieroznak. – M. : Jazyk. Poetika. Pierievod, 1996. – S. 112–116.

5. Prokhorov, Ju. Je. V poiskakh koncepta / Ju. Je. Prokhorov. – M. : Flinta : Nauka, 2008. – 170 s.

6. Khalupo, O. I. Lingvokul'turnaja lichnost' kak nositel' jazykovogo i kul'turnogo opyta (lingvokul'turnyj aspekt v opriedielenii lingvokul'turnoj lichnosti) / O. I. Khalupo. – Cheliabinsk : Cheliab. gos. agroinzhener. akad., 2013. – S. 97–101.

7. Chto takoe korpus. – URL: [https://kito.bspu.by/adminpanel/vendor/kcfinder/upload/files/-mmt/labs/Korpus ru \(data obrashchenija: 17.05.2024\).](https://kito.bspu.by/adminpanel/vendor/kcfinder/upload/files/-mmt/labs/Korpus%20ru%20(data%20obrashchenija%2017.05.2024).)

8. Vijmaranta, Jokhanna. Ustnyj korpus Nacional'nogo korpusa russkogo jazyka kak istochnik informacii o konceptualizacii / Jokhanna Vijmaranta // Jazyk i metod. – Turku : Un-t g. Turku, 2016. – S. 239–247.

9. Korchagin, K. M. Zachem nuzhen poeticheskij korpus i kak jego ispol'zovat' / K. M. Korchagin // Russkaja riech'. – 2019. – № 6. – S. 113–127.

10. Savchuk, S. O. Korpus sovremennoj russkoj priessy: iz opyta sozdanija i ispol'zovanija / S. O. Savchuk. – SPb. : Izd-vo Sankt-Peterb. gos. un-ta, 2011. – S. 149–154.

11. Chiesnokova, I. D. Nacional'nyj korpus russkogo jazyka kak osnovnoj instrument poiska pri lingvisticheskikh issledovanijakh (na primerie poiska antonimov v publicisticheskikh tekstakh) / I. D. Chiesnokova, M. Je. Man'shin // Izvestija Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. – 2018. – № 5 (128). – S. 97–103.

12. Vasil'jev, L. S. Istorija religij Vostoka / L. S. Vasil'jev. – M. : Universitet, 2000. – 106 s.

13. Dzhumanaliev, T. D. Uchenije Konfucija i problemi ukreplienija gosudarstvennosti v Kyrgyzstanie / T. D. Dzhumanaliev // Vestnik Akademii upravlenija pri Priezidentie Kyrgyzskoj Respubliki. – 2011. – № 13. – S. 31–37.

14. Dolgov, K. M. Filosofskoje nasledije Kitaja: Konfucij i Shan Jan / K. M. Dolgov // Voprosy filosofii. – 2013. – № 10. – S. 67–76.

15. Smirnov, S. V. «Zamietki k “Biesiedam i suzhdienijam” Konfucija» Juj Dan': interpretacija idiej Konfucija v sovremennom Kitaje / S. V. Smirnov // Ural'skoje vostokoviedenie. – 2013. – № 5. – S. 48–55.

УДК 659.1.011.14

DOI 10.63874/2218-029X-2025-1-39-44

Надежда Евгеньевна Никитина*канд. филол. наук, доц., доц. каф. белорусского и русского языкознания
Брестского государственного университета имени А. С. Пушкина***Nadzeya Nikitsina***Candidate of Philological Sciences, Associate Professor,
Associate Professor of the Department of Belarusian and Russian Linguistics
of Brest State A. S. Pushkin University
e-mail: n.nikitsina@gmail.com*

ЯЗЫК КАК ЛИНГВОЭКОНОМИЧЕСКИЙ ФЕНОМЕН СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА

Статья посвящена определению специфики языковых явлений с точки зрения маркетинговой лингвистики. Креативность языкового материала рассматривается как необходимое условие продвижения товаров на рынке и самопрезентации личности в обществе. На материале собранного автором корпуса из 200 именных надписей на футболках проводится анализ их внешней формы и внутреннего содержания. Надписи представляют собой стилизованные толкования имен собственных в виде словарных статей. Установлено, что креативность этих надписей обусловлена языковой игрой, которая строится на таких явлениях, как окказиональное словообразование, использование англицизмов, графогибридизация. Кроме того, важную роль в маркетинговой коммуникации играет подготовленность реципиента.

Ключевые слова: маркетинговая лингвистика, креативность, языковая игра, самопрезентация, трансформация, имя собственное.

Language as a Linguoeconomical Phenomenon of Modern Society

The article is devoted to defining the specificity of linguistic phenomena from the point of view of marketing linguistics. Creativity of linguistic material is considered as a necessary condition for promoting goods on the market and self-presentation of an individual in society. Based on the material of a corpus of 200 personal inscriptions on T-shirts collected by the author, an analysis of their external form and internal content is carried out. The inscriptions are stylized interpretations of proper names in the form of dictionary entries. It has been established that the creativity of these inscriptions is due to a language game, which is based on such phenomena as occasional word formation, the use of Anglicisms, graphohybridization. In addition, the recipient's preparedness plays an important role in marketing communication.

Key words: marketing linguistics, creativity, language game, self-presentation, transformation, proper name.

Введение

В современном информационном обществе, функционирующем в эпоху информатизации и цифровизации, получает развитие новая концепция маркетинга – когнитивный маркетинг [1, с. 282], который ориентирован на социальное взаимодействие продавца и покупателя. Постепенно маркетинговая коммуникация выходит за рамки экономики и становится социокультурным явлением, своеобразным культурным феноменом [2, с. 336].

На границе лингвистики и экономики возникает смежная наука, получившая название «маркетинговая лингвистика» [3] («маркетинговое языкознание» [4]).

Сфера ее применения достаточно обширна: от поиска новых способов коммерческих номинаций до изучения возможностей использования «языка как товара и как

инструмента реализации товарно-денежных отношений» [2, с. 337].

В современной науке о языке вопросам функционирования маркетинговой лингвистики и маркетинговой коммуникации посвящены работы Е. В. Бирюковой, Е. Г. Борисовой, Л. А. Брусенской, А. В. Гришай и И. И. Луханина, Э. А. Зоидзе, Л. В. Уховой, Н. В. Халиной и др. исследователей.

Актуальность изучения особенностей маркетинговой лингвистики обусловлена ее непосредственной связью с такими приоритетными направлениями лингвистических исследований, как динамический (деятельностный) подход, антропоцентрическая парадигма в языкознании и «лингвистика слушающего» [3, с. 141].

Креативность языкового материала как условие успешного продвижения товара и самопрезентации личности

Языковой материал перестает быть лишь источником информации о товаре – он сам становится товаром. Например, в 2014 г. компания Coca-Cola проводила кампанию, в рамках которой поместила на бутылки и банки имена (Ярик, Ксю, Тоха, Анюта, Крис и др.) и прозвища («детка», «танцор», «приколист» и др.) [5]. В 2023 г. вышла серия шоколадных яиц «Киндер Сюрприз» с мотивирующими надписями «Я в тебя верю», «Я тобой горжусь», «Я тебя ценю» и т. д.

Отзывы на сайте *irecommend.ru* в отношении качества игрушек, помещенных в эти яйца, разделились, однако многие пользователи признаются, что купить товар их побудили именно надписи на обложке: «Эта линейка – одна из самых милых и мотивирующих. И **бонусом** идет вкусный молочный шоколад и прикольная игрушка» [6].

Кроме продуктов питания языковой материал размещается на различных бытовых предметах (кружках, ручках, брелоках). В содержательном плане это могут быть имена собственные, названия знаков зодиака, профессий, юмористические и афористичные высказывания и т. п. Последние, несомненно, характеризуются «высоким уровнем лингвистической креативности» [7, с. 2], источником которой выступают Интернет и социальные сети. «Массовый лингвокреатив» [7, с. 2], «нарастание игрового креативного начала» [8, с. 214], «коммуникативное оболыщение» [9, с. 84] – все эти тенденции являются не только составляющими современного русского дискурса, но и одним из способов продвижения товаров. «Мода на речевую оригинальность и отекстованные предметы как ее результат» [7, с. 2] обусловлена необходимостью самопрезентации языковой личности в социальных сетях, создания индивидуального образа посредством языка.

Использование языка как «лингво-экономического феномена» [2, с. 333] становится причиной создания креативных текстов, оригинальных, запоминающихся, броских, эпатажных, нестандартных, семантически свежих [7, с. 2]. Необходимым условием порождения лингвокреативного

текста является сознательное разрушение языковых стандартов [7, с. 5].

По мнению Е. Н. Ремчуковой, современные медиатексты демонстрируют пересечение таких креативных тенденций, как интертекстуальность, полисемантичность, окказиональное слово- и формообразование, дефразеологизация, графогибридизация [9, с. 86].

В основе многих креативных текстов лежит языковая игра. Б. Ю. Норман считает, что языковая игра – это «нетрадиционное неканоническое использование языка, это творчество в языке, это ориентация на скрытые эстетические возможности языкового знака» [10, с. 168]. Следовательно, специфика креативных текстов заключается также в том, что они рассчитаны на подготовленного, сообразительного интерпретатора [11, с. 30], который должен быть способен оценить «явные и скрытые за фразой смыслы» [12, с. 13], что в итоге принесет ему положительные эмоции.

Одним из способов самопрезентации и самовыражения личности вне социальных сетей является размещение короткого креативного текста в виде принта на одежде. Надписи на футболках, толстовках, носках, шапках особенно популярны у современной молодежи. Как отмечает М. М. Халиков, «надписи на одежде не только формируют особый аспект восприятия тела человека и его личности, но и выступают в качестве коммуникативно-семиотического приема, наделенного разнообразными функциями (формирование социокультурной среды, регулирование межличностных отношений, создание атмосферы юмора и легкости общения и т. д.)» [13, с. 147]. Лингвисты рассматривают «вестиментарный (от лат. *vestimentum* – одежда, одеяние) канал передачи сообщений как один из аспектов невербальной коммуникации» [14, с. 77].

Содержание и форма надписей на одежде подвержено влиянию моды. Так, если судить по ассортименту футболок в интернет-магазине Wildberries, в настоящее время набирает популярность принт со стилизацией толкования имени в виде словарной статьи: *АЛЕКСАНДР*ит (сущ.) – очень дорогой Александр; *КомандИрка* (сущ.) – Ира, которой все должно быть, как она скажет и т. п.

Анализ внешней формы именных надписей

Мы проанализировали 200 надписей, полученных методом сплошной выборки. Из них 155 соотносятся с мужскими именами, и лишь 45 – с женскими, что может свидетельствовать о большей склонности мужчин к подобному способу самовыражения. В большинстве случаев (60 из 200 – 30 %) трансформация имен собственных строится на их совмещении с именами нарицательными, при этом оба слова должны частично совпадать, чтобы произошло их «наложение» друг на друга: *Сергейзер*, *ГаМакс*, *ПриКоля*, *ФЁДОРёл*, *ОЛЕГенда*, *КаВалерий*, *КаленДарья*, *КарнаВаля*, *ЭкЛера* и др.

Выделение имени собственного внутри имени нарицательного наблюдается в 40 примерах (20 %): *ВИКТОрина*, *БоЖенька*, *авантЮра*, *АНТОНовка*, *СеньоРита*, *ЕжеВика*, *чистЮЛЯ* и др.

Подобное явление характерно для третьей группы из 40 языковых единиц (20 %), однако в данном случае написание и звучание имени нарицательно искажается, хотя и остается узнаваемым: *КоньСерж* (консерж), *Юрийист* (юрист), *ТрудогОлег* (трудоголик), *БарБорис* (барбарис), *ОЛЕГатор* (аллигатор), *ПиаНИНА* (пианино), *Катястрофа* (катастрофа), *хОЛЯва* (халява) и др.

В 15 примерах (7,5 %) встречается трансформация, основанная на объединении нескольких слов в одно. Это явление также может сопровождаться частичным наложением лексем и нарушением орфографической нормы. Исходным материалом для трансформации выступает вопросительная конструкция (*Гденис* (Где Денис?), *ТыкуДаня* (Ты куда, Даня?), *ПьюЮлия* (Пью ли я?)), сочетание отрицательной частицы «не» или предлога со знаменательным словом (*НеАлёша* (не алё ‘не соображает’), *НевысыПаша* (не высыпается), *неГОРюй* (не горюй), *НиНадя* (не надо), *Вадиквате* (в адеквате)), словосочетание (*ЧудоСвета* (чудо света)) и т. д.

Достаточно распространенной (15 примеров – 7,5 %) является языковая игра, построенная на использовании английских слов и выражений. Англицизмы особенно популярны у молодежи, которая активно пользуется социальными сетями. Это мод-

ное явление позволяет придать речи выразительность, экспрессивность и оригинальность, что функционально сближает его с языковой игрой. Чаще всего обыгрывается графическое совпадение последних букв в разговорных формах имен собственных типа *СашОк*, *ПашОк* и под. с англоязычным ОК ‘да, хорошо, все в порядке, правильно’. В ряде случаев это совпадение носит лишь фонетический характер, поскольку в русском языке после мягких согласных вместо буквы *о* пишется *ё*, которая при трансформации передается сочетанием *ьо*: *СаньОк*, *ВасьОк*, *ВитьОк* и др.

Англицизмы могут заменять часть имен собственных: *WOWa* – *Володя*, *который вызывает вау-эффект* (английское восклицание *Wow!* аналогично по значению русскому *Ого!* и активно используется в молодежной среде); *LeoNeed* – *Лёня*, *который всем очень нужен* (англ. *need* – ‘нуждаться’).

Возможна и обратная ситуация, когда имя собственное «встраивается» в английское выражение: *Намбер Ваня* – *Иван*, *у которого все хорошо с самооценкой* (англ. *number one* – ‘номер один’); *ЛоуКостик* – *Константин*, *который не любит ни за что переплачивать* (англ. *low cost* – букв. ‘низкие расходы’). Необходимо отметить, что толкование значения трансформированных слов во многом способствует правильному восприятию языковой игры, особенно реципиентами, которые не владеют английским языком в достаточной степени.

В восьми примерах (4 %) игра слов основывается на трансформации устойчивого сочетания, где один из компонентов созвучен имени собственному: *Татарское ИГОрь* – *Игорь*, *которому нужно отдать дань* (татаро-монгольское *иго*); *Ден Победы* – *Денис*, *который всегда побеждает* (День Победы); *Люда Икс* – *Людмила со сверхспособностями* («Люди Икс» – название фильма); *Грецкий Олег* – *Олег*, *которого невозможно раскусить и сложно сломить* (греческий орех). Такие сочетания представляют собой аллюзию, которая восходит к историко-культурным реалиям, названиям фильмов и т. д. Основным критерием выбранной ассоциации является ее узнаваемость.

В 7 случаях встречается прямая отсылка к звукоподражаниям: это может быть

имитация смеха (*Михахаил, ХихИгорь, Хахандрей, Натахаха*) либо звуков, издаваемых животными (*Игогорь, ТиМурМур*).

Созвучие некоторых форм имен собственных (Женя, Даня) с последними слогами отвлеченных имен существительных (-жение, -дание) обусловило появление таких примеров, как *УваЖеня, ГоловокруЖеня, ОтторЖеня, ОправДаня, ГолоДаня* (5 единиц – 2,5 %).

Игра слов, в основе которой лежит прием ложной аббревиации, наблюдается в двух примерах (1 %): *Р.О.М.А.Н. – Разумный, Отважный, Мужественный, Адекватный, Но это не точно; Т.А.Н.Е.Ч.К.А. – Требовательная. Афигенская. Нежная. Единственная. Чарующая. Красивая. Ангельски прекрасная* (орфография сохранена).

Итак, проведенный анализ внешней формы трансформированных имен собственных показал, что языковая игра основывается на окказиональном словообразовании. Однако в большинстве случаев оно сопровождается проявлением графогибридизации. Например, часто используется смешение прописных и строчных букв с целью указания на границы исходного имени собственного (*ГаМакс, КомеДиана, мАльберт, ОЛЕГенда, кЛЕВА, хОЛЯва, НабЛЮДАй*) либо имени нарицательного (*СерГенерал, СерЙога, МиШутка, ВасиЛИСА* и др.).

Для придания надписи оригинальности применяется необычное сочетание ла-

тиницы и кириллицы, что, несомненно, привлекает внимание реципиентов: *Серый Work, WOWa, ЛеоNeed* и др.

Заключение

В современном цифровом обществе языковой материал становится средством продвижения товаров и даже частью самого товара. Как показывают исследования в области маркетинговой лингвистики, одним из важнейших условий успешности такого материала является его креативность. Это справедливо также в отношении самопрезентации личности в обществе: чем оригинальнее внешность человека, его взгляды и суждения, тем большей популярностью он пользуется. Одежда, на которой размещена креативная надпись, представляет собой одновременно и товар, и средство «продвижения» покупателя. Так, футболки с трансформированными именами собственными и их «толкованием» в форме словарной статьи являются сегодня распространенным средством самовыражения. Креативность надписей обеспечивается за счет языковой игры, построенной на окказиональном словообразовании, использовании англицизмов и графогибридизации. Подготовленность реципиента, способного адекватно распознать содержащиеся в надписях аллюзии, также является необходимым условием маркетинговой коммуникации.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Гришай, А. В. Лингвистика как инструмент современного маркетинга / А. В. Гришай, И. И. Луханин // Правовые и социально-экономические аспекты становления Республики Беларусь : материалы 3-й Внутривуз. студенч. науч.-практ. конф., Минск, 18 апр. 2019 г. / МИТСО ; редкол.: В. В. Лосев [и др.]. – Минск, 2019. – С. 282–284.
2. Брусенская, Л. А. Лингвопрагматические параметры маркетинговых коммуникаций / Л. А. Брусенская, Э. Г. Куликова // Коммуникативные исследования. – 2020. – Т. 7, № 2. – С. 333–350.
3. Борисова, Е. Г. Маркетинговая лингвистика: направления и перспективы / Е. Г. Борисова // Верхневолжский филологический вестник. – 2016. – № 4. – С. 140–143.
4. Халина, Н. В. Маркетинговое языкознание как новый формат лингвистики цифрового общества / Н. В. Халина // Speech and Context. – 2011. – № 2 (III). – С. 1–15.
5. Coca-Cola дополнит серию именных бутылок новыми именами. – URL: <https://adindex.ru/news/marketing/2014/08/20/114023.phtml> (дата обращения: 25.01.2025).
6. Шоколадное яйцо с сюрпризом Ferrero Киндер Сюрприз «Я тебя...». – URL: <https://irecommend.ru/content/shokoladnoe-yaitso-s-syurprizom-ferrero-kinder-syurpriz-ya-tebya-2023> (дата обращения: 25.01.2025).
7. Непомнящих, Е. А. Лингвистический креатив как способ продвижения товаров и услуг в современном маркетинге / Е. А. Непомнящих // Международный научно-исследовательский журнал. – 2024. – № 8 (146). – С. 1–7.

8. Иванян, Е. П. Проблемы лингвоэкологии в свете лингвистики креатива / Е. П. Иванян // Уральский филологический вестник. Серия: Язык. Система. Личность. Лингвистика креатива. – 2018. – № 2. – С. 209–215.
9. Ремчукова, Е. Н. Массовый лингвокреатив: преодоление стандарта / Е. Н. Ремчукова // Вестник РУДН. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. – 2013. – № 2. – С. 83–89.
10. Норман, Б. Ю. Язык: знакомый незнакомец / Б. Ю. Норман. – Минск : Выш. шк., 1987. – 220 с.
11. Карасик, В. И. Креативы в сетевом дискурсе / В. И. Карасик // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. – 2018. – № 5. – С. 29–44.
12. Гридина, Т. А. Психологическая реальность значения и ассоциативная стратегия языковой игры / Т. А. Гридина // Психолингвистические аспекты изучения речевой деятельности. – 2006. – № 1.4. – С. 11–24.
13. Халиков, М. М. Текстиль и тексты: семиотика надписей на футболках / М. М. Халиков // Поволжский педагогический вестник. – 2015. – № 2 (7). – С. 140–147.
14. Мартынова, Е. М. Вербальная коммуникация посредством вестиментарного облика / Е. М. Мартынова // Вестник Череповецкого государственного университета. – 2019. – № 1. – С. 77–85.
15. Федоров, А. И. Фразеологический словарь русского литературного языка / А. И. Федоров. – М. : АСТ : Астрель, 2008. – 878 с. – URL: https://phraseology.academic.ru/14219/Шутки_плохи (дата обращения: 25.01.2025).

REFERENCES

1. Grishaj, A. V. Lingvistika kak instrument sovremennogo marketinga / A. V. Grishaj, I. I. Lukhanin // Pravovyje i social'no-ekonomicheskie aspekty stanovlenija Respubliki Bielarus' : materialy 3-jej Vnutrivuz. studiench. nauch.-prakt. konf., Minsk, 18 apr. 2019 g. / MITSO ; redkol.: V. V. Losiev [i dr.]. – Minsk, 2019. – S. 282–284.
2. Brusienskaja, L. A. Lingvopragmaticheskie parametry marketingovykh kommunikacij / L. A. Brusienskaja, E. G. Kulikova // Kommunikativnye issledovanija. – 2020. – T. 7, № 2. – S. 333–350.
3. Borisova, Je. G. Marketingovaja lingvistika: napravlenija i perspektivy / Je. G. Borisova // Vierkhnievolzhskij filologicheskij viestnik. – 2016. – № 4. – S. 140–143.
4. Khalina, N. V. Marketingovoje jazykoznanije kak novyj format lingvistiki cifrovogo obshchestva / N. V. Khalina // Speech and Context. – 2011. – № 2 (III). – S. 1–15.
5. Coca-Cola dopolnit sieriye imennykh butylok novymi imenami. – URL: <https://adindex.ru/news/marketing/2014/08/20/114023.phtml> (dana obrashchenija: 25.01.2025).
6. Shokoladnoje jajco s siurprizom Ferrero Kinder Siurpriz «Ja tiebia...». – URL: <https://irecommend.ru/content/shokoladnoe-yaitso-s-siurprizom-ferrero-kinder-siurpriz-ya-tebya-2023> (data obrashchenija: 25.01.2025).
7. Niepomniashchikh, Je. A. Lingvisticheskij krieativ kak sposob prodvizhenija tovarov i uslug v sovremennom marketinge / Je. A. Niepomniashchikh // Miezhdunarodnyj nauchno-issledovatel'skij zhurnal. – 2024. – № 8 (146). – S. 1–7.
8. Ivanian, Je. P. Problemy lingvoekologii v svetie lingvistiki krieativa / Je. P. Ivanian // Ural'skij filologicheskij viestnik. Sierija: Jazyk. Sistiema. Lichnost'. Lingvistika krieativa. – 2018. – № 2. – S. 209–215.
9. Riemchukova, Je. N. Massovyj lingvokrieativ: prieodolienije standarta / Je. N. Riemchukova // Viestnik RUDN. Sierija: Tieorija jazyka. Siemiotika. Siemantika. – 2013. – № 2. – S. 83–89.
10. Norman, B. Ju. Jazyk: znakomyj nieznakomec / B. Ju. Norman. – Minsk : Vysh. shk., 1987. – 220 s.
11. Karasik, V. I. Krieativy v sietevom diskursie / V. I. Karasik // Viestnik Moskovskogo gosudarstviennogo oblastnogo univiersiteta. Sierija: Lingvistika. – 2018. – № 5. – S. 29–44.
12. Gridina, T. A. Psikhologicheskaja rial'nost' znachenija i asociativnaja strategij jazykovoj igry / T. A. Gridina // Psikholingvisticheskie aspekty izuchienija riechievoj diejatel'nosti. – 2006. – № 1.4. – S. 11–24.

13. Khalikov, M. M. Tiekstil' i tieksty: siemiotika nadpisiej na futbolkakh / M. M. Khalikov // Povolzhskij peidagogichieskij viestnik. – 2015. – № 2 (7). – S. 140–147.
14. Martynova, Je. M. Vierbal'naja kommunikacija posriedstvom viestimientarnogo oblika / Je. M. Martynova // Viestnik Chieriepovieckogo gosudarstviennogo univiersiteta. – 2019. – № 1. – S. 77–85.
15. Fiodorov, A. I. Frazieologichieskij slovar' russkogo litieraturnogo jazyka / A. I. Fiodorov. – M. : AST : Astrel', 2008. – 878 s. – URL: [https://phraseology.academic.ru/14219/ Shutki_plokhi](https://phraseology.academic.ru/14219/Shutki_plokhi) (data obrashchienija: 25.01.2025).

Рукапіс пастурыў у рэдакцыю 06.02.2025

УДК 821.161.3–14«19»Короткевич

DOI 10.63874/2218-029X-2025-1-45-50

Людміла Міхайлаўна Садко*канд. філал. навук, дац., дац. каф. беларускага і рускага літаратуразнаўства і журналістыкі
Брэсцкага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А. С. Пушкіна***Lyudmila Sadko***Candidate of Philological Sciences, Associate Professor,
Associate Professor of the Department of Belarusian and Russian Literary Studies and Journalism
of Brest State A. S. Pushkin University
e-mail: konovod1@yandex.ru*

ВОБРАЗ НОМО HEROICUS У ВЕРШАХ ЗБОРНИКА «БЫЎ. ЁСЦЬ. БУДУ» У. КАРАТКЕВІЧА

Прадстаўлена комплекснае даследаванне асаблівасцей канцэпцыі асобы ў вершах У. Караткевіча са зборніка «Быў. Ёсць. Буду». Высветлена, што лірычны герой твораў гэтага зборніка – гераічная асоба (воін, герой, змагар, закаханы, рыцар), носьбіт гераічнага этасу *homo heroicus*. Канстытуэнтамі вобраза выступаюць характэрныя матывы Рамантызму: глыбокі псіхалагізм, трагізм адзінокай асобы, імкненне да вольнасці, вызвалення ад фізічнага і духоўнага прыгнёту (інтэртэкстуальныя сувязі з творчасцю Дж. Байрана), – а таксама рыцарскай сярэднявечнай эстэтыкі слугавання Прыўкраснай даме, узнёслага кахання, куртуазіі. Вялікая колькасць лексічных адзінак у вершах паэта мае дачыненне да мілітарнай сферы (намінацыі розных відаў зброі, амуніцыі воіна (у асноўным рыцарская сярэднявечная экіпіроўка), азначэнні ваенных сітуацый, спецыфічнага хранатопу, характэрных эмоцый гора, пакуты і нянавісці). Зроблены высновы, што У. Караткевіч стварае своеасаблівы характар амаль легендарнага нацыянальнага героя – высакароднага патрыёта, тыранаборца, мужнага абаронцы народа і Бацькаўшчыны.

Ключавыя словы: «Быў. Ёсць. Буду», У. Караткевіч, *homo heroicus*, канцэпцыя асобы, гераічнае, рамантызм, рыцар, воін, зброя, вайна, Дж. Байран.

The Image of Homo Heroicus in the Poems of the Collection «I Was. I Am. I Will Be» by U. Karatkevich

A comprehensive study of the features of the concept of personality in the poems by U. Karatkevich from the collection «I Was. I Am. I Will Be» is presented. It is found out that the lyrical hero of the works of this collection is a heroic person (warrior, hero, fighter, lover, knight), the bearer of the heroic ethos of *homo heroicus*. The constituents of the image are the characteristic motifs of Romanticism – deep psychologism, the tragedy of a lonely person, the desire for freedom, liberation from physical and spiritual oppression (intertextual connections with the work by J. Byron), as well as the knightly medieval aesthetics of serving the Fair Lady, sublime love, and courtship. A large number of lexical units in the author's poems are related to the military sphere (nominations of various types of weapons, warrior's ammunition (mainly knightly medieval equipment), definitions of military situations, a specific chronotope, characteristic emotions of grief, suffering, and hatred). The conclusions are drawn that U. Karatkevich creates a peculiar character of an almost legendary national hero – a noble patriot, a fighter against tyranny, a courageous defender of the people and the Fatherland.

Key words: «I Was. I Am. I Will Be», U. Karatkevich, *homo heroicus*, concept of personality, heroic, romanticism, knight, warrior, weapon, war, J. Byron.

Уводзіны

У цяперашні час ва ўмовах трансфармацыі каштоўнасна-сэнсавых арыенціраў развіцця грамадства асаблівасцю аксіялогіі і ментальнасці сучасніка з'яўляецца неадназначнае стаўленне да гераізму як феномена культуры: гераічныя ўчынкі цяпер нярэдка падвяргаюцца рэлятывісцкаму пераасэнсаванню і прагматычнай рэфлексіі.

Феномен гераічнага складаны па структуры (уяўляе сабой камбінацыю шэ-

рагу этычных і эстэтычных катэгорый, іх адзінства і ўзаемапранікненне) і незвычайна багаты ў сваіх праявах (можа адлюстроўвацца ў формах ўзнёслага, выдатнага, трагічнага, лірычнага, патэтычнага, экзістэнцыяльнага і г. д.). На думку С. Кармілава, гераічнае – гэта «художественное воспроизведение мужественного и самоотверженного поведения индивидуума или масс во имя высоких целей» [1, стб. 175]. Калі гаварыць пра ўвасабленне гераічнага ў канцэп-

цыі асобы, то яна – носьбіт агульначалавечых каштоўнасцей, актыўны, валявы і самаахвярны герой, гатовы да смерці ў імя свабоды чалавека і высокіх ідэалаў. Такая гераічная асоба спалучае рысы грамадзянскага служэння Старажытнага Рыма, духоўнай ахвярнасці Сярэднявечча, інтэлектуальнага подзвіга Адраджэння і Новага часу. Відавочна, што змена гістарычнай эпохі кожны раз абнаўляе вобраз гераічнай асобы, робячы яго адэкватным запытам часу.

Гераічны вектар асэнсавання чалавечай асобы з'яўляецца адным з дамінантных у творчасці У. Караткевіча ўвогуле і ў лірычных творах са зборніка «Быў. Ёсць. Буду» (1986) у прыватнасці. Творчая спадчына аднаго з самых яркіх беларускіх пісьменнікаў XX ст. У. Караткевіча складае своеасаблівы гераічны эпас нашага народа, дзе ўзнаўляюцца слаўныя і драматычныя старонкі гісторыі краіны, а гераічныя каштоўнасці вернасці Радзіме, патрыятызма, зберажэння мовы і традыцый набываюць статус ядра беларускай аксіясферы, ментальнасці і культуры. Як адзначае А. Русецкі, «агульная маральна-эстэтычная напоўненасць твораў, якія закранаюць даволі працяглую і значную для развіцця беларускай культуры гістарычна-мастацкую плынь, даюць сучаснаму чытачу шырокую панараму культурнага і мастацкага развіцця беларусаў, знаёмяць з вобразамі тых нацыянальных асветнікаў, якія рабілі падмуркі і ўзводзілі сцены беларускай духоўнасці. Пры гэтым У. Караткевіч пераканаўча сцвярджае адметнасць уласнага гістарычнага шляху беларусаў і іх нацыянальнай мастацкай культуры, якія неадрыўныя, але ў той жа час не зводзяцца да лёсу і культур іншых славянскіх народаў» [2, с. 264].

Мэта артыкула – разгляд гераічнага як адной з этыка-эстэтычных дамінант і выяўленне яе ўплыву на канцэпцыю асобы ў вершах зборніка «Быў. Ёсць. Буду» У. Караткевіча.

Байранічныя вобразы ў вершах У. Караткевіча: канцэпцыя асобы

У адным з вершаў – «Наследаванне Байрану» – паэт адкрыта заяўляе, што традыцыі знакамітага англійскага рамантыка і бунтара Дж. Г. Н. Байрана блізкія эстэтыцы і паэтыцы самога У. Караткевіча. Сапраўды, у наяўнасці ў зборніку У. Караткевіча кола

тэм і ключавых матываў, што ўласцівы рамантызму: глыбокая цікавасць да Сярэднявечча, падзей слаўнай беларускай мінуўшчыны. З арсенала рамантызму ўзята і значная частка слоў-атрыбутаў накішталт мяча, клінка, рыцара, вежы, адзіноты і інш.

У артыкуле «...Будзеш свой сярод чужых» (1963) У. Караткевіч слухна разважае пра лёс твораў Дж. Байрана на беларускай мове, асабліва спыняецца на містэрыі «Каін» ў перакладзе У. Жылкі і адкрыта заяўляе: «Люцыфар – дзіва! Яго словы пра бога – цуд!», «Я дагэтуль трызну размовай Каіна і Авеля» [3, с. 374]. Захапленне яркім вобразам парадаксіста Люцыфера і бунтара-самотніка Каіна з твора англійскага класіка, тыранаборскі пафас, тэматыка свабодалюбства і трагічнасці чалавечага лёсу былі ўвасоблены У. Караткевічам ў вершы «Дэман». Своеасаблівымі двайнікамі, накішталт Каіна / Люцыфера з твора Дж. Байрана, выступаюць лірычны герой верша У. Караткевіча і Дэман – «дух дасканалы задта» [4, с. 100], таямнічая істота, апісаная як «чалавек з кажановымі крыламі» [4, с. 99]. Гэтыя героі хутчэй выступаюць не як допельгангеры, антаганісты і ворагі, а як цёмны, патаемны бок асобы. Маналогі Люцыфера і Дэмана літаральна агучваюць схаваныя думкі сваіх герояў-двайнікоў з рэальнага міра. Дэман з верша У. Караткевіча не шкоднік, што прадвызначае трагічны ход жыцця лірычнага героя і служыць прычынай яго бедстваў або прадвеснікам смерці, ён носьбіт вышэйшых ведаў, што праўдзіва адказвае на самыя важныя пытанні чалавека.

Стварэннем Дэмана беларускі паэт не абмежаваў галерэю двайнікоў у гэтым вершы. Амбівалентнымі парамі ў творы выступае мноства вобразаў: Зямля – Антызямля, куля – антыкуля, ствол – антыствол, кветка – зорка, пагоня – бег, агонь – снег, зло – пяшчота, пажар – заліў. Дэман пабываў на мностве планет, але самая прывабная для яго – Зямля, якую ён характарызуе праз шэраг парадаксальных азначэнняў-аксюмаранаў:

Зло і пяшчоту, пажар і спакойны заліў. –

Ўсё гэта можна пабачыць на гэтай праклятай,

На бласлаўленай, на сонечна-змрочнай зямлі [4, с. 99].

Лірычны герой, напэўна, паэт, гарача просіць у Дэмана, называючы яго «дружа», выратавання ад становішча, калі «ў мностве мудрасці шмат смутку; і хто памнажае спазнанне, памнажае смутак». Герой пакутуе ад свайго глыбокага разумення недасканаласці быцця і немагчымасці змяніць яго несправядлівасці:

Ратуй мяне, дружа, або
Вырві з мяне ледзяную самоту
ўсведання,

Дай мне няведанне простых і простых
любоў.

Ўсё асляпленне кахання, эльбрусы
яго і галгофы,

Люд, што гібее ў агні, сэрца, што гіне
ў агні, –

На іх, вазьмі іх сабе разам з гэтымі
строфамі,

Што разумеюць усё і нічога не
могуць змяніць [4, с. 100].

Менавіта Дэман дае лірычнаму герою глыбока асэнсаваную парадку, у якой сфармулявана экзістэнцыяльная канцэпцыя гераічнага: працягваць барацьбу, нават калі ведаеш, што перамога немагчымая. На зямлі, у свеце несправядлівасці і абсурду чалавеку застаецца трагічнае супрацьстаянне абставінам, вернасць сваім ідэалам, пачуццё ўласнай годнасці, высакароднае імкненне быць карысным людзям і Радзіме:

– Просіш аб чым? Пагасіць твой
апошні маяк?

Хлусіш нашто? Ты ж не хочаш
збавення, не хочаш.

Лепшаю песняй тваёй стала пакута
твая.

Мужна ў цемру глядзі і трызні аб
вечнай радзіме,

Трызні аб шары зямным і пакутвай
далей і далей,

Пакуль не згасла зямля, пакуль
чыстае неба ад дыму.

І пакуль гібель твая дрэмле ў нейчым
ствале [4, с. 100].

У вершы «Наследаванне Байрану» У. Караткевіч стварае вобраз рыцара, які гатовы служыць сваёй Прыўкраснай Даме. Існуюць пераклады верша «I saw thee weep...» Дж. Байрана на беларускую мову, што выканаў У. Дубоўка, а таксама на рускую мову – С. Маршака, Д. Міхалоў-

скага, якія, зразумела, былі вядомыя У. Караткевічу, што зрабіў сваё «перастварэнне» твора. І ў арыгінале, і ў перакладах тэкст насычаны арыгінальнымі метафарамі, параўнаннямі і эпітэтамі, мае двухчасткавую кампазіцыю, дзе ў першай частцы лірычны герой з пяшчотай распавядае пра прыгажосць і прывабнасць любай дзяўчыны, а ў другой – перадае, што каханая адной толькі ўсмешкай надае ўпэўненасці і моцы, акрыляе мужчынскае сэрца. Неабходна адзначыць, што ў вершы У. Караткевіча ёсць прынцыповыя адрозненні ў параўнанні з тэкстам-асновай і перакладамі. Лірычны герой У. Караткевіча не толькі закаханы мужчына, але і воін, рыцар, а вобразная сістэма верша складаецца са словаў і выразаў з батальнай семантыкай. Так, герой называе вейкі дзяўчыны «стрэламі», бачыць, што іх чорны колер кантрастуе з белай скурай, нагадваючы мужчыне зусім іншыя рэаліі з яго баявога жыцця:

Ты апусціла стрэлы вей –
І гэта, як на снег вайны,
На саван бітвы ў снах завей
Бязгучна селі груганы [4, с. 65].

У гэтым катрэне аўтар стварае цікавы метафарычны перыфраз, апісваючы, як засмучаная дзяўчына апусціла вочы, і «стрэлы вей» нагадваюць герою-ваяру «груганоў» на снезе пасля бітвы.

Другая частка ў У. Караткевіча значна большая па аб'ёме, чым у яго папярэдняй, і складаецца з шасці радкоў з палымі прызнаннямі героя сваёй Прыўкраснай Даме, чым яна з'яўляецца для яго, дзе ўзнаўляюцца вобразы ратных спраў. Падораная любай усмешка вяртае герою сэнс светабудовы і моц на мужнюю барацьбу:

І адышла зіма трывог,
І ўстаў з нябёс герояў строй...
І зноў ёсць май, і зноў ёсць бой,
І зноў ёсць свет, і ў свеце бог [4, с. 65].

Канцэпцыя *homo heroicus* у вершах У. Караткевіча

Гераічныя каштоўнасці – матывацыйная аснова для дзейнасці лірычнага героя твораў зборніка «Быў. Ёсць. Буду» У. Караткевіча. Максімальную рэпрэзентацыю гэтых каштоўнасці маюць у мужчынскіх вобразах з гэтай кнігі: воіна, героя, змагара, закаханага, рыцара, паэта, – што з'яўля-

юцца носьбітамі гераічнага этасу *homo heroicus*.

Номо *heroicus* У. Караткевіча сваё прызначэнне бачыць у абароне свайго племя, каханай, народа і чалавецтва наогул: «За айчыну і слова, племя і род» (верш «Шляхі Ігната Буйніцкага») [4, с. 28]. Такі герой падобны на татэм, здольны, як у старажытных гераічных сагах, перамагчы любую пачвару, гарманізаваць рэчаіснасць, адстаяць і абараніць інтарэсы калектыву.

Асноўным спосабам мастацкага адлюстравання асобы *homo heroicus* у вершах У. Караткевіча з'яўляецца ідэалізацыя і кантраст, а лінгвастылістычнымі маркерамі з'яўляюцца сродкі мовы са станоўчай канатацыяй, семантыкай выключнасці: *смелы, верны, вечны, праўдзівы, велічны, добры, мужны, упэўнены ў перамозе*, нават цаною жыцця:

Гэта ўсё мне суджана Богам

І за гэта – хоць тройчы памры» (верш «Разведчык») [4, с. 14].

Як адзначае М. Лапо, аналізуючы праявы кантраста ў эстэтыцы і паэтыцы праявітых твораў У. Караткевіча, «яшчэ адной акалічнасцю, чаму пісьменнік выбраў выразнае супрацьстаянне эпох, можа быць яго арыентацыя на такі узор літаратуры, як так званы «вальтэр-скотаўскі» гістарычны раман, дзе героі выразна падзелены на станоўчых і адмоўных, эпохі апісваюцца ў рамантычным духу, а для герояў уласцівыя высокія ідэалы» [5, с. 22].

Вобраз *homo heroicus* суадносіцца ў вершах У. Караткевіча с вялікай колькасцю слоў мілітарысцкай групы, перш за ўсё гэта лексема *вайна*. З 77 тэкстаў зборніка «Быў. Ёсць. Буду» ў 48 вершах сустракаюцца слова *вайна* (16 разоў) ці блізкія па сэнсе *бой* (8 разоў), *бітва* (3 разы), *сеча* (1 раз), *абардаж* (1 раз). Лексічныя рэпрэзентанты гэтых вобразаў вайны звязаныя з мілітарнай сферай. Перш за ўсё, гэта словы, што абазначаюць ваенныя артэфакты – зброя. Слова *меч* ужываецца ў вершах 11 разоў, *зброя* – 6 разоў, а таксама *нажы, лязо, саблі, кінжал, порах, гармата, шчыт і стрэлы* па два разы, *бомбы, касцет, сярпы, вастрыё, дубінка* па адным словаўжыванні.

Тэкставыя асацыятыўныя сувязі злучаюць вайну і героя-воіна з пачуццёвай сферай. Напрыклад, характэрныя пачуцці

ваяра перадаюцца праз словы *нянавісць* (4 разы), *вораг* (6 разоў), *чужынец* (3 разы), *кроў* (9 разоў).

Псіхалагічная рэфлексія лірычнага героя У. Караткевіча – воіна, героя – прадстаўлена таксама матывамі страты, тугі, адзіноты і гора. Пачуцці ваяра перадаюцца праз такія эмацывы, як *боль, любоў, гнеў, пакуты, бяссонне, чаканне, суровасць, удар, труна*.

Воін часта адчувае адзіноту, выкліканую выключнасцю, абранасцю і ахвярнасцю:

Але волі няма вышэйшай
За абраную ў гэтым жыцці,
Але долі няма вышэйшай, –
Аднаму на тысячы йсці!
Аднаму – без тысяч дывізій,
Без тысяч сконаў і мук.
Аднаму загінуць, зрабіўшы
Ўсё адзінаю параю рук [4, с. 15].

А. Верабей сведчыць: «І адзін можа, аказваецца, быць воінам у полі, калі гэта патрэбна дзеля жыцця людзей, волі радзімы, патрыятычнай ідэі. І значным будзе плён такой працы і змагання» [6, с. 56].

Знешнасць лірычнага героя, што ўзвышаецца над штодзённасцю, апісваецца ў вершах У. Караткевіча ў максімальна выразных рамантычных фарбах, як у вершы «Бекеш, або Ода ерасі (Балада 1555 года)»:

Ветрык свабоды далёкай пяро на
бярэце ўзвівае,

Вогнішчаў полымя злое ў вачах маіх
дзёрзкіх гарыць [4, с. 74].

Галоўная зброя ваяра – меч, што з'яўляецца сімвалам мужнасці і адвагі, важным атрыбутам рыцарства. Акрамя таго, гэты вобраз задае таксама тэму пакарання і болю.

Зброя можа выступаць і як меліяратыў («верны шчыт» [4, с. 16], «спявае нож у час вайны за волю» [4, с. 21], «звонкае, як шчыт, найменне той, / Гожай, як язмін, няўмольнай, гордай» [4, с. 57], «латы светлыя, добрая зброя» [4, с. 110], «Miserecordia / Літасці меч» [4, с. 143]), і як пейратыў («пачварная гармата» [4, с. 79], «атручаныя стрэлы» [4, с. 80], «вораг з кінжалам чакае» [4, с. 99]). Эпітэты-ўвасабленні ў падобных прыкладах узмацняюць станоўчыя і негатыўныя характарыстыкі зброі, надзяджаюць яе рысамі характару ўладальніка.

Homo heroicus У. Караткевіча надзелены асаблівым лёсам, дзе боль, гора, душэўныя пакуты сталі адвечнымі спадарожнікамі. Трактоўка тэмы пакуты ў творах зборніка «Быў. Ёсць. Буду» мае сваю нацыянальную спецыфіку, абумоўленую драматычнай гістарычнай сітуацыяй, у якой апынулася Бацькаўшчына, яе культура і мова. Няшчасці, асабістая трагедыя героя У. Караткевіча паўстаюць як адлюстраванне трагічнага лёсу самой Беларусі:

Я воінам быў нястомным.
З жорсткасцю і хлуснёю
І без забрала, да смерці
Быўся за просты народ [4, с. 152–153].

Падзеі значнай колькасці вершаў зборніка «Быў. Ёсць. Буду» У. Караткевіча адбываюцца ў своеасаблівых межах хранатопы вайны, бітвы, баёў. Мартальныя матывы, да якіх звяртаецца паэт, ствараюцца з дапамогаю ўзвышаных вобразаў, эстэтызацыі смерці/пагібелі за волю і Радзіму:

За ўсіх, хто крывёю піша
Ў нязгодзе
З рабства подлай дарогай,
Хто за Край Свой Родны, за ўсе
Народы
Паўстане нават на Бога [4, с. 7].

Заклучэнне

Паслядоўна і яскрава намаляваны характарны лірычны герой *homo heroicus* злучае тэксты зборніка «Быў. Ёсць. Буду» У. Караткевіча ў своеасаблівую рамантычную паэму досыць буйной формы, дзе прысутнічае экзатызацыя хранатопы, маюцца вострасюжэтныя павароты, распрацаваны выключныя характары, матыў тыранаборства, слугавання Прыўкраснай Даме.

Суб'ектывізм і лірызм, безумоўна, вылучаюцца ў вершах зборніка, але прыступіваюць у іх таксама і фантазіяныя навілістычныя падзеі, што разгортваюцца вакол асобы лірычнага героя-воіна, рыцара, што выразна акружаны эмацыйным спачуваннем аўтара, часам нават тоесны яму. Характэрны герой-воін У. Караткевіча дэманструе тытанічную вернасць сваёй мэце, нязменнасць і стойкасць характару, паслядоўнасць пераследавання ідэі волі, шчасця і славы Бацькаўшчыны.

У вершах зборніка «Быў. Ёсць. Буду» адлюстравана і яе гераічная гісторыя. Гэтыя патрыятычныя рысы збліжаюць *homo heroicus* У. Караткевіча з быліннымі волатамі, што ажыццяўляюць подзвігі ў славу Радзімы, а таксама сярэднявечнымі рыцарамі, куртуазнымі героямі, якія праслаўляюць каханне і высакароднасць.

СПІС ВЫКАРЫСТАНЫХ КРЫНІЦ

1. Литературная энциклопедия терминов и понятий / Рос. акад. наук, Ин-т науч. информ. по обществ. наукам ; гл. ред. и сост. А. Н. Николюкин. – М. : Интелвак, 2001. – 1596 стб.
2. Русецкі, А. Уладзімір Караткевіч: праз гісторыю ў сучаснасць. Нататкі літаратурнай творчасці / А. Русецкі. – Мінск : Маст. літ., 2000. – 300 с.
3. Караткевіч, У. Збор твораў : у 8 т. / У. Караткевіч. – Т. 8. Кн. 2 : З жыццяпісу, нарысы, эсэ, публіцыстыка, постаці, крытычныя творы, інтэрв'ю, летапіс жыцця і творчасці. – Мінск : Маст. літ., 1991. – С. 365–374.
4. Караткевіч, У. Быў. Ёсць. Буду: Кніга паэзіі / У. Караткевіч. – Мінск : Маст. літ., 1997. – 157 с.
5. Лаппо, М. С. Вобразы Сярэднявечча і Рэнесансу ў рамане У. Караткевіча «Хрыстос прыямліўся ў Гародні» / М. С. Лаппо // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия А, Гуманитарные науки. – 2020. – № 10. – С. 19–23.
6. Верабей, А. Уладзімір Караткевіч: жыццё і творчасць / А. Верабей. – Мінск : Беларус. навука, 2005. – 271 с.

REFERENCES

1. Litieraturnaja enciklopedija tierminov i poniatij / Ros. akad. nauk, In-t nauch. inform. po obshchiestv. naukam ; gl. ried. i sost. A. N. Nikoliukin. – M. : Intelvak, 2001. – 1596 stb.

2. Rusiecki, A. Uladzimir Karatkievich: praz historyju u suchasnasc'. Natatki litaraturnaj tvorchasci. – Minsk : Mast. lit., 2000. – 300 s.
3. Karatkievich, U. Zbor tvorau : U 8 t. / U. Karatkievich. – T. 8. Kn. 2 : Z zhycciapisu, narysy, ese, publicystyka, postaci, krytychnyja tvory, interv'ju, lietapis zhyccia i tvorchasci. – Minsk : Mast. lit., 1991. – S. 365–374.
4. Karatkievich, U. Byu. Josc'. Budu : Kniha paezii / U. Karatkievich. – Minsk : Mast. lit., 1997. – 157 s.
5. Lappo, M. S. Vobrazy Siaredniaviechcha i Reniesansu w ramanie U. Karatkievicha «Khrystos pryziamlusia u Harodni» / M. S. Lappo // Viestnik Polockogo gosudarstviennogo universiteta. Sierija A, Gumanitarnyje nauki. – 2020. – № 10. – S. 19–23.
6. Vierabiej, A. Uladzimir Karatkievich: zhyccio i tvorchasc' / A. Vierabiej. – Minsk : Bielarus. navuka, 2005. – 271 s.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 15.04.2025

Зоя Ивановна Третьяк

*д-р филол. наук, проф. каф. мировой литературы и иностранных языков
Полоцкого государственного университета имени Евфросинии Полоцкой*

Zoya Tratsiak

*Doctor of Philological Sciences, Professor of the Department of World Literature and Foreign Languages
of Euphrosyne Polotskaya State University of Polotsk*

e-mail: zoya.tretyak@rambler.ru

ОПЫТ КОРРЕЛЯТИВНОГО ИЗУЧЕНИЯ РУССКОЙ, БЕЛОРУССКОЙ И НЕМЕЦКОЙ ДОКУМЕНТАЛЬНО-ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ПРОЗЫ О ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ

Рассматривается документально-художественная проза о Первой мировой войне на примере «Записок кавалериста» Н. Гумилева, книг «На империалистической войне» М. Горьцкого и «Фронтовая сводка» Э. Кёппена. Основа для корреляции – идея об эксперименте с формой произведения, основанном на использовании монтажа, объединяющего автобиографическую, документальную и художественную составляющие. Отмечается комплементарная связь между повествованием от первого/третьего лица и реальными/вымышленными эпистолярными, дневниковыми записями, фрагментами документов, выдержками из периодических изданий. Выделены идейно-тематические схождения (нивелирование человеческой индивидуальности как следствие технологизации войны, натуралистическая детализация, национальная проблематика, освещение аксиологического кризиса, соподчинение образов «свой» и «чужой», присутствие персонажа-интеллектуала, переживающего ряд мировоззренческих трансформаций).

Ключевые слова: Первая мировая война, документально-художественная проза, монтаж, Н. Гумилев, М. Горьцкий, Э. Кёппен.

An Experience of Correlative Study of Russian, Belarusian and German Documentary Prose Fiction about World War I

The article examines documentary fiction prose about the First World War using the examples of «Cavalryman's Note» by N. Gumilyov, books «At the Imperialist War» by M. Haretsky and «Higher Command» by E. Köppen. The basis for the correlation was the idea of an experiment with the narrative form, based on the use of montage, which combines autobiographical, documentary and fiction components. The complementary nature of the connection between first/third person narration and real/fictional epistolary, diary entries, fragments of official documents, excerpts from periodicals. Some ideological and thematic convergences are highlighted (the leveling of human individuality as a consequence of war technology, naturalistic details, national problems, elucidating some manifestations of the axiological crisis, subordinated images of «friend» and «foe», the character who is an intellectual experiencing worldview transformations).

Key words: World War I, documentary fiction prose, montage, N. Gumilyov, M. Haretsky, E. Köppen.

Введение

Литературное воплощение Первой мировой войны поставило ее современников перед лицом сложностей, проистекающих из специфики объекта изображения, и в 1920-е – 30-е гг. породило экспериментальные прозаические формы.

Отметим жанр, синтезирующий документальное, автобиографическое и художественное и сочетающий повествование от первого/третьего лица, дневниковые записи, создающие «иллюзию свободного выражения мыслей и впечатлений героя или рассказчика» [1, с. 62]), части реальных или вымышленных писем. Документальная составляющая представлена фрагментами документов, телеграмм, дневников и мемуаров,

рекламных текстов, афиш, песен и т. д. Отбирались «факты, которые... обладали значительными социально-типическими свойствами» [2, с. 235]. Искусство слова характеризовалось обращением не к «вымыслу относительно окружающей действительности... а к вымыслу принципиально новой реальности» [3, с. 288].

Временная дистанция между событием и его фиксацией в тексте видоизменила автобиографическое, которое по-новому воспринималось носителем информации, смотревшим на него с позиции творца. Герой «обладал своим собственным кругозором и точкой зрения на окружающий его мир... тогда как автор видел этот мир в его целостности» [4, с. 10]. Автобиографиче-

ское корректировалось, если оно не соответствовало общественно-политическим и творческим установкам автора.

Материал исследования – книги «На империалистической войне» М. Горьцкого, «Записки кавалериста» Н. Гумилева и «Фронтальная сводка» Э. Кёппена.

Согласно классификации, предложенной Л. Синьковой [5], произведения М. Горьцкого и Н. Гумилева отнесем к прозе «fiction» с акцентированной фактографической основой. В случае с книгой Э. Кёппена отметим цитирование паспортизированных документов.

Анализ документально-художественной прозы о Первой мировой войне, созданной в рамках разных национальных традиций, имеет ряд особенностей. Типологическое единство достигается на уровне формы. В идейно-тематическом плане наблюдаются расхождения, связанные со спецификой литературного процесса разных народов, характерными чертами творчества писателей.

Цель исследования – коррелятивный анализ русской, белорусской и немецкой документально-художественной прозы о Первой мировой войне.

Основная часть

«Записки кавалериста» Н. Гумилева – повествование, сочетающее наблюдения за фронтовой повседневностью с философскими размышлениями о войне. Документальная составляющая произведения изучена Е. Степановым [7]. Рассказчик у Н. Гумилева позиционируется не только как воин-доброволец, но и как человек творческой профессии, поэтому вербальное заворожило повествователя, который прочувствовал возможности слова, характеризующего различные состояния человека.

Рассказчик в «Записках кавалериста» виртуозно внедрил в канву высказывания речь других персонажей: «Офицеры... останавливали меня вопросом – вольноопределяющийся, куда? – и, узнав, с сомнением покачивали головой. За стеною крайнего дома стоял десяток спешенных казаков с винтовками наготове. “Не проедете, – сказали они, – вон уже где палат”» [6, с. 33]. Форма изложения подчеркнула динамику ситуации, каждая реплика комментировала отдельный «кадр» боя. Лаконичные фразы акцентировали внимание на цели, достиже-

ние которой сопряжено с трагическими, авантурными либо мелодраматическими эпизодами, вынесенными за скобки. Н. Гумилев размышлял о динамике действия, которая позволяла творить историю: «На заре человечества люди так же жили нервами, творили много и умирали рано. Мне с трудом верится, чтобы человек, который каждый день обедает и каждую ночь спит, мог вносить что-нибудь в сокровищницу культуры духа» [6, с. 55–56]. Экстремальная ситуация интерпретировалась как момент высвобождения творческих сил, трансформирующих реальность.

Автор «Записок» не связан рамками хронологии событий, которые в основном не датируются. Перипетии 1914 г. обрываются на злоключениях повествователя, вышедшего из строя из-за простуды. Н. Гумилев прибегает к темпоральному разрыву и переносится в знаменательный день – 6 июня 1915 г., закончившийся отступлением русских, когда они «поджигали скирды хлеба, чтобы не оставлять врагу. Жалко было подносить огонь к этим золотым грудам, жалко было топтать конями хлеб на корню... но так весело было скакать потом» [6, с. 82]. Трагическое дополнялось авантурным, подчеркивая мировоззренческие особенности повествователя, реализующего автобиографический миф как «модель, получившую в сознании писателя онтологический статус» [8, с. 11] и уподобившего войну охоте, когда он «испытал то же чувство, когда тревога за себя вдруг сменяется боязнью упустить великолепную добычу» [6, с. 89].

Открытый «финал» «Записок кавалериста» подчеркивает, что автор не желал говорить о времени, когда «воодушевление сменилось привычкой, превращавшей военную романтику в рутину, и... разочарованием, потому что наши краткие спорадические успехи сменялись поражениями и отступлениями, а... позиционная война выражалась... в бесконечном сидении в окопах, перестрелках, неделях бездействия» [9, с. 194].

Книга М. Горьцкого «На империалистической войне» – генетически связанное с реализмом произведение, приближающееся к модернистскому роману.

Писатель с характерным для реализма интересом обратился к многомерной жизни, но подчеркнул эту многомерность через сочетание фрагментов, различных по источ-

нику и времени возникновения. Баланс документального и художественного выглядел так: «Дневниковая форма как основа обеспечила “Запискам...” особое доверие ко всему написанному... художественность произведению придало умение автора выделить во всей многоликости событий... типичное» [10, с. 11].

Целостность в книге достигается благодаря Лявону Задуме – повествователю, наделенному автобиографическими чертами. В отличие от повествователя из «Записок кавалериста», ведущего рассказ от первого лица, персонаж М. Горьцкого прибегает к дневниковым записям и эпистолярно. Писатель «дает слово» персонажам, рассуждения которых дополняют наблюдения Задумы. Интересна история, рассказанная солдатом-пехотинцем: «В японскую войну было лучше... Привал десять минут: тут тебе кашевары, приехав к привалу заблаговременно, горячий чай дают, консервы... А здесь всю неделю голодный шагай и шагай, а зашел в сад гнилое яблоко поднять – офицер тебя хворостинкой по голове» [11, с. 280]. Читательские ожидания обмануты, т. к. экскурс в прошлое навевает мысли об апологии войны. Однако персонаж переходит к насущным проблемам, препарируемым критически.

Рассказчик в книге «На империалистической войне» бросает себе вызов, стремясь запечатлеть «уходящую натуру» войны. Он подчеркивает сложности, связанные с реализацией задачи: «Духовного безобразия во всей глубине прочувствовать не мог» [11, с. 288]. В идеале записки должны стать словесным монументом, сохраняющим память о людях, нашедших последний приют под крестами в поле.

Н. Гумилев и М. Горьцкий прибегают к монтажу, сбалансировавшему документальное и художественное. Типологические схождения в их книгах отметили Е. Белая («натуралистичное соединено с лирическим и импрессионистским» [12, с. 75]) и И. Шаладонов, обратившие внимание на некоторых эпизодах их биографий [13, с. 248]). На идейно-тематическом уровне различие заключается в восприятии войны. Если Н. Гумилев ощущал ее как «молодецкую забаву», то М. Горьцкий подчеркивал трагизм события: «Я... старательно убиваю людей. Убиваю таких же невольников, как

сам» [11, с. 288]. Эпизоды, когда война заволаживала, порицались: «Снаряды... даже красиво летят... Стыдно любоваться такой красотой» [11, с. 322].

Дегероизация поведения человека на войне – отличительная черта «Записок» М. Горьцкого. Рассуждая о полученной награде, повествователь отметил: «Какие же мы герои... Если бы не боялись наказания, если бы не воинская дисциплина, ни один из нас... с места, конечно, не сдвинулся бы» [11, с. 269]. М. Горьцкий обращался к любому опыту, полученному на войне (ранение, медицинское вмешательство). Кульминация в череде «приземленных» эпизодов – подготовка и проведение хирургических манипуляций: «Стыд какой – этот вечер перед операцией... Дикая боль, и истошный плач, и вопли детские, неискренние» [11, с. 329].

Отметим внимание М. Горьцкого к национальной проблематике: «А освободится ли мой народ? Что ему даст эта война?» [11, с. 230]. Ужасы действительности не заслонили размышлений о развитии своей земли. Повествователь критично относился не только к «чужому», но и к «своему»: неприятие вызывало вынужденное нежелание рядового белоруса менять образ жизни.

Книга Э. Кёппена «Фронтовая сводка» – предельно усложненное повествовательное единство: вымышленная история Райзигера дополнена архивными материалами, собранными автором; повествование от третьего лица приросло смыслами за счет высказываний персонажей. Н. Сентис остановился на параметрах, определяющих экспериментальный характер романа: смешении жанров; приемах, характерных для кинорадиоповествования; стиле, сочетающем черты прозаической и поэтической речи [14, р. 541 – 52].

Книгу Э. Кёппена назовем «антироманом воспитания» [15, р. 156], т. к. Райзигер простился с иллюзиями о патриотизме, героизме, чести. Финалом становится его пребывание в психиатрической лечебнице в результате воздействия травмирующих психику факторов. Наиболее деструктивный из них – технологизация войны, нивелировавшая всякую индивидуальность: «“Беглый огонь” означает, что через десять минут частота человеческого пульса удваивается. Сердце стучит уже не в груди, а в

горле. Сперва пульс заставляет дрожать конечности. Затем они восстают против команд, становятся... частью большой машины» [16, с. 76].

Деперсонализация характеризует бытие и рядового, и высокопоставленных особ. Пример тому – ситуация, когда повествователь сначала знакомит с пространственными выдержками из документов за авторством различных чинов, затем организует их ключевые мысли так:

«Канцлер:

...Нас оскорбляет, когда нас... в выносливости, в стойкости, во внутренней моральной силе...

Генерал:

...Может наступить момент, когда... не оставит Германии надежды» [16, с. 204].

Условный «диалог» свидетельствует о столкновении «идеалистического» и «рационального» подходов к конфликту, о перенесении размышлений в философско-абстрактную плоскость. Деперсонализация в документальной части «Фронтальной сводки» достигает наивысшего уровня. За медицинским заключением Райзигера скрывается документ, дающий обобщенное представление о физическом состоянии добровольца, жаждущего попасть на фронт; в речах кайзера презентуется скорректированная реальность войны.

Возникают ситуации, когда жизнь и смерть отождествляются: эпизод, когда Райзигер оказался в воронке с трупом врага. Первоначальной реакцией был ужас, сменившийся принятием ситуации и отождествлением себя с убитым: «Он мог быть мной, я мог быть им, и тогда есть ли... какая-то там “вражда”?» [16, с. 197]. Таким образом, круг деперсонализации разомкнулся.

Э. Кёппен затрагивает национальные проблемы, хотя рассматривает их специфично. Постулируемое властями единство нации рассыпалось: «Пруссаки могут шмонаться грязными сколько угодно. Баварцам надоть выиграть войну, и потому по первости в очереди всегда идут раненые баварцы» [16, с. 90].

Заключение

Документально-художественная проза о Первой мировой войне обозначает переход от эстетики реализма к модернистскому мироощущению и представляет проект, где даже графическое оформление текста несет особую смысловую нагрузку. Данный проект сочетает повествование от первого/третьего лица и фиксацию происходящего с позиции камеры-обскуры. Автобиографическое, документальное и художественное вступают в полилог, обеспеченный использованием монтажа, позволившим переключаться на прямую речь либо эпистолярный персонажей, инкорпорировать в текст выдержки из документов, привносить элементы кинорадиодискурса.

Изучение книг М. Горьцкого, Н. Гумилева и Э. Кёппена возможно при первоочередном рассмотрении их художественной формы. Ведущим приемом оказывается монтаж, который становится более изощренным («Записки кавалериста» – «На империалистической войне» – «Фронтальная сводка»). Идеино-тематические схождения имеют менее системный характер: вопрос о роли человека на войне, тема деперсонализации (эпизод с «охотой» на врага у Н. Гумилева, размышления о бойне, лишаящей индивидуальности у М. Горьцкого и Э. Кёппена), проблема «своего» и «чужого», национальная проблематика.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Савинков, С. Дневниковая форма / С. Савинков // Поэтика: словарь актуальных терминов и понятий. – М. : Изд-во Кулагиной, 2008. – С. 61–62.
2. Муравьев, С. Документальное / С. Муравьев // Литературная энциклопедия терминов и понятий. – М. : НПКи «Интелвак», 2001. – С. 234–235.
3. Тюпа, В. Художественность / В. Тюпа // Поэтика: словарь актуальных терминов и понятий. – М. : Изд-во Кулагиной, 2008. – С. 288–290.
4. Сорникова, М. Автобиографическая проза / М. Сорникова // Поэтика: словарь актуальных терминов и понятий. – М. : Изд-во Кулагиной, 2008. – С. 10.

5. Сінькова, Л. Што можна пазначаць тэрмін «дакументальна-мастацкая проза» / Л. Сінькова // Беларуская «звышлітаратура». – Мінск : Кнігазбор, 2019. – С. 70–78.
6. Гумилев, Н. Записки кавалериста / Н. Гумилев // Записки кавалериста. Воспоминания / Н. Гумилев, А. Брусилов. – М. : АСТ, 2014. – С. 5–94.
7. Степанов, Е. Поэт на войне. Николай Гумилев. 1914–1918 / Е. Степанов. – М. : Прогресс-Плеяда, 2014. – 848 с.
8. Магомедова, Д. Автобиографический миф / Д. Магомедова // Поэтика: словарь актуальных терминов и понятий. – М. : Изд-во Кулагиной, 2008. – С. 10–11.
9. Альбрехт, Т. Об отношении Николая Гумилева к войне и военной теме в его творчестве / Т. Альбрехт // Гумилев, Н. Боевой путь поэта. Записки кавалериста / Н. Гумилев. – М. : Родина, 2022. – С. 190–195.
10. Кенько, М. «Словом возрождать человека...» / М. Кенько // Горецкий, М. Родные корни : избранное / М. Горецкий. – Минск : Звезда, 2014. – С. 3–16.
11. Горецкий, М. Родные корни / М. Горецкий. – Минск : Звезда, 2014. – 352 с.
12. Белая, А. Чалавек на вайне ў «Запісках...» М. Гарэцкага і М. Гумілёва / А. Белая // Максім і Гаўрыла Гарэцкія. Матэрыялы XVII Гарэцкіх чытанняў. – Мінск, 2009. – С. 67–73.
13. Шаладонаў, І. Дакументальна-мастацкая праўда аб вайне (на матэрыяле аповесцей М. Гарэцкага «На імерыялістычнай вайне» і М. Гумілёва «Запіскі кавалерыста» / І. Шаладонаў // Беларуская літаратура ў культурнай прасторы сучаснага грамадства. – Мінск : Права і эканоміка, 2016. – С. 247–250.
14. Santiáñez, N. Showing What Cannot Be Said. Total War and the International Project of Modernist War Writing / N. Santiáñez // The Massachusetts Review. – 2016. – Vol. 57, nr 3. – P. 450–462.
15. Löschnigg, M. How to Tell the War? Trench Warfare and the Realist Paradigm in First World War Narratives / M. Löschnigg // Anglica. – 2018. – Nr 27/3. – P. 143–161.
16. Кёппен, Э. Будни добровольца / Э. Кёппен. – М. : КоЛибри, 2024. – 400 с.

REFERENCES

1. Savinkov, S. Dnievnikovaja forma / S. Savinkov // Poetika: slovar' aktual'nykh tierminov i poniatij. – M. : Izd-vo Kulaginoj, 2008. – S. 61–62.
2. Murav'jov, S. Dokumental'noje / S. Murav'jov // Literaturnaja enciklopedija tierminov i poniatij. – M. : NPK «Intelvak», 2001. – S. 234–235.
3. Tiupa, V. Khudozhestviennost' / V. Tiupa // Poetika: slovar' aktual'nykh tierminov i poniatij. – M. : Izd-vo Kulaginoj, 2008. – S. 288–290.
4. Sornikova, M. Avtobiografichieskaja proza / M. Sornikova // Poetika: slovar' aktual'nykh tierminov i poniatij. – M. : Izd-vo Kulaginoj, 2008. – S. 10.
5. Sin'kova, L. Shto mozna paznachac' termin «dakumiental'na-mastackaja proza» / L. Sin'kova // Bielaruskaja «zvyslilitaratura». – Minsk : Knihazbor, 2019. – S. 70–78.
6. Gumiliov, N. Zapiski kavalierista / N. Gumiliov // Zapiski kavalierista. Vospominanija / N. Gumiliov, A. Brusilov. – M. : AST, 2014. – S. 5–94.
7. Stiepanov, Je. Poet na vojnje. Nikolaj Gumiliov. 1914–1918 / Je. Stiepanov. – M. : Progress-Pliejada, 2014. – 848 s.
8. Magomiedova, D. Avtobiografichieskij mif / D. Magomiedova // Poetika: slovar' aktual'nykh tierminov i poniatij. – M. : Izd-vo Kulaginoj, 2008. – S. 10–11.
9. Al'brekht, T. Ob otnoshenii Nikolaja Gumiliova k vojne i vojennoj tiemie v jego tvorchiestvie / T. Al'brekht // Gumiliov, N. Bojevoj put' poeta. Zapiski kavalierista / N. Gumiliov. – M. : Rodina, 2022. – S. 190–195.
10. Kien'ko, M. «Slovom vrozozhdac' chielovieka...» / M. Kien'ko // Gorieckij, M. Rodnyje korni : izbrannoje. – Minsk : Zviazda, 2014. – S. 3–16.
11. Gorieckij, M. Rodnyje korni / M. Gorieckij. – Minsk : Zviazda, 2014. – 352 s.
12. Bielaja, A. Chalaviek na vajnie u «Zapiskakh...» M. Hareckaha i M. Humiliova / A. Bielaja // Maksim i Hauryla Hareckija. Materyjaly XVII Hareckikh chytannia. – Minsk, 2009. – S. 67–73.

13. Shaladonau, I. Dakumientalna-mastackaja prauda ab vajnie (na materyjalie apoviesciej M. Hareckaha «Na imieryjalistychnaj vajnie» i M. Humiliova «Zapiski kavalierysta» / I. Shaladonau // Bielaruskaja litaratura u kul'turnaj prastory suchasnaha hramadstva. – Minsk : Prava i ekanomika, 2016. – S. 247–250.

14. Santiáñez, N. Showing What Cannot Be Said. Total War and the International Project of Modernist War Writing / N. Santiáñez // The Massachusetts Review. – 2016. – Vol. 57, nr 3. – P. 450–462.

15. Löschnigg, M. How to Tell the War? Trench Warfare and the Realist Paradigm in First World War Narratives / M. Löschnigg // Anglica. – 2018. – Nr 27/3. – P. 143–161.

16. Köppen, E. Budni dobrovol'ca / E. Köppen. – M. : KoLibri, 2024.–400 s.

Рукапіс наступіў у рэдакцыю 13.04.2025

Ольга Степановна Корнеева

преподаватель кафедры английской филологии

Брестского государственного университета имени А. С. Пушкина

Olga Korneeva

Lecturer of the Department of English Philology

of Brest State A. S. Pushkin University

e-mail: grabar_o_s@mail.ru

СЕМИОТИЧЕСКИ ОСЛОЖНЕННЫЕ ЭРГОУРБОНИМЫ В СФЕРЕ ОБЩЕСТВЕННОГО ПИТАНИЯ МОСКВЫ И ЛОНДОНА

Статья посвящена актуальной проблеме исследования лингвистического ландшафта в контексте двойственного влияния процессов глобализации и сохранения лингвокультурной идентичности. Введен термин «урботрапезоним», который применяется к эргоурбонимам объектов общественного питания, представленным в городском ландшафте. Урботрапезонимы, представляя собой вербальную составляющую вывески локализованного коммерческого предприятия, как правило, осложняются невербальными знаками. На основании изученных подходов к семиотически осложненным текстам выделены три степени креолизации, которые используются в качестве критериев для анализа урботрапезонимов городов Москвы и Лондона в рамках исследования. В результате анализа выявлена структурная специфика семиотически осложненных урботрапезонимов в русскоязычной и англоязычной лингвокультурах.

Ключевые слова: семиотически осложненный текст, эргоурбоним, трапезоним, урботрапезоним, креолизованный текст, креолизация.

Semiotically Complicated Ergourbonyms in the Foodservice Industry in Moscow and London

The article addresses the issue of linguistic landscape in the context of the dual influences of globalisation and the preservation of linguocultural identity. The author introduces the term 'urbotrapezonym', which refers to the ergourbonyms of eating establishments found within urban landscapes. Urbotrapezonyms, as verbal components of the signage of localised commercial enterprises, are often accompanied by non-verbal signs. Based on the studied approaches to semiotically complicated texts, the author identifies three degrees of creolisation, which serve as criteria for analysing urbotrapezonyms of Moscow and London within the framework of the study. The analysis reveals the structural characteristics of semiotically complex urbotrapezonyms in Russian- and English-speaking linguocultures.

Key words: semiotically complicated text, ergourbonym, trapezonym, urbotrapezonym, creolised text, creolisation.

Введение

Исследование эргоурбонимов в сфере общественного питания (далее именуемых урботрапезонимами) как части лингвистического ландшафта является актуальным научным направлением за счет возникновения междисциплинарных связей между лингвистикой, а в частности лингвокультурологией и ономастикой, географией, социологией и урбанонологией с целью изучения городского ономастикона на предмет уникальных и универсальных характеристик нейминга в населенном пункте, а также для совершенствования сити-менеджмента. Разработка темы эргоурбонимов в сфере общественного питания с разных точек зрения представлена в трудах М. Ю. Криницкой и П. М. Тюрина (креолизация),

Г. Н. Стариковой и Чанг Хоанг Тхи Хонг (характеристики номинации типов заведений питания), Е. В. Тихоненко (специфика мотивационной базы), Т. Г. Федотовских (содержательно-прагматический аспект).

Целью нашего исследования является выявление специфики семиотически осложненных урботрапезонимов в русскоязычной и англоязычной лингвокультурах на материале вывесок объектов общественного питания городов Москвы и Лондона. Для достижения поставленной цели были обобщены данные исследований по тематикам лингвистического ландшафта, эргонимии, эргоурбонимии и креолизованного текста, а также разработаны критерии для последующего анализа урботрапезонимов, представленные в виде трех степеней креолизации.

Основная часть

Текстовая информация, окружающая горожанина в общественных местах, превращает город в своего рода коммуниканта. В этой связи релевантным является понятие лингвистического ландшафта, который представляет собой языковую картину публичного урбанизированного пространства коммуникации. В узком смысле, согласно подходу Г. И. Купцовой, лингвистический ландшафт – это способ «описания повседневного существования языка, состоящий в исследовании письменных знаков в пространстве городской среды» [1, с. 43].

Значимым элементом лингвистического ландшафта являются эргонимы как имена собственные предприятий различного функционального профиля. Поскольку лингвистический ландшафт представляет собой репрезентацию и соотношение различных языков в общественных пространствах многоязычных городов, понятие *эргоним* не представляется достаточным для отражения факта «опредмеченности» имен собственных в вывесках конкретных топографических объектов города. Р. И. Козлов выделяет понятие *локализованного коммерческого предприятия*, для которого он применяет термин *эргоурбоним*, «фиксирующий комплексный характер объекта номинации, который представляет, с одной стороны, деловое предприятие (для названия которого используется эргоним), а с другой – объект городского пространства (номинаруемый урбонимом/урбанонимом)» [2, с. 14].

Объектом нашего исследования является ономастикон локализованных коммерческих предприятий общественного питания, именуемых, согласно Т. В. Шмелевой, трапезонимами [3, с. 10]. Г. Н. Старикова и Тхи Хонг Чанг Хоанг для обозначения и названия заведений питания также предлагают термины *трофоним* либо *рестороним*, что, по нашему мнению, может быть интерпретировано в более узком смысле, чем подразумевают сами авторы [4, с. 73]. Разделяя взгляды Р. И. Козлова и Т. В. Шмелевой, мы предлагаем использовать понятие *урботрапезонима* как имени собственного объекта общественного питания, локализованного в вывесках и надписях в городском пространстве. Как элементы лингвистического ландшафта, урботрапезонимы вносят вклад в имидж города и региона,

а также в формирование целостного образа страны в общественном сознании не только ее граждан, но и на международной арене. Создатели локализованных коммерческих предприятий в сфере общественного питания учитывают как локальные традиции, так и актуальные тренды нейминга с целью повышения конкурентоспособности на рынке оказания услуг и привлечения новых посетителей.

Выбор сферы общественного питания с целью выявления семиотических особенностей урботрапезонимов обусловлен двумя причинами. Во-первых, трапезонимы являются результатом осмысленного, целенаправленного выбора в процессе нейминга и выполняют аттрактивную функцию [5], направленную на привлечение внимания реципиента, а в последующем и мотивирование его к посещению объекта общественного питания. Во-вторых, для создания запоминающегося образа топографического объекта городского ландшафта возникает необходимость применения широкого спектра невербальных иконоических и метаграфемных знаковых средств, что ведет к семиотическому осложнению текстового сообщения в коммуникативном пространстве города.

Урботрапезонимы как вербальные компоненты гетерогенных знаков в лингвистическом ландшафте города характеризуются наличием креолизирующих их элементов. Ю. А. Сорокин и Е. Ф. Тарасов определяют креолизованные тексты как «тексты, фактура которых состоит из двух негомогенных частей: вербальной (языковой/речевой) и невербальной (принадлежащей к другим знаковым системам, нежели естественный язык)» [6, с. 180].

Базовой классификацией креолизованного текста принято считать типологию Е. Е. Анисимовой [7, с. 15], в которой автор исходит из наличия изображения и характера его связи с вербальной частью и выделяет три основные группы текстов с нулевой, частичной и полной креолизацией. Данная классификация базируется на роли иконоического элемента, не уточняя статуса метаграфемных средств, которые автор рассматривает в качестве важных элементов креолизации в своих научных трудах.

Как справедливо отмечают исследователи метаграфемных средств креолизации

текста А. Н. Баранов и П. Б. Паршин [8], восприятие и интерпретация письменного текста зависят от маркированности его верстки, наличия «нестандартных» графических решений. Таким образом, метаграфемные средства в зависимости от роли в тексте могут быть пассивными и не оказывать значимого влияния на план содержания, т. е. не являться средством креолизации. В то же время мы соглашаемся с А. А. Бернацкой, которая вводит понятие «слабой креолизации» [9], поскольку даже минималистичное в цветовом и шрифтовом отношении решение может рассматриваться как метаграфемное средство креолизации текста. Таким образом, в рамках настоящего исследования мы выделяем три степени креолизации: 1) нулевая или низкая – отсутствие изображений, «декоративных» изобразительных элементов при наличии метаграфемных трансформаций; 2) средняя – наличие факультативных иллюстративных дублирующих изображений либо «декоративных» изобразительных элементов; 3) высокая – обличительность изображения, отсутствие которого меняет семантическую составляющую эргонима.

К несловесным знакам следует отнести не только иконические и метаграфемные, но и пазиграфические знаки: цифры, знаки математических операций, химические формулы либо знаки элементов, знаки юридической охраны прав, знаки Интернета, пиктограммы. Графическое варьирование также может быть связано с использованием средств нестандартной орфографии, которая может быть фонетически мотиви-

рованной либо представлять собой усеченную до одной буквы лексему.

Классификация креолизованных текстов на основании соотношения объема информации, передаваемой вербальными и невербальными знаками креолизованного текста, более doskonaльна. Тем не менее существует ряд трудностей, выявленных в результате исследований в данном ключе. В коллективной монографии «Креолизованный текст: смысловое восприятие» И. В. Вапунина, М. О. Матвеев, А. А. Нистратов и Е. Ф. Тарасов анализируют креолизованные тексты с точки зрения реципиента с вычислением коэффициента креолизации на основе психосемантической методики и метода семантического дифференциала и приходят к выводу, что простые и однозначные закономерности не присущи процессу креолизации, а спрогнозировать восприятие креолизованного текста адресатом не представляется возможным даже при установлении всех параметров текста [10, с. 191–192].

С целью сопоставления специфики семиотически осложненных текстов в отношении степени креолизации и интерсемиотической контаминации в разных лингвокультурах нами были выбраны города Лондон и Москва. Источниками материала для исследования являются отобранные методом сплошной выборки по 100 урботрапезонимов указанных городов, собранные на сайте *Tripadvisor* [11], а также зафиксированные на фото вывески с их названиями на сторонних Интернет-ресурсах. Результаты исследования представлены в таблице.

Таблица – Семиотически осложненные урботрапезонимы

Город	Степень креолизации, %		
	Нулевая или низкая	Средняя	Высокая
Москва	71	27	2
Лондон	66	33	1

Изучив урботрапезонимы Москвы и Лондона, мы пришли к выводу, что степень креолизации не коррелирует с лингвокультурными особенностями стран, а низкая степень креолизации характерна для урботрапезонимов как эргоурбонимов в целом. Также отметим, что низкая степень креолизации включает супраграфемное варьирование, которое заслуживает отдельного внимания в междисциплинарных исследова-

ниях семантики и восприятия хромографемных и супраграфемных средств. Супраграфемные средства, представляющие нулевую либо низкую степень креолизации вне комбинаций с иконическими знаками зачастую представлены немаркированными средствами, т. е. «стандартным» шрифтовым оформлением, что указывает на тренд минималистичности в оформлении и ориентацию на удобочитаемость. В ходе исследо-

вания нами была выявлена взаимосвязь между урботрапезонимами, создающими отсылки к иностранной кухне, и маркированностью их шрифтового оформления. Приведем примеры таких случаев:

1) готический шрифт: немецкие пивные рестораны («*The Bermondsey Bierkeller*» в Лондоне, «*Брюгге*» в Москве), а также ирландские бары и пабы («*The Dubliner Irish Pub*», «*Йоркшир*», «*Sean O'Neill Pub*» в Москве);

2) курсив: объекты общественного питания Лондона, названия которых заимствованы из итальянского языка (рестораны «*Bella Vita*», «*Mio*», «*Da Mario*», «*Sergio's*», «*Gallio*»; трагтория «*Verdi*»);

3) шрифт с засечками для создания «традиционно британского» имиджа пабов и баров как в Лондоне, так и в Москве (пабы «*Connolly Station*», «*Ulysses Pub*», «*Tweed & Stout*» в Москве; пабы «*The Duchess Belle*», «*The Starting Gate*», бар «*Grays & Feather*» и др. в Лондоне).

Средняя степень креолизации встречается в Лондоне и Москве реже, чем низкая, и реализуется за счет опциональных иконических знаков, которые выполняют разные функции:

1) дублирующую (изображение Джозефа Пакстона под эргонимом «*Paxton's Head*»);

2) декоративно-дублирующую (пиктограмма огня над буквой «*L*» в названии «*Candlemaker*»);

3) декоративную (пиктограммы звезд возле названия бара-ресторана «*Liberty*»);

4) маскот-функцию (изображение жирафа на вывеске кафе «*Lumi*»);

5) экстенсивную, которая заключается в дополнении вербального знака невербальным, расширении его семантического поля (флаг Италии рядом с названием «*Вилла Паста*», ресторан «*Роял*» с пиктограммой короны над последней графемой);

6) идентифицирующую либо квалифицирующую, которая заключается иллюстрировании типа кухни либо заведения, но не трапезонима непосредственно (изображение чашки кофе на вывеске кафе «*Lumi*»).

Для Лондона и Москвы не характерна высокая степень креолизации урботрапезонимов, поскольку она бы усложнила декодирование сообщения. Высокая степень

креолизации во всех случаях была представлена изображениями, значимыми для корректной интерпретации вербального сообщения, но не функционирующими без текста. В качестве примеров приведем название бара «*На кранах*», где изображение пивных кранов позволяет распознать одно из значений слова.

Среди затрудняющих объективный анализ урботрапезонимов факторов нами было отмечено отсутствие в открытом доступе фотографий входных групп и вывесок некоторых объектов общественного питания. В отдельных случаях это обусловлено появлением новых форматов функционирования, где создатели отдают приоритет онлайн-маркетингу и не уделяют внимания наличию вывески в городском пространстве. К таким случаям относятся «*rooftop*» объекты общественного питания, располагающиеся на крышах, а также «секретные» заведения, как, например, «*Кот Шрёдингера*» в Москве, где скрытность обусловлена еще и самой сущностью мысленного эксперимента Э. Шрёдингера.

Заключение

В результате сопоставительного анализа семиотически осложненных урботрапезонимов двух лингвокультур мы пришли к выводу, что сбалансированное соотношение степеней креолизованности в разных лингвокультурах обусловлено спецификой сферы функционирования эргоурбонимов, а лингвокультурные различия как таковые не оказывают влияния на соотношение вербальных и невербальных знаковых средств в вывесках объектов общественного питания Лондона и Москвы. В ходе проведенного нами анализа урботрапезонимов были выявлены перспективные направления исследований:

1) детальное рассмотрение семантики хромо- и супраграфемных средств письменного текста и непротиворечивое разграничение низкой и нулевой степеней креолизации;

2) сопоставление степеней креолизации урботрапезонимов с учетом типа объекта общественного питания;

3) сопоставление степеней креолизации в лингвокультурах с разными системами письменности.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Купцова, Г. И. Некоторые особенности семиотики коммерческих знаков в лингвистическом ландшафте Москвы (на материале надписей на детских игрушках) / Г. И. Купцова // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. – 2015. – № 31. – С. 42–49.
2. Козлов, Р. И. Эргоурбонимы как новый разряд городской ономастики : автореф. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Козлов Роман Игоревич. – Екатеринбург, 2000. – 23 с.
3. Шмелева, Т. В. Ономастикон российского города / Т. В. Шмелева. – Саарбрюккен : Lap Lambert Academic Publishing, 2014. – 137 с.
4. Старикова, Г. Н. Трофонимы (ресторонимы) как особый тип эргонимов (на материале имен заведений общественного питания Москвы) / Г. Н. Старикова, Т. Х. Хоанг // Вестник Томского государственного университета. Филология. – 2017. – № 47. – С. 72–87.
5. Ратникова, И. Э. Эргонимы в ономастическом пространстве языка (на материале названий предприятий Минска и Ханоя) / И. Э. Ратникова, Бен Тхи Хоанг // Карповские научные чтения : сб. науч. ст. / редкол.: А. И. Головня (отв. ред.) [и др.]. – Минск : РИВШ, 2015. – Вып. 9 : в 2 ч. – Ч. 1. – С. 224–228.
6. Сорокин, Ю. А. Креолизованные тексты и их коммуникативная функция / Ю. А. Сорокин, Е. Ф. Тарасов // Оптимизация речевого воздействия. – М. : Высш. шк., 1990. – С. 180–186.
7. Анисимова, Е. Е. Лингвистика текста и межкультурная коммуникация (на материале креолизованных текстов) : учеб. пособие для студентов фак. иностр. яз. вузов / Е. Е. Анисимова. – М. : Academia, 2003. – 122 с.
8. Баранов, А. Н. О метаязыке описания визуализаций текста / А. Н. Баранов, П. Б. Паршин // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2018. – Т. 17, № 3. – С. 6–15.
9. Бернацкая, А. А. К проблеме «креолизации» текста: история и современное состояние / А. А. Бернацкая // Речевое общение. Специализированный вестник Красноярского государственного университета ; под ред. А. П. Сковородникова. – 2000. – № 3 (11). – С. 104–110.
10. Креолизованный текст: смысловое восприятие / И. В. Вашунина, М. О. Матвеев, А. А. Нистратов, Е. Ф. Тарасов. – М. : Ин-т языкознания РАН, 2020. – 206 с.
11. Tripadvisor [сайт]. – URL: <https://www.tripadvisor.ru> (дата обращения: 24.02.2025).

REFERENCES

1. Kupcova, G. I. Niekotoryje osobienosti siemiotiki kommierchieskikh znakov v lingvisticheskom landshaftie Moskvyy (na materialie nadpisiej na dietskikh igrushkakh) / G. I. Kupcova // Viestnik Nizhegorodskogo gosudarstviennogo lingvistichieskogo univiersitieta im. N. A. Dobroliubova. – 2015. – № 31. – S. 42–49.
2. Kozlov, R. I. Ergourbonimy kak novyj razriad gorodskoj onomastiki : avtorief. dis. ... kand. filol. nauk : 10.02.01 / Kozlov Roman Igorievich. – Jekatierinburg, 2000. – 23 s.
3. Shmielieva, T. V. Onomastikon rossijskogo goroda / T. V. Shmielieva. – Saarbrücken : Lap Lambert Academic Publishing, 2014. – 137 s.
4. Starikova, G. N. Trofonimy (riestorony) kak osobyj tip ergonimov (na materialie imion zaviedienij obshchiestviennogo pitaniya Moskvyy) / G. N. Starikova, T. Kh. Khoang // Viestnik Tomskogo gosudarstviennogo univiersitieta. Filologija. – 2017. – № 47. – S. 72–87.
5. Ratnikova, I. E. Ergonimy v onomastichieskom prostranstvie jazyka (na materialie nazvanij priedpriyatij Minska i Khanoja) / I. E. Ratnikova, Ben Tkhi Khoang // Karpovskije nauchnyje chtienija : sb. st. / A. I. Golovnia (otv. ried.) [i dr.]. – Minsk : RIVSh, 2015. – Vyp. 9 : v 2 ch. – Ch. 1 – S. 224–228.
6. Sorokin, Ju. A. Krieolizovannyje tieksty i ikh kommunikativnaja funkciya / Ju. A. Sorokin, Je. F. Tarasov // Optimizacija riechievogo vozdiejstviya. – M. : Vyssh. shk., 1990. – S. 180–186.
7. Anisimova, Je. Je. Lingvistika tieksta i miezhkul'turnaja kommunikacija (na materialie krieolizovannykh tiekstov) : uchieb. posobiye dlja studentov fak. inostr. jaz. vuzov / Je. Je. Anisimova. – M. : Academia, 2003. – 122 s.

8. Baranov, A. N. O mietajazykie opisaniya vizualizacij teksta / A. N. Baranov, P. B. Parshin // *Viestnik Volgogradskogo gosudarstviennogo univiersitieta. Sierija 2, Jazykoviedienije.* – 2018. – T. 17, № 3. – S. 6–15.
9. Biernatskaja, A. A. K probileime «krieolizacii» teksta: istorija i sovriemiennoje sostojanije / A. A. Biernatskaja // *Riechievoje obshchienije. Spiecializirovannyj viestnik Krasnojarskogo gosudarstviennogo univiersitieta / pod ried. A. P. Skovorodnikova.* – 2000. – № 3 (11). – S. 104–110.
10. Krieolizovannyj tekst: smyslovoje vosprijatije / I. V. Vashunina, M. O. Matviejev, A. A. Nistratov, Je. F. Tarasov. – M. : In-t jazykoznaniya RAN, 2020. – 206 s.
11. Tripadvisor [sajt]. – URL: <https://www.tripadvisor.ru> (data obrashchienija: 24.02.2025).

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 15.04.2025

Ольга Владимировна Сидоревич-Стахнова

канд. филол. наук, доц., доц. каф. романо-германских языков
международной профессиональной деятельности
Белорусского государственного университета

Olga Sidorevich-Stakhnova

Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Associate Professor
of the Department of Romanic and Germanic Languages for International Professional Activities
of Belarusian State University
e-mail: stakhnova@bsu.by

ЭКОЛОГИЯ ОБЩЕНИЯ ОСНОВНЫХ УЧАСТНИКОВ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПРОЦЕССА В ЦИФРОВОЙ СРЕДЕ

Выявляются положительные и отрицательные стороны внедрения информационно-коммуникационных технологий в сферу общения. Рассматривается их влияние на взаимодействие между основными участниками образовательного процесса, акцент делается на трудностях, с которыми сталкиваются стороны. Ставится вопрос о гармонизации общения преподавателя и студента в цифровой среде. С этой целью автор обращается к понятию «экология общения». Для выявления барьеров на пути к экологичному общению между преподавателями и студентами анализируются характеристики поколений и связанные с ними особенности медиавзаимодействия. На основе анализа литературы формулируются конкретные рекомендации для достижения комфортного общения в мессенджерах и по электронной почте.

Ключевые слова: экология общения; цифровая среда; информационно-коммуникационные технологии; поколение; особенности медиавзаимодействия.

Ecology of Communication between the Main Participants of the Educational Process in the Digital Environment

The article deals with the problem of positive and negative impacts of Information and Communication Technology in our communication. The influence of network interaction on the main participants of the educational process is investigated. The question of harmonization of communication between teacher and student in the digital environment is raised. For this purpose, the author refers to the concept of «ecology of communication». To identify barriers to ecological communication between teachers and students, generational characteristics and related features of media interaction are analyzed. Based on the literature analysis, specific recommendations for achieving comfortable communication in messengers and via e-mail are formulated.

Key words: ecology of communication; digital environment; Information and Communication Technologies; generation; peculiarities of media interaction.

Введение

Сфера коммуникации претерпевает существенные изменения в связи с внедрением информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) и цифровых инструментов в повседневную жизнь. Эти трансформационные преобразования носят неоднозначный характер. С одной стороны, благодаря современным устройствам и технологиям общение между людьми стало более доступным, мобильным, динамичным, информационно насыщенным. Мессенджеры и социальные сети позволили мгновенно обмениваться сообщениями, как текстовыми, так и голосовыми, звонить или общаться по видеосвязи. ИКТ оказали существенное влияние на сферу профессиональной

деятельности, сделали возможным удаленное трудоустройство и расширили возможности в сфере деловой коммуникации. Более того, они открывают доступ к общению людям с ограниченными возможностями. Так, для слабовидящих существуют программы экранного доступа (скринридеры) и синтезаторы речи. Первые служат для преобразования текстовой информации в устную речь, а вторые – для ее озвучивания [1]. Некоторые сервисы предоставляют возможность просмотра фильмов с аудиоскрипцией – «описанием значимых визуальных элементов произведений искусства или медиапродукции, которое позволяет лицам с нарушениями зрения воспринимать их форму и содержание» [2]. Слабослыша-

щие люди могут воспользоваться специальными устройствами и программами, которые выводят расшифрованную звучащую речь на экран компьютера или смартфона в режиме онлайн.

С другой стороны, изменение способов общения отражается на качестве межличностного взаимодействия и психологическом состоянии его участников. Так, значительно сокращается количество личных встреч и общение лицом к лицу. Часто люди, физически находящиеся на небольшом расстоянии друг от друга, предпочитают коммуницировать через мессенджеры. Оказываясь полностью поглощенными своими высокотехнологичными устройствами, они эмоционально отдаляются друг от друга. Такой феномен получил название «виртуального расстояния» [3]. Кроме того, даже при личных встречах люди демонстрируют зависимость от гаджетов, например, постоянно используют смартфон для проверки уведомлений или отправки сообщений, для уточнения времени или скроллинга ленты новостей. Это отвлекает от общения и создает у собеседника впечатление отсутствия заинтересованности в коммуникативном контакте с ним, неуважения. Демонстрация зависимости от телефона во время живого общения, при физическом присутствующем собеседнике получила название «фаббинг».

Целью статьи является выявление трудностей, которые возникают при опосредованной ИКТ коммуникации между основными участниками образовательного процесса, а также формулирование принципов экологичного общения, обеспечивающего создание комфортной учебной обстановки.

Материалом исследования послужили работы современных лингвистов, психологов, социологов, которые занимаются проблемой влияния цифровых технологий на сознание и личность. Использовались методы анализа научной литературы, а также прогрессивного педагогического опыта.

Основная часть

Современные технологии не обошли стороной сферу образования, трансформировав способ взаимодействия между преподавателями и студентами, учителями, учениками и их родителями, т. е. основными участниками образовательного процесса.

Их общение сегодня не ограничивается стенами аудитории, а часто продолжается в цифровом пространстве.

Расширение возможностей общения между основными участниками образовательного процесса с помощью использования ИКТ порождает ряд трудностей, которые не характерны для коммуникативного контакта лицом к лицу в рамках учебной аудитории. К ним относятся:

1. Размывание границ между личной и профессиональной жизнью. Например, студенты пишут преподавателю в нерабочее время, что может вызвать у последнего недовольство. *«Особо “одаренные” студенты любят доставать преподавателей в мессенджерах часов эдак в 12 ночи. Не делайте так, не то наживете себе врага»,* – дает советы студентам автор сайта «Полезный блог» (<https://blog-multiwork.ru/blog/kak-obshchatsya-s-nauchnym-rukovoditelem/?ysclid=lz5tt8m wpt73530485>).

Или еще более яркий пример приводит школьный учитель: *«Час ночи, я сплю после трудового дня, как вдруг начинает вибрировать телефон. Я вскакиваю, в голове только одна мысль: “Мама! Она старенькая, ей стало плохо...”*. Хватаю телефон и обнаруживаю сообщение в мессенджере: *“Папа не поедет на экскурсию”. Чертыхаясь, бреду на кухню, сна ни в одном глазу. Через час я все же засыпаю, но в 5 утра приходит новое сообщение из другого чата: “Напишите задание по алгебре”*. Сначала хочется ответить грубо, потом размышляю о воспитании этой мамы-полноночницы, возникает желание написать ее родителям, жаль, что нет их номера телефона» (https://vogazeta.ru/articles/2018/3/13/blog/2336peratsiya_dostan_uchitelya?ysclid=lz5t5ou4s756983547).

2. Исчезновение понятия приватности коммуникации в цифровом мире. Любое сообщение может быть скопировано и отправлено третьим лицам, поэтому необходимо постоянно контролировать создаваемый контент.

3. Столкновение порой противоположных взглядов на культуру общения. Различия могут касаться отношения к стилю общения (формальному или неформальному), ошибкам в тексте сообщения, наличию эмодзи и т. д. У многих преподавателей и учителей несоблюдение норм речевого эти-

кета вызывает разные реакции: от недопонимания до гнева. Так, например, преподаватель классической русской литературы XIX в. поделилась следующей историей: *«Подходит ко мне студент в конце семестра, и завязывается у нас очень интересный разговор. И спрашивает он меня, почему у него недопуск. Причем мальчик такой активный на семинарах, порой даже слишком, со своим взглядом на произведение, и тут вдруг недопуск. Смотрю, а у него главная работа по Бахтину не сдана. Он начинает мне доказывать, что присылал мне ее по электронной почте. И вдруг я вспоминаю, что действительно, пришла мне почти в начале семестра работа... без темы и подписи. Только файл прикрепленный. Я его спрашиваю: "А, так это Вы книжный чертенок?" Книжный чертенок – это у него в почте ник такой. Он покраснел весь, засмутился... Книжный чертенок. Ну, совсем студенты не думают о преподавателях!»* (<https://dzen.ru/a/X5cZS03MXGE84-bke?ysclid=1z5fcl38rm947619652>).

Таким образом, актуальным становится вопрос, связанный с гармонизацией общения между основными участниками образовательного процесса в цифровой среде, иначе говоря, с обеспечением экологичности общения для реализации эффективного взаимодействия и создания комфортной учебной обстановки.

Экология общения – это новое междисциплинарное исследовательское направление, в фокусе которого находится «бережное, уважительное, внимательное отношение человека к человеку и/или человека к окружающей среде и самому себе. При этом окружающая среда понимается не только как биологические условия существования, но и как условия социального существования» [4, с. 81].

Одним из значимых барьеров на пути к экологичному общению является разный опыт использования цифровых средств, обусловленный принадлежностью студентов и преподавателей к разным поколениям. Согласно теории поколений, сформулированной в результате социологических, психологических и культурологических исследований, каждое из них имеет свои ценностные характеристики, которые определяют мировоззрение и поведение.

Анализ различий в ценностях поколений опирается на концепции М. Пренски [5], Дж. Твенге [6], К. Мангейма [7].

Сегодняшние студенты бакалавриата – это представители т. н. «цифрового поколения», поколения «цифровых аборигенов» (термин М. Пренски), поколения Z или айдженеров (термин Дж. Твенге), родившиеся в 2000–2013 гг. Для них характерно:

- смешение офлайн и онлайн реальности. Ввиду вовлеченности в цифровые технологии с самого раннего детства граница между реальным и виртуальным мирами для них оказывается размытой;
- цифровая социализация. Социальные связи и опыт взаимодействия приобретается через цифровые технологии и платформы;
- вытекающие из предыдущего пункта виртуальные отношения, которые могут быть столь же глубокими и значимыми, как и реальные;
- нарушение баланса в использовании технологий, ведущее к снижению уровня счастья и возникновению чувства одиночества. Крайним проявлением такого нарушения становится социальная изоляция;
- рост числа психических расстройств и депрессии, что выступает как одна из основных примет поколения Z;
- снижение потребности в самостоятельности и независимости от родителей. Представители поколения Z не торопятся взрослеть и используют стратегию «медленной жизни»;
- неспособность к длительной концентрации внимания, связанная наряду с иным с многозадачностью. Молодые люди могут одновременно учиться, общаться в мессенджерах или соцсетях, смотреть видео, а это затрудняет развитие навыков глубокой концентрации;
- снижение читательской активности;
- снижение способности мыслить критически ввиду зависимости от цифровых источников информации.

Эти поведенческие особенности представителей поколения Z отражаются на медиавзаимодействии. Это дает основание отметить, что представители поколения Z:

- ценят короткий и визуально привлекательный контент, отдают предпочтение лаконичным сообщениям, ярким фото и видео. Такие форматы, как stories в Instagram или короткие видео в TikTok, становятся

популярными, т. к. они быстро передают информацию и эмоции;

- одновременно воспринимают информацию из разных источников, т. е. многозадачны;

- ценят ироничность подачи информации, использование мемов [8, с. 137];

- из-за увеличения скорости жизни и стремления к быстрому обмену информацией сокращают слова, заимствуют краткие английские слова и фразы из других языков, а также используют эмодзи и GIF для передачи эмоций;

- доверяют блогерам больше, чем родителям или друзьям.

Преподаватели могут принадлежать к одному из трех поколений: бумеров, поколению X, поколению Y (или миллениалам).

Бумеры – это люди, родившиеся после Второй мировой войны. Для них характерен оптимизм, коллективизм, командный дух, трудоголизм, заинтересованность в личностном росте. Цифровые технологии воспринимаются ими как средство получения и обмена информацией, некоторые представители этого поколения используют социальные сети, но не склонны демонстрировать в них свою личную жизнь. Многие из них, как отмечают социологи, технофобы, ведь они родились задолго до появления интернета и современных цифровых устройств [9, с. 49].

К поколению X принадлежат люди, которые родились с 1964 по 1980 гг. Их отличает прагматизм, индивидуализм, значимость материальных ценностей, стремление к достижению поставленных целей вопреки трудностям. Отсутствие интернета и стремительно развивающихся технологий в период их взросления сформировали привычку воспринимать большие объемы текстовой информации без опоры на какие-либо визуальные элементы. Они способны в течение длительного времени удерживать свое внимание на получаемых сведениях.

Представители поколения Y, или миллениалы, родились с 1981 по 1996 г.; их называют первым цифровым поколением. Они не боятся перемен, стремятся к самореализации, ориентируются на сегодняшний день, любознательны, постоянно пребывают в поиске нового. Хорошо владеют современными технологиями, способны быстро выделять главную и второстепен-

ную для себя информацию, многозадачны, адаптируют реальность под свои интересы, активно используют соцсети, стремятся проявить себя и свою индивидуальность.

Таким образом, налицо существенные различия в ценностных ориентирах, которые отражаются на использовании цифровых технологий у представителей поколения Z – сегодняшних школьников и студентов – и тех, кто их обучает. Даже поколение миллениалов, которое называют первым цифровым поколением, не может сравниться с поколением Z, т. к. последние родились с гаджетами в руках и часто не разделяют виртуальный и реальный мир, а миллениалам пришлось приобретать навыки пользования цифровыми инструментами, т. е. они способны провести границу между событиями реальной и виртуальной жизни. Эти отличия в ценностях и опыте взаимодействия необходимо учитывать при построении общения учитель – ученик и преподаватель – студент в цифровой среде.

Упомянутая выше коммуникация между обучающими и обучаемыми относится к деловому типу, поэтому правомерно говорить о принципах, следование которым позволит достичь гармонии или по крайней мере минимизировать дискомфорт.

Ввиду того, что цифровая среда постоянно преобразуется, то и принципы комфортного общения в ней могут трансформироваться.

Беря во внимание трудности, с которыми сталкиваются обучаемые и обучающие при выстраивании взаимодействия в цифровом пространстве, а также учитывая ценностные характеристики поколений, можно сформулировать следующие рекомендации, следование которым позволит сделать общение в мессенджерах более экологичным для его участников.

Представляется необходимым строго детерминировать канал связи, через который будет осуществляться обмен сообщениями (если мессенджер, то какой); обозначить «рабочее» время, т. е. время, когда можно отправлять сообщения; в рамках этих «приемных» часов отвечать на сообщения студента оперативно (в течение 12 часов), а если нет возможности ответить сразу, то написать «отвечу позже»; перечитывать сообщение перед отправкой, т. к. автозамена иногда играет злую шутку; стараться

ся не отправлять голосовые сообщения: у адресата не всегда есть возможность их прослушать, а вот текстовое сообщение можно прочитать практически в любое время. Несмотря на то, что студенты, как уже отмечалось, привыкли в переписке использовать эмодзи, стикеры и мемы, преподавателям не стоит этим злоупотреблять, т. к. подобные элементы характерны для неформального общения (можно ограничиться эмодзи 😊, выражающим положительную оценку, одобрение, или 😞 для выражения солидарности, или 😏 для устранения возможного недопонимания иронии); не стоит прибегать к молодежному сленгу или сокращениям наподобие «спс», «оч», «спок» и др.; всю мысль лучше изложить целиком, а не делить на сообщения по одному слову (мысль могут перебить другие сообщения, и возникнет путаница); не следует писать все сообщение заглавными буквами, т. к. они могут быть восприняты как крик или громкая речь. Преподавателям и студентам необходимо заранее договориться о способе отправки «тяжелых» файлов, не отправлять их в мессенджер; если вопросы касаются конкретного студента, то лучше перенести переписку в личные сообщения, а не развивать обсуждение в групповом чате.

Для общения по электронной почте можно вывести следующие правила: необходимо выбрать логин, который, во-первых, поможет получателю идентифицировать ваше письмо именно с вами, а для этого лучше использовать фамилию или имя и фамилию в адресе электронной почты, а во-вторых, будет соответствовать вашему статусу, а не вызывать улыбку (Balamut-Tatka – не самый лучший выбор), лучше использовать официальную почту (напри-

мер, bsu.by), следует обязательно указать тему письма (это позволит быстрее его найти в почте в случае необходимости); поскольку переписка между обучающим и обучаемым относится к деловому типу общения, то письмо стоит начинать с приветствия и обращения по имени, а не просто «Здравствуйте!»; отвечать на письма необходимо в течение 24 часов.

Заключение

Экологичное общение – это комфортная коммуникация, при которой состояние партнеров улучшается или по крайней мере не ухудшается. В образовательной среде новые возможности, предоставляемые ИКТ, порождают дополнительные по сравнению со взаимодействием в реальной жизни сложности, которые связаны, например, с размытием понятия приватности, стиранием границ между личной и профессиональной жизнью, разными взглядами на культуру общения у представителей разных поколений, к которым принадлежат студенты и преподаватели. Таким образом, равновесие в опосредованной цифровыми средствами коммуникации часто нарушается, вызывая не просто непонимание у одной или обеих сторон, но часто дискомфорт.

В результате анализа в статье была предпринята попытка сформулировать принципы, следование которым будет способствовать минимизации этого дискомфорта. Представленный список может быть расширен. Однако для достижения экологичного общения адресанту необходимо фокусировать внимание на комфорте адресата. Для этого полезно задавать себе следующие вопросы: «Удобно ли моему собеседнику?», «Не отнимаю ли я чье-то время, ресурсы, внимание, трафик? и т. д.».

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Писков, А. Как незрячие люди пользуются компьютерами, смартфонами и ощущают себя в интернете / А. Писков // TimeOut – 2020. – URL: <https://www.timeout.ru/msk/feature/-496840> (дата обращения: 10.08.2024).
2. Маркова, Н. А. Тифлокомментирование (аудиоописание) как новая социальная услуга для людей с проблемами зрения / Н. А. Маркова. – URL: <https://nsportal.ru/detskiysad/-raznoe/2018/05/06/tiflokommentirovanie-audiodeskriptsiya-kak-novaya-sotsialnaya-usluga> (дата обращения: 10.08.2024).
3. Грязнова, С. А. Влияние информационных технологий на межличностное взаимодействие / С. А. Грязнова // International Journal of Humanities and Natural Sciences. – 2022. –

Vol. 4-1 (67). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vliyanie-informatsionnyh-tehnologiy-na-mezhlichnostnoe-vzaimodeystvie?ysclid=m3q2st4ea4184489708> (дата обращения: 10.08.2024).

4. Сидоревич-Стахнова, О. В. Экология общения, этика, кооперация. К постановке проблемы / О. В. Сидоревич-Стахнова // Вестник МГЛУ. Серия 1, Филология. – 2023. – № 5 (126). – С. 76–85.

5. Prensky, M. Enseñar a nativos digitales. Una propuesta pedagógica para la sociedad del conocimiento / M. Prensky. – Modo de acceso: https://www.academia.edu/44216093/Ense%C3%B1ar_a_Nativos_digitales_Marc_Prensky. – Fecha de acceso: 10.08.2024.

6. Твенге, Дж. Поколение I. Почему поколение Интернета утратило бунтарский дух, стало более толерантным / Дж. Твенге. – 2019. – 348 с.

7. Мангейм, К. Проблема поколений / К. Мангейм // Очерки социологии знания. Проблема поколений. Состязательность. Экономические амбиции : пер. с англ. Е. Я. Додина. – М. : ИНИОН РАН, 2000. – С. 8–63.

8. Зверева, Е. А. Поколения Y и Z: особенности медиапотребления / Е. А. Зверева, В. А. Хворова // Вестник НГУ. Серия История, филология. – 2020. – № 6, Журналистика. – С. 131–140.

9. Шевцова, Е. В. «Бумеры» и «миллениалы»: жизненные стратегии, политические установки и цифровизация / Е. В. Шевцова // Развитие территорий. – № 3 (25). – С. 46–52.

REFERENCES

1. Piskov, A. Kak niezriachije liudi pol'zujutsia kompjutierami, smartfonami i oshchushchajut siebia v internetie / A. Piskov // TimeOut – 2020. – URL: <https://www.timeout.ru/msk/feature/-496840> (data obrashchiena: 10.08.2024).

2. Markova, N. A. Tiflokommientorovanie (audiodeskripcija) kak novaja social'naja usluga dlja liudiej s problemami zrenija / N. A. Markova. – URL: <https://nsportal.ru/detskiysad/raznoe/-2018/05/06/tiflokommientorovanie-audiodeskripciya-kak-novaya-sotsialnaya-usluga> (data obrashchiena: 10.08.2024).

3. Griaznova, S. A. Vlijanie informacionnykh tiekhnologij na mezhlichnostnoje vzaimodejstvie / S. A. Griaznova // International Journal of Humanities and Natural Sciences. – 2022. – Vol. 4-1 (67). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vliyanie-informatsionnyh-tehnologiy-na-mezhlichnostnoe-vzaimodeystvie?ysclid=m3q2st4ea4184489708> (data obrashchiena: 10.08.2024).

4. Sidorievich-Stakhnova, O. V. Ekologija obshchiena, etika, kooperacija. K postanovkie problimy / O. V. Sidorievich-Stakhnova // Viestnik MGLU. Sierija 1, Filologija. – 2023. – № 5 (126). – S. 76–85.

5. Prensky, M. Enseñar a nativos digitales. Una propuesta pedagógica para la sociedad del conocimiento / M. Prensky. – Modo de acceso: https://www.academia.edu/44216093/Ense%C3%B1ar_a_Nativos_digitales_Marc_Prensky. – Fecha de acceso: 10.08.2024.

6. Tviengie, Dzh. Pokolienije I. Pochiemu pokolienije Interneta utratilo buntarskij dukh, stalo bolieje tolieranym / Dzh. Tviengie. – 2019. – 348 s.

7. Mangiejm, K. Problema pokolienij / K. Mangiejm // Ochierki sociologii znania. Problema pokolienij. Sostiazatiel'nost'. Ekonomichieskije ambicii : pier. s angl. Je. Ja. Dodina. – M. : INION RAN, 2000. – S. 8–63.

8. Zvierieva, Je. A. Pokolienija Y i Z: osobiennosti miediapotrieblenija / Je. A. Zvierieva, V. A. Khvorova // Viestnik NGU. Sierija Istoriija, filologija. – 2020. – № 6, Zhurnalistika. – S. 131–140.

9. Shevcova, Je. V. «Bumiery» i «millienialy»: zhizniennye strategii, politichieskije ustanovki i cifrovizacija / Je. V. Shievцова // Razvitije tierritorij. – № 3 (25). – S. 46–52.

Рукапіс наступіў у рэдакцыю 31.03.2025

Марыя Васільеўна Бугаева*аспірант 2-га года навучання каф. беларускага і рускага літаратуразнаўства
Брэсцкага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А. С. Пушкіна***Maria Bugaeva***3-d Year Postgraduate Student of the Department of Belarusian and Russian Literary Studies
of Brest State A. S. Pushkin University
e-mail: masha.svetlova.1997@mail.ru***МАТЫЎ ДОМА Ў ВЕРШАХ ЗБОРНИКА «ЖИВОЕ ЗЕРНО» В. ПАЛІКАНІНАЙ**

У лірыцы В. Паліканінай, вядомага сучаснага рускамоўнага аўтара Беларусі, значным і частотным матывам з'яўляецца матыў дома, які выразна дэманструе літаратурны і культурны мікракосм і макракосм. Матыў дома выступае як рэалізацыя нацыянальных культурных уяўленняў, сродак рэпрэзентацыі ўспамінаў і жыццёвага вопыту лірычнага героя, інструмент выказвання аўтарскага светапогляду, індикатар душэўнага стану актара твораў гэтага аўтара. Адзначаецца, што распрацоўка матыву дома ў творах В. Паліканінай блізкая да біблейскіх паданняў, дзе зямное жыццё чалавека разглядаецца як часовы дом, падрыхтоўка да здабыцця нябеснага прытулку. Акрамя таго, В. Паліканіна звяртаецца да вобраза дома дзяцінства як страчанага раю, напоўненага клопатам блізкіх і радасцю сямейнага цяпла.

Ключавыя словы: матыў, матыўны комплекс, матыў дома, В. Паліканіна, рускамоўная жаночая паэзія Беларусі.

The Motif of the House in the Poems of the Collection «Live Grain» by V. Palikanina

In the lyrics of V. Palikanina, a famous modern Russian-language author of Belarus, the motif of the house is a significant and frequent motif, which clearly demonstrates the literary and cultural microcosm and macrocosm. The motif of the house acts as the realization of national cultural ideas, a means of representing the memories and life experience of the lyrical hero, a tool for expressing the author's worldview, an indicator of the mental state of the actor of the works of this author. It is noted that the development of the motif of the house in the works by V. Palikanina is close to biblical legends, where a person's earthly life is considered as a temporary home, preparation for gaining a heavenly refuge. In addition, V. Palikanina turns to the identification of the childhood home as a lost paradise, filled with the care of loved ones and the joy of family warmth.

Key words: motif, motif complex, motif of the house, V. Palikanina, Russian-language women's poetry of Belarus.

Уводзіны

Паняцце «жаночая паэзія» было ў 1983 г. ўведзена ў беларускае літаратуразнаўства акадэмікам У. Гніламёдавым, калі вучоны ў сваёй кнізе «Сучасная беларуская паэзія: творчая індывідуальнасць і літаратурны працэс» адзначыў: «У літаратуры існуе паняцце “жаночая лірыка”» [1, с. 235]. Асноўнай задачай жаночай паэзіі з'яўляецца праблематызацыя жыццёва важнага для паэзіі адрознення – «мужчынскага» і «жаночага».

На сённяшні дзень «жаночае» ў паэзіі не ўспрымаецца як нешта зневажальнае не-

зразумелае і другараднае, супрацьпастаўленае «мужчынскаму». Наадварот, яно разглядаецца праз прызму «іншае», маркіраванае псіхалагічнымі, біялагічнымі, сацыякультурнымі і асобнымі рысамі. На думку беларускай даследчыцы С. Калядкі, «сучасную жаночую паэзію прадстаўляюць не адзінкі, а дзясяткі імёнаў» [2, с. 4].

Яркай прадстаўніцай жаночай рускамоўнай паэзіі Беларусі з'яўляецца Валянціна Пятроўна Паліканіна (нарадзілася ў 1958 г.) – паэт, перакладчык, празаік, публіцыст, член Міжнароднай федэрацыі рускамоўных пісьмennisнікаў, лаўрэат прэміі Саюза журналістаў Беларусі (2003), спецыяльнай Прэміі Прэзідэнта Рэспублікі Беларусь у намінацыі «Мастацкая літаратура» (2006). Эстэтычныя арыентацыі і каштоўнасныя канстанты выразна праяўляюць сябе ў паэзіі В. Паліканінай у матыве дома, які, уплята-

Навуковы кіраўнік – Людміла Міхайлаўна Садко, кандыдат філалалагічных навук, дацэнт, дацэнт кафедры беларускага і рускага літаратуразнаўства і журналістыкі Брэсцкага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А. С. Пушкіна

ючыся ў вершы аўтара бытавым і быццёвым кантэкстам, набывае статус феномена – шматаспектнага паняцця.

У канцы XX ст. цікавасць даследчыкаў да праблемы выдзялення і ідэнтыфікацыі матыву як самастойнай літаратурна-знаўчай катэгорыі ўзмацнілася. Актуальнасць вывучэння матыву і яго функцый у лірычным творы заключаецца ў тым, што семантычнае напаўненне матыву знаходзіцца ў цесным узаемадзеянні з сацыякультурнымі ўстаноўкамі пісьменніка, адлюстроўвае асаблівасці эстэтыкі і паэтыкі таго ці іншага перыяду развіцця літаратурнага працэсу. Выяўленне і аналіз матываў выразна эксплікуе нацыянальную карціну свету, дазваляе ў падрабязнасцях разгледзець індывідуальна-аўтарскія асаблівасці светапогляду пісьменніка.

Разуменне матыву як дыхатамічнага паняцця, дзе спалучаюцца і абагульненыя ўяўленні аб рэчаіснасці, і іх увасабленне ў канкрэтных мастацкіх сродках, абапіраецца на дактрыну акадэміка А. Вёсялоўскага, які лічыць, што матыў суадносіцца з архэтыпам, што гэта «формула, образна адвечваючая на первых порах грамадства на пытанні, якія прырода всюды ставіла чалавеку, або замацоўваючая асабліва яркія, казавшыяся важнымі або паўтараючыся ўспрыманыя рэальнасці» [3, с. 500].

Пры ўсёй разнастайнасці навуковых стратэгий застаецца нямала пытанняў, якія прадугледжваюць разгляд і вывучэнне функцый і ролі матыву ў мастацкім тэксце.

Мэта даследавання – выяўленне асаблівасцяў рэалізацыі матыву дома ў лірыцы В. Паліканінай са зборніка «Живое зерно» (2006).

Тэорыя матыву ў сучасным літаратурназнаўстве

Тэрмін «матыў» шырока выкарыстоўваецца не толькі ў літаратуры, але і ў іншых галінах, такіх як музыказнаўства, псіхалогія, мовазнаўства, крыміналістыка. Першапачаткова дадзенае паняцце сфарміравалася як спецыяльны музычны тэрмін, але цяпер выкарыстоўваецца і ў літаратурназнаўстве, дзе не толькі з'яўляецца ключавым кампанентам аналізу структуры мастацкага тэкста, але і дапамагае чытачу на эмацыйным і інтэлектуальным узроўнях

зразумець глыбінныя ідэі твора, яго паэтычную напоўненасць.

У свой час А. Вёсялоўскі ў працы «Поэтика сюжетов» (1913) паспрабаваў размежаваць паняцці «матыў» і «сюжэт». Пад матывам вучоны меў на ўвазе «простейшую повествовательную единицу, образно ответившую на разные запросы первобытного ума или бытового наблюдения» [3, с. 305]. Вучоны пісаў, што «при сходстве или единстве бытовых и психологических условий на первых стадиях человеческого развития такие мотивы могли создаваться самостоятельно и вместе с тем представлять сходные черты» [3, с. 305]. Пад сюжэтам жа ён разумеў «тему, в которой снуются разные положения – мотивы» [3, с. 305]. Матывы, такім чынам, адрозніваюцца прастатой і ўстойлівасцю; сюжэты – больш складаныя адзінкі, якія і вар'іруюцца, камбінуюцца, ўбіраючы ў сябе новыя матывы.

Вучоны Б. Гаспараў адзначае, што ў ролі матыву «может выступать любое смысловое пятно – событие, черта характера, элемент ландшафта, любой предмет, произнесенное слово, краска, звук; единственное, что определяет мотив, – это его репродукция в тексте» [4, с. 34]. Зыходзячы з гэтага, адны матывы больш відавочныя, бо пацвярджаюцца ў розных кропках тэкста, іншыя – семантычна больш слабыя, другародныя.

Пераклічка і ўзаемасчапленне матываў утвараюць сістэму сазлучаных суб'ектных сфер, незамакнутае семантычнае поле, якое робіць мастацкі твор адкрытым, шматаспектным дзякуючы ўзнікаючым асацыятыўным сувязям. Важна адзначыць, што матыў, развіваючыся, семантычна ўзбагачаючыся, валодае здольнасцю то сыходзіць у падтэкст, то выразна выяўляцца, выходзячы на першы план, фіксавацца ў знешнім ладзе мастацкага твора, рэалізуючыся на ўзроўні канкрэтнага вобраза.

Пад лірычным матывам мы разумеем кантэкстуальна абумоўленую, акцэнтаваную аўтарам структурную адзінку, сэнсавы элемент, слова-вобраз мастацкай семантыкі, паўтаральны і вар'яцкі кампанент твора (слова, словазлучэнне, назва твора, эпіграф, прысвячэнне, вядучая тэма, сімвал і г. д.). Напрыклад, літаратурназнаўца І. Фаменка адзначае, што «любимые слова поэта порождают излюбленные мотивы и обратно» [5, с. 96].

Лірычны матыў у максімальнай ступені валодае здольнасцю да мадыфікацыі і сэнсавай неадназначнасці, тэкст у такім выпадку «скреплен асоціатывно связанными лексемами, буквальное и метафорическое значение которых наслаивается друг на друга» [6, с. 21]. Матыў у лірыцы можа быць паспяхова выдзелены ў рамках кантэксту (цыкл вершаў, зборнік, збор твораў аўтара, сукупнасць тэкстаў нейкага мастацкага напрамку, плыні, эпохі літаратурнага развіцця. Больш складаным уяўляецца вылучэнне матываў у асобным вершы (асабліва мінімальным па аб'ёме) без уліку праяўленасці варыянта і інварыянта гэтага матыву ў іншых тэкстах аднаго ці некалькіх аўтараў.

Матывы і матыўныя комплексы ў вершах зборніка В. Паліканінай «Живое зерно»

Кніга «Живое зерно» (2006) ўключае ў сябе выбраныя вершы самабытнага рускамоўнага паэта Беларусі В. Паліканінай, якая малое мастацкую біяграфію чалавека, жанчыны, паднімае вечныя тэмы жыцця і кахання, слова і творчасці, сапраўдных і ілжывых каштоўнасцей. Разважаючы над гэтымі пытаннямі, паэтка шматразова звяртаецца да матыву дома, які наогул адносіцца да канцэптуальных і прадуктыўных матываў літаратуры і мастацтва, носіць комплексны міфагенны характар, можа быць суаднесены з паняццем вечных вобразаў культуры, што ўдзельнічаюць у фарміраванні як універсальнай, так і індывідуальнай карціны свету.

Ва ўспрыманні лірычнага героя вершаў В. Паліканінай са зборніка «Живое зерно» дом становіцца «покровительствующей силой» [7, с. 53].

Гарманічны свет дзяцінства намаляваны ў вершы В. Паліканінай «Еще задолго до моих стихов...». Выкарыстоўваючы жанравыя традыцыі ідыліі, аўтар малое дом бабулі і дзядулі – не проста месца, топас, а паўміфічны адушаўлены магільны арганізм, дзе ў коміна «горячая спина» [8, с. 8]:

*Мурлыкал кот, и горло драл петух,
Скрипели важно ходики по кругу.
И жил в углу иконописный дух,
А бабушка была ему подругой* [8, с. 8].

Спакой і манументальнасць, непарушнасць дома як захавальніка радавых традыцый падкрэсліваецца і выкарыстаннем ідэальнага хранатопу: тут прыбраная зіма, прыгожы двор вакол хаты, час малюецца не жорсткім перыядам выжывання, які мяжуе са смерцю, а часам летуценнасці, задуменнасці – якасцей, што дазваляе сабе дзіцяці ці дарослы, звыклых да дабрабыту:

*Цвела зима над бабушкиным домом,
Роняла пух с небесных потолков
И таяла, как леденец в ладони* [8, с. 8].

У вершы хата – носьбіт казачных, чароўных рыс, наўмысна падкрэсленых увагабленямі і метафарами: «цвела зима», «гудело слово ветра», «печной трубы горячая спина» [8, с. 8]. Дом для лірычнай гераіні – сакральнае месца, скарбніца духоўных каштоўнасцей («в углу иконописный дух» [8, с. 8]) і ўспамінаў пра бабулю з яе штовячэрнімі справамі («молитва каждый вечер» [8, с. 8]), а таксама пачатак усяго – зыходная кропка, з якой пачынаюцца і грахі, і вершы, і «первый звук проклюнувшейся речи» [8, с. 8].

Лірычная гераіня з акрэсленымі аўтабіяграфічнымі рысамі разумее дом свайго дзяцінства як галоўную крыніцу творчага натхнення.

Ціхамірнае дзяцінства ў вясковай хаце апісана В. Паліканінай і ў вершы-ўспаміне «Зима моего детства». Дом бабулі атачае атмасфера казкі і веселасці, і сам ён не пахіленая хата, а чароўны церам, які стаіць «по пояс в снегу» [7, с. 13].

Лірычнай гераіні дом і двор уяўляюцца чымсьці казачна-нерэальным: «бархатные ветки» з сініцамі, «морозная яркая небыль», «на крышах дымки-маяки» [8, с. 13]. Важна адзначыць, што дом у гэтым вершы не столькі выяўляе хранатоп, колькі адлюстроўвае настрой, думкі лірычнай гераіні, яе псіхалагічны стан.

Верш-ўспамін «Жизнь без сучка и без задоринки» прасякнуты ўспамінамі лірычнай гераіні пра жыццё ў горадзе з бацькамі. Дом тут сціплы, стаіць у «маленьких двориках, где жмутся лавочки к домам» [8, с. 12], аўтар, з аднаго боку, стварае ўніверсальны малюнак звычайных ўпарадкаваных дзён жыхара «детской страны», але з другога – з персаніфікаванымі падрабязнасцямі, адзначанымі з замілаваннем і любоўю:

*Тропинка, к школе побежавшая,
И недоеденный обед,
И встреча, счастье обещавшая,
Вдали от бед, вблизи от бед;
Любовь, от первых слез спасенная, –
Все это было-сплыло тут* [8, с. 12].

Верш дэманструе сталенне гераіні ў шчасным бацькоўскім доме: пасля шумных дзіцячых гульняў на «солнцем выбитом лужке» [8, с. 12] – школа з «законами арифметики», потым – першае каханне. Варта адзначыць, што матыў дома ў гэтым вершы атрымлівае распрацоўку ў інварыянце «маленький дворик, где жмутся лавочки к домам», пашыраецца, дом перастае быць лакальным месцам, становячыся цэлым сусветам, «территорией детства».

Матыў дома ў вершы рэпрэзентуецца таксама праз вобразы мамы, сонца і кахання, якія асацыятыўна звязаны з самымі становчымі пачуццямі ў жыцці чалавека. Для я-персанажа верша дом звязаны з духоўнай чысцінёй і безумоўным прыняццем, калі яшчэ не існуе «свайго» і «чужога» гора: «Когда соседская история тебе не кажется чужой» [8, с. 12]. Адзначым, што дом, намалёваны ў гэтым творы, існуе ўжо толькі ў цёплых успамінах, напоўненых горыччу шкадавання па «страчаным раі»:

*Ах, эти дворики снесенные
Теперь лишь в памяти живут* [8, с. 12],

што актуалізуе міжматыўныя ўзаемасувязі з матывам памяці.

Такое ж перапляценне матываў дома і памяці адзначаецца і ў спавядальным вершы В. Паліканінай «Мне помнится все, что случается...». Тут дом – гэта месца, якое нагадвае лірычнай гераіні пра першыя гісторыі яе кахання:

*Дорог задумчивый – с Грушевки – мальчик.
И тот – из российской глубинки,
Что стал женихом»* [8, с. 17].

Паэтка ў гэтым творы насычае матыў дома інварыянтамі «дом-радзіма», «дом-горад», ствараючы выявы двара з гуляючай дзятой і «серой лавчонкой» са старым, які сядзіць на ёй [8, с. 17], узнаўляючы мікра-раён Грушаўку, мілыя сэрцу ўтульныя мінскія бульвары. Пашыраючы ўрбаністычную прастору, узводзячы яе ў абсалют, паэтка вуснамі лірычнай гераіні прызнаецца:

*И люб этот город – атласный,
ажурный, лоскутный –
И родина – с тем островочком, что
детством зову* [8, с. 17].

Дзяцінства і юнацтва лірычнай гераіні – гэта толькі «островок», малая частка няпростага жыццёвага шляху, але гэта тое, за што варта трымацца, паколькі цёплыя ўспаміны пра дом і радзіму не толькі вяртаюць у бесклапотныя моманты дзяцінства, але і ўсяляюць надзею, што ўсё гэта паўтोरыва, вернецца:

*Мне помнится все, что случается,
Что возвратимо* [8, с. 17].

У вершы «Мне помнится все, что случается...» ідылічны гарадскі пейзаж, які ахінае родны шматпавярховік, толькі падкрэслівае цёплую афарбоўку ўспамінаў лірычнай гераіні. Матыў дома-радзімы і дома-горада непарыўна злучаны з вобразамі любові, святла, сонца і месяца:

Закаты, рассветы, оседлая невозмутимость

*Залюбленных лун, заблудившихся в
кронах деревьев* [8, с. 17].

У вершы-звароце «Мои песочные часы твоё отсчитывают время» матыў дома набывае семантыку абараняючай і аберагаючай сілы. Ёй супрацьпастаўлена «чужая» прастора, якая не ўваходзіць у межы хатняга і таму здаецца я-персанажу нечым інфернальным, небяспечным і незнаёмым, што апісваецца як «тьма», «бездонность мглы», «долина странствий». У гэтую дарогу, мяркуючы па ўсім, выпраўляецца самы дарагі для лірычнай гераіні чалавек – яе дзіця. У вершы матыў дома цесна звязаны з вобразамі дарогі/падарожжа і ўтварае з імі матыўны комплекс, дзе ўзаемасуадносяцца супрацьлегласці – хата і шлях. Утульная абжытая прастора мацярынскага дома супрацьпастаўлена неўладкаванасці дарогі і яе выпрабаванням. Сыход з хаты тут становіцца некаторым падабенствам ініцыяцыі, якую дзіцяці неабходна прайсці, каб пасталець і адужэць, што маці разумее, з гатоўнасцю ахвяруючы сваімі інтарэсамі і пачуццямі:

*Лишь только ты покинешь дом –
Я стану снегом, стану льдом,
Но только ты гори, как прежде* [8, с. 22].

У вершы «Мои песочные часы твоё отсчитывают время» прастора і час дома

выступаюць як малыя, нязначныя, але пры гэтым надзейныя і бяспечныя. Распрацоўваючы тут матыў дома, В. Паліканіна ўводзіць у мастацкі свет верша амбівалентны матыў дарогі/падарожжа, якія асацыіруюцца з бяздом'ем, вандроўніцтвам, вобразам «блуднага сына».

Заклучэнне

Дом, які намаляваны ў вершах зборніка «Живое зерно» В. Паліканінай, – гэта месца светлых дзіцячых успамінаў, ідэалізаваная, светлая і гасцінная прастора, звязаная з пачуццямі кахання, абароненасці, даверу. Варта адзначыць, што лексема «дом» і яе розныя формы паўтараюцца больш за 30 разоў, сустракаючыся ў 18 вершах. Матыў дома ў вершах зборніка звязаны з цёплымі ўспамінамі лірычнай гераіні

пра дзяцінства і юнацтва ў бацькоўскай гарадской («Жизнь без сучка и без задоринки», «Мне помнится все, что случается...») і дзедаўскай вясковай («Еще задолго до моих стихов...», «Зима моего детства») хатах і дэманструе глыбокія пачуцці падзякі, любові і абароненасці. Выкарыстанне прыёмаў дзённікавасці, спавядальнасці і элегічнага модусу суму па страчаным раі – дзяцінству цесна звязаным з увасабленнем матыву дома, таксама ляжаць у аснове мастацкага свету вершаў зборніка В. Паліканінай. Матыў дома праяўляецца ў шэрагу інварыянтаў (сям'і, памяці, любові, скарбніцы, вёскі, горада, радзімы), падкрэслівае духоўнасць і мудрасць лірычнай гераіні, яе непарыўную сувязь з каранямі.

СПІС ВЫКАРЫСТАНЫХ КРЫНІЦ

1. Гніламёдаў, У. В. Сучасная беларуская паэзія: творчая індывідуальнасць і літаратурны працэс / У. В. Гніламёдаў. – Мінск : Навука і тэхніка, 1983. – 304 с.
2. Калядка, С. У. Беларуская сучасная жаночая паэзія: мастацкія канцэпцыі «жаночага шчасця» / С. У. Калядка. – Мінск : Беларус. навука, 2010. – 163 с.
3. Веселовский, А. Н. Историческая поэтика / А. Н. Веселовский. – Л., 1940. – 596 с.
4. Гаспаров, Б. М. Литературные лейтмотивы. Очерки по русской литературе XX века / Б. М. Гаспаров. – М. : Вост. лит., 1993. – 304 с.
5. Фоменко, И. В. Лирический цикл: становление жанра, поэтика / И. В. Фоменко. – Тверь : ТГУ, 1992. – 123 с.
6. Полухина, В. П. Проза Иосифа Бродского. Продолжение поэзии другими средствами / В. П. Полухина // Поэтика Иосифа Бродского : сб. науч. тр. ; редкол.: В. П. Полухина [и др.]. – Тверь : Твер. гос. ун-т, 2003. – С. 9–27.
7. Башляр, Г. Земля и грезы о покое / Г. Башляр. – М. : Изд-во гуманитар. лит., 2001. – 320 с.
8. Поликанина, В. П. Живое зерно : избранная лирика / В. П. Поликанина. – Минск : Четыре четверти, 2006. – 200 с.

REFERENCES

1. Hnilamiodau, U. V. Suchasnaja bielaruskaja paezija: tvorchaja indyvidual'nasc' i litaraturny praces / U. V. Hnilamiodau. – Minsk : Navuka i tekhnika, 1983. – 304 s.
2. Kaliadka, S. U. Bielaruskaja suchasnaja zhanochaja paezija: mastackija koncepcyi «zhanochaha shchascia» / S. U. Kaliadka. – Minsk : Belarus. navuka, 2010. – 163 s.
3. Viesielovskij, A. N. Istorichieskaja poetika / A. N. Viesielovskij. – L., 1940. – 596 s.
4. Gasparov, B. M. Litieraturnyje liejtmotivy. Ochierki po russkoj litieraturie XX vieka / B. M. Gasparov. – M. : Vost. lit., 1993. – 304 s.
5. Fomienko, I. V. Lirichieskij cikl: stanovlienije zhanra, poetika / I. V. Fomienko. – Tvier' : TGU, 1992. – 123 s.
6. Polukhina, V. P. Proza Iosifa Brodskogo. Prodolzhenije poezii drugimi sriedstvami / V. P. Polukhina // Poetika Iosifa Brodskogo : sb. nauch. tr. ; redkol. : V. P. Polukhina [i dr.]. – Tvier' : Tvier. gos. un-t, 2003. – S. 9–27.
7. Bashliar, G. Ziemlia i griozy o pokoje / G. Bashliar. – M. : Izd-tvo gumanitar. lit., 2001. – 320 s.
8. Polikanina, V. P. Zhivoje zierno : izbrannaja lirika / V. P. Polikanina. – Minsk : Chietyrie chietvierti, 2006. – 200 s.

УДК 398(=161.3):[179.8+133.4]

DOI 10.63874/2218-029X-2025-1-74-81

Вольга Іванаўна Трубач

*магістр мастацтвазнаўства, аспірант 3-го года навучання
аддзела фалькларыстыкі і культуры славянскіх народаў
Цэнтра даследаванняў беларускай культуры, мовы і літаратуры
Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі*

Volha Trubach

*Master of Arts, Postgraduate student in the Department of Folklore and Culture of Slavic Peoples
of the Center for Research on Belarusian Culture, Language and Literature
of National Academy of Sciences of Belarus
e-mail: trubach-28@mail.ru*

ЗАЙЗДРАСЦЬ І «ЗАЙЗДРАШЧЫ» Ў ТРАДЫЦЫЙНАЙ КУЛЬТУРЫ БЕЛАРУСАЎ

Даследуецца зайздрасць як эмоцыя (эмацыянальны стан, пачуццё) чалавека і як мадэль сацыяльных паводзін у кантэксце традыцыйнага грамадства. Апісана народнае бачанне зайздрасці ў рэчышчы асобнага віду сурокаў – «зайздрашчы». Разгледжаны сітуацыі, у якіх найбольш часта ўзнікае зайздрасць, а таксама стратэгіі абароны ад зайздрасці. Абазначаны стратэгіі абыходжання з зайздрасцю ў вясковай супольнасці: рэфлексія або рэсантымент. Выяўлены дзеянні, якія дапамагаюць нейтралізаваць зайздрасць у выпадку, калі яе суб'ект не хоча аказаць шкоднага ўплыву на іншага. Апісаны ўплыў эмоцыі на суб'екта зайздрасці пры яго жыцці і пасля смерці. Абазначана лакалізацыя зайздрасці ў целе чалавека. Разгледжаны сітуацыі асэнсавання зайздрасці як пажаданай эмоцыі з боку сацыяльнага асяроддзя.

Ключавыя словы: *зайздрасць, сурокі, «зайздрашчы», «ліхое вока», рэфлексія, эмоцыя, рэсантымент, агрэсія.*

Envy and Evil Eye in the Traditional Culture of Belarusians

The article considers envy as a human emotion and as a model of social behavior in the context of traditional society. The folk idea of envy is described through a special kind of evil eye. Strategies for dealing with envy in a rural community are outlined: reflexion or resynthesis. Actions helping to neutralize envy in cases when its subject does not want to exert harmful influence on another are revealed. The situations in which envy most often arises are considered, as well as strategies of defense against envy. The influence of the emotion on the subject of envy during life and after death is described. The localization of envy in the human body is outlined. Situations of understanding envy as a desirable emotion on the part of social environment are considered.

Key words: *envy, evil eye, jealous, reflection, emotion, resentment, aggression.*

Уводзіны

На аснове беларарускіх фальклорных тэкстаў канца XIX – XX ст. у артыкуле разгледжана эмоцыя зайздрасці. Прама або ўскосна тэмай зайздрасці займаліся Г. Foster, Г. Шэк, Т. Касумаў, А. Байбурын, С. Адоньева і іншыя даследчыкі. Мэта артыкула – разгледзець эмоцыю зайздрасці ў комплексе традыцыйнага светапогляду беларусаў на прыкладзе фальклорных тэкстаў. У сувязі з гэтым былі пастаўлены наступныя задачы:

вывучыць прычыны з'яўлення зайздрасці, шляхі яе пераходу ў агрэсію, асобны від сурокаў, звязаны з разглядаемай эмоцыяй, стратэгіі абыходжання з зайздрасцю, дзеянні па нейтралізацыі эмоцыі, а таксама вызначэнне сітуацый, калі зайздрасць выступае ў якасці пажаданай эмоцыі.

Дадаткова ўвага была адведзена апісанню народных уяўленняў пра лакалізацыю зайздрасці ў целе чалавека, ўплыў эмоцыі на чалавека пасля яго смерці.

Асноўная частка

Зайздрасць – агульначалавечая эмоцыя. Сацыяльны антраполог Дж. Фостар назваў яе «першабытнай» [1, с. 166]. Зайздрасць мае відавочна разбуральны характар,

Навуковы кіраўнік – Таццяна Васільеўна Валодзіна, доктар філалагічных навук, прафесар, загадчык аддзела фалькларыстыкі і культуры і славянскіх народаў Цэнтра даследаванняў беларускай культуры, мовы і літаратуры Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі

таму ў кожным грамадстве распрацоўваліся культурныя стратэгіі, накіраваныя на абарону ад яе і змяншэнне негатыўных наступстваў.

Праз прызму традыцыйнага светапогляду вясковая супольнасць разумеецца як сістэма, што падтрымлівае сацыяльны гамеостаз: імкненне да стабільнасці і ўзнаўляльнасці ўнутры лакальнага соцыуму. Адапаведна, адступленне ад нормы праяўляецца праз эканамічныя і сацыяльныя адрозненні: валоданне большай маёмасцю, наяўнасць прыгожай жонкі, добры ўраджай, лад у сям’і і інш. Таму той, хто зайздросціць, «заўсёды знаходзіцца пад уплывам імкнення, часта несвядомага, зайздросціць усім, хто адхіляецца ад нормы» [2, с. 17]. Тэкст восеньскай песні расказвае пра зайздросць да жанчыны, якая мае здольнасці да працы, а адпаведна мае больш дабротаў: *«Талака, талака // Талачылася, // Таўкучы, мелючы, // Я змарылася. // Сеяла мучыцу – // Апылілася. // Вышла на вуліцу – // Скаланулася // Ды сваім суседкам // Наругнулася. // Роботка мая // Уся пыльная, // Маім суседзям // Ды й завідная»* [3, с. 372].

Дачка ўзгадвае пра сваіх бацькоў, якія вельмі добра ладзілі паміж сабой, што стала падставай для зайздросці з боку аднавяскоўцаў: *«Они всегда вместе: надо за травой, надо косить – они идут вместе. Они какие-то колхозные работы берут – значит, они вместе. С работы приходят и пошли вечером. Что-то по хозяйству делать – они всегда вместе. Почему у нас в деревни говорили: “Ой, Лёлька с Мишкой – это вот самая пара”. Это на столько хорошая семья... И поэтому всегда завидовали нам. Зависть была у людей... Зависть у людей такая, что: “А у меня в семье плохо, а у них так хорошо”»* [4: 2025.002_Minsk., Зап. Трубоч В. І. у 2025 г., Мінск, ад Надзеі Міхайлаўны Мурашкі, 1963 г. н.]. Істотна, што часцей за ўсё суб’ектамі зайздросці выступаюць людзі, якія тэрытарыяльна знаходзяцца блізка да таго, каму зайздросцяць.

Актуалізацыя зайздросці праз агрэсію

Доўгі час зайздросць можа знаходзіцца ў латэнтным стане, аднак пры пэўных абставінах яна пераходзіць у актыўную форму. Такі запуск адбываецца ў выніку механізму рэсантаменту (фр. *ressentiment* – памяць пра злое, азлабленне, прага да пом-

сты). Нямецкі філосаф і сацыёлаг М. Шэлер апісвае рэсантамент як «перажыванне зноў і зноў пэўнай эмацыянальнай рэакцыі ў адносінах да другога, у працэсе якога гэта эмацыя паступова паглыбляецца ў цэнтр асобы» [5, с. 10]. *«Пакуль буду помніць, пакуль пароша вочы не заплывець»* [6, с. 91], *«Завіднаму чужая бяда, як цукар»* [7, с. 263], – падсумоўваюць беларускія прыказкі.

Рэсантамент – механізм пераводу энергіі зайздросці ў актыўнае дзеянне. Менавіта злапамятнасць актуалізуе агрэсіўныя паводзіны суб’екта зайздросці (напрыклад, магічную шкоду). У адрозненне ад рэфлексіі, якая яшчэ захавала магчымасці для ўтрымання зайздросці ў межах «неагрэсіі», рэсантамент – гэта новае перажыванне мінулага адчування, дзякуючы якому яно ўзмацняецца, каб дзейнічаць агрэсіўна; у сваю чаргу, гэта запуская пераход ад перавагі жыццёвых маральных каштоўнасцей да ўстановак, што вядуць да разбурэння [8, с. 16, 7]. Перайшоўшы гэту мяжу, становіцца практычна немагчыма выкарыстоўваць энергію зайздросці ў мэтах самаразвіцця. Разглядаючы рэсантамент у фальклорнай плоскасці, варта ўзгадаць словы беларускай прыпеўкі: *«Я сваю саперніцу // Аднясу на мельніцу. // Брошу в камень галавой, // Астанеца мілы мой»* [9]. Яна яскрава ілюструе ўздзеянне рэсантаменту на чалавека, якога перапаўняе зайздросць. (Пра рэўнасць складана сцвярджаць, таму што статусы дзвюх дзяўчын у прыпеўцы не пазначаныя. Звычайна раўнуюць таго, з якім ёсць нейкія дамоўленасці ў выглядзе адносінаў або шлюбу).

Механізм рэсантаменту спрацоўвае і ў чарадзейных казках, калі сястра зайздросціць наяўнасці дзяцей у другой сястры. Эмацыя выліваецца ў забойства пляменніка: *«А была пры ёй сястра на той час, так яна, завідуючы ёй, узяла палажыла голуба (у люльку – В. Т.), а дзіця панясла ў кусты да й закапала»* (казка «Барабанчыкі-Панічыкі») [10, с. 323]. Фальклорныя прыклады паказваюць, як зайздросць праз рэсантамент змяняе пасіўную форму зайздросці на актыўную, разбуральную агрэсію.

«Зайзрашчы»

Негатыўны сцэнарый разгортвання эмацыі зайздросці запуская механізм, які ў народзе называецца «зайзрашчы»: *«Ва імя*

Айца і Сына і Святога Духа, Матка Боска Жыровіцкая і ўсе святыя наша Мізгоруўская. Грудкова, Вілейская цэркаві, станьце як удзень, так і ўночы. Зніміце хваробу з сініх ачэй, з сініх жыл, з белаго цела, з чырвонае крыві, зніміце ўдар, зніміце зайздрашчы і станьця ў помашчы. І ўсё, і Отча наш» [4: 2019.003_Pruzany. Зап. Валодзінай Т. В. у 2019 г., в. Клепачы, Пружанскі р-н, ад Галіны Мікалаеўны Паляшук, 1936 г. н., Марыі Мікалаеўны Каско, 1933 г. н.]. Гэты механізм прадугледжвае пагаршэнне псіхалагічнага і фізічнага стану чалавека. «Зайздрашчы» з'яўляюцца адным з відаў сурокаў. Пры гэтым адрозніваюць наўмысныя і ненаўмысныя сурокі. Гэта адрозненне заснавана на фіксацыі зайздросніка на сваіх адмоўных эмоцыях адносна аб'екта зайздрасці. Істотна, што зайздросцяць людзям з бліжэйшага сацыяльнага асяроддзя, з якім чалавек падзяляе паўсядзённасць і мае статускі. Прадметам зайздрасці можа станаўцца характарыстыка, якую зайздроснік усведамляе як каштоўнасць, але ён не валодае ёю або валодае ў недастатковай ступені.

Адрозненне ад нормы запускае механізм трансгрэсіі: іншымі словамі, чалавек, які нечым адрозніваецца, для завідлівага парушэння правілы сацыяльнага кансэнсусу, перайшоў межы дазволенага [11, с. 18]. Гэта, у сваю чаргу, патрабуе ўрэгулявання сітуацыі магільнымі сродкамі.

«Ліхое» вока

У народных уяўленнях існуе меркаванне, што такія ўніверсальныя каштоўнасці, як здароўе, юнацтва, дзеці патрабуюць дадатковай абароны ад благога (*ліхога, злога, зайздроснага вока*). «Шырока распаўсюджаная вера ў негатыўную сілу *дурнога вока* грунтавалася на ўяўленнях аб чалавечым (звярыным) поглядзе як спецыфічнай форме матэрыяльнага кантакту» [12, с. 496]. «Нядобразычлівае ўздзеянне іншага чалавека, выражанае праз погляд, думкі, зайздрасць, ва ўяўленнях вясцоўцаў, прыводзіла да рэзкага пагаршэння стану і нават сур'ёзных захворванняў, у выніку чаго чалавек па традыцыі звяртаецца да замоўнай практыкі» [13, с. 590]. У Глыбоцкім раёне ўзгадваюць: «Я гуляла свадзьбу сваёй дваюраднай сястры. І вот першы дзень, як яны вянчаліся ў Задарожжы ў касцелі, мне нічога. А на заў-

тра, ужо я надзелася і будзім ужо садзіцца за сталом. І мяне зразу злажыла. Толькі селі за стол, яшчэ і румкі ніхто не падняў, і мне плоха і плоха, і я збялела. Мяне вывялі із-за стала. Ну, бабуля мая ўмела ваду гаварыць. І я, мусіць, часы тры адлежыла. Яна мне дала, змывала і піць мне дала. І тады мне гэта ўсё прайшло. А каб не было бабулі, можа б мне і ўсё было. Можа б я і памёрла... ну, хто яго ведае ад чаго. Нехта паглядзеў, нешта падумаў. Можа вока нейкае ў чалавека» [4: 2025.005_Hlybokaje. Зап. Трубач В. І. у 2025 г., Глыбоцкі р-н, ад Чаславы Герасімаўны Браткевіч, 1941 г. н. (в. Шчаўкуны) і Францішкі Францаўны Гарнастай 1940, г. н. (в. Багушэвічы)].

«Няма горай, як завісныя вочы», «Завіснае (паганае) вока нічым не наталіш», «Завіднае вока бачыць далёка», – сцвярджаюць беларускія прыказкі [7, с. 263]. Самымі папулярнымі лекавымі замовамі з'яўляюцца замовы супраць «ліхога вока» ад сурокаў. Яны адлюстроўваюць саматычную лакалізацыю зайздрасці ў целе чалавека – вочы: «Святы апостал-храніцель, сахрани раба божяга ад напасніка, ад навушніка, ад чарадзейніка, ад паганых рачэй, ад завісных вачэй, каторыя на мяне нацекаюць і людзей з'ядаюць і вачмі, і гаворкамі, і мыслямі» [14, с. 18]. Замовы канкрэтызуюць знешнія характарыстыкі зайздроснага вока, прынамсі колер: «Угаварываю, выбіраю ўрокі, прыгаворы дзявоцкія, хлопоцкія, разных вачэй: вока чорнага, вока серага, вока карага, вока сіняга» [14, с. 258].

У тэкстах замоў сустракаецца словазлучэнне «завісны і радасны»: «Ад галоснага і ад злоснага, ад завіснага і ад радаснага, ад вадзянага і сухавейнага... загаварую я ўроцы і прароцы, стрэшныя і папярэшныя, завісныя і радасныя, жанокія і дзявоцкія і дзяцюцкія» [14, с. 223, 227]. Верагодна, гэта звязана з тым, што сурочыць маглі не толькі праз негатыўную эмоцыю злосці або зайздрасці, але і ў выпадку фіксацыі на пэўных знешніх або ўнутраных характарыстыках аб'екта пільнай увагі: «Чалавеку наўрок стаў, бывае так, што слова чалавек скажа, дажа ты красівая, і табе яно паўрадзіць. Ні пазавідаваць не нада, ні пасьмяяцца» [4: Ф. 23. Воп. 11. Спр. 9. Зап. Валодзіна Т. у 2011 г., в. Андрэеўка Дабрушскі р-н ад Марыі Пятроўны Балмаковай, 1937 г. н.].

Ч. Пяткевіч у даследаванні Рэчыцкага Палесся апісвае ўрокі (прыстрэк з падзіву): *«Немаўля можна сурочыць не толькі па злему намеру, але і з падзіўлення яго здароўя, пекнаты, характару і інш., а таксама пахваляй, калі той, хто дзівіцца, не засце-ражэ сябе ў гэты момант формулай: не ўрокам кажучы»* [15, с. 30].

Сітуацыі ацэнкі істотных для сябе з'яў і прадметаў, якія маюць дачыненне да іншага чалавека, часта звязана з патаемнай зайздасцю. Т. Валодзіна сцвярджае, што *«на поўдні Міншчыны старанна размяжоўваюць ненаўмыслныя сурокі і свядомую псоту, называючы кожны від немачы асобным найменнем»* [13, с. 590].

Зайздасць і рэфлексія

Звернем увагу на той факт, што беларускія фальклорныя тэксты, у прыватнасці сямейна-бытавыя песні, апісваюць не толькі перажыванні страху перад зайздасцю, а наадварот, імкненне вызваць яе: *«Кацілася журавінка к татку ў госці, мая рыбінка. // Ні піць, есці мне не хочацца, // З родным таткам пасядзець хочацца. // Сядзім, сядзім мы, бяседуюм – // Хай нам людзі паза-відуюць, // Што мы з родных харашэнька жывём. // Як сойдземся – павітаемся, // Расходзімся – папрашчаемся, // Пра здаро-вейка папытаемся»* [16, с. 315]. Людзі зайздросцяць маладой сям'і, у якой бытуе лад, пазітыўныя зносіны паміж бацькам і дачкой, якая нядаўна стала маладой жонкай. Зайздасць з боку чужых людзей становіцца жаданай, калі яна разглядаецца як маркер добрага жыцця, да якога імкнуцца іншыя члены вясковай супольнасці. Т. Касумаў слухна зазначае: *«Атрымоўваецца, зайздасць і поспех звязаныя паміж сабой... а ўсё таму, што сапраўднаму поспеху патрэбна ў тым ліку і малая частка зайздасці, без яе і поспех не поспех»* [8, с. 20].

Выслоўі і прыказкі падмацоўваюць існаванне ў народзе імкнення адчуваць у адносінах да сябе зайздасць. Наступныя зычэнні канкрэтызуюць дадзенае жаданне: *«Дай, божа, каб людзі завідавалі»* [17, с. 183], *«Людзям на завісць, а нам на карысць»* [17, с. 163], *«Вінішум на гладкасць, на буйнасць, // Паненкам на зайздасць»* [18, с. 371]. Звернем увагу, што апошняе велікоднае віншаванне ўказвае на гендарны аспект зай-

здасці, называючы ў ролі суб'ектаў разглядаемай эмоцыі жанчын.

Такім чынам, падобныя прыклады сведчаць аб пераходзе ў мысленні чалавека традыцыі: ад дамінанты адпавядання норме да прызнання перавагі асабістага поспеху ў рамках лакальнага соцыуму. У сваю чаргу, апошняе дазваляе заваяваць уладу ў супольнасці, паколькі зайздасць з'яўляецца адным з важных элементаў у гэтым працэсе.

Калі суб'ект зайздасці звяртаецца да трэцяй асобы (знахара), то ён не вырашае праблемы самастойна і тым самым значна мінімізуе зварот да ўласнай рэфлексіі (лац. *reflexio* – зварот назад). У такім выпадку чалавек традыцыйнага ладу жыцця прыбгае да магіі. Калі чалавек спрабуе рэфлексаваць, ён перамагае зайздасць у самім сабе, выкарыстоўваючы, напрыклад, рэлігійныя перакананні: *«Штобы Рай заслужыць, нада быць очэнь чэсным, очэнь справядлівым, ні завідаваць нікому. Но эта ж чалавек – дажа есці шчытаць бацюшкаў, ксянзоў, і то яны не заслужаць, пэўна, ня тока што мы, грэшныя»*, – расказваюць на Мядзельшчыне [13, с. 569]. *«Дзетка, не завідуй ні на кога, Бог будзець адной крошачкай пітаці»* [4: Ф. 8. Воп. 89. Спр. 124. Зап. Валодзінай Т. В., Боганевай А. М. у 2019 г., в. Лямніца, Бялыніцкі р-н, ад Феадосіі Нікіфараўны Нікіцінай, 1932 г. н.], *«У нашага Санькі харошая жонка, // Бог яму даў, не завідаіця, братцы паноўя, дасьць Бог і вам! // Па двару ходзя, ключыкінося, // Ключыкінося, скрынь атмыкая, // Скрынь атмыкая, грошы вымая, // Скрынь атмыкая, людзей частуя»* [4: Ф. 20. Воп. 77. Спр. 36. Зап. Кабашнікаў К. П. і Крук І. І., в. Азярышча, Рагачоўскі р-н, ад Аляксандры Платонаўны Кавалёвай, 1907 г. н., Матруны Іванаўны Вяльковай, 1908 г. н., Насты Панцеляймоўны Шутавай, 1910 г. н., Ганны Сямёнаўны Сазонавай, 1923 г. н.] або прыказкі: *«Завісць не пойдзе ў карысць»* [7, с. 264]. Маладая дзяўчына на выданні заахвочвае сваіх сябровак не зайздросціць, бо хутка і яны пойдучь замуж, пакінуўшы родную сям'ю: *«І пахілілася каліна, // Пахілілася на Дунай // І лісцем беражкі пакрыла, // Карэннем ваду змуціла. // І пакарыстая Анютка // Пакарылася таткульку. // І слёзкамі ножкі абліла, // Шоўкам касіцу апляла. // – Ах вы, дзевачкі, вы ўсе мае, // Не завіды-*

вайце вы мне, // Бо і вы гэтага дажджэце, // Шоўкам касіцу спляцеце» [3, с. 185].

Тым самым чалавек імкнецца рэдукаваць зайздасць і дазволіць звычайнаму жыццю працягвацца з мінімальным узроўнем канфліктнасці. У ідэальным варыянце былы зайздроснік пачынае займацца асабістым жыццём, рэфлексаваць і накіроўваць сваю энергію на рэалістычныя і дасяжныя мэты [2, с. 20]. У сваю чаргу, гэта спрыяе зменам у асабістых паводзінах і жыцці чалавека.

Абарона ад зайздасці і яе ўплыў на суб'екта

У выпадку калі чалавек выказваў захапленне іншым чалавекам або прадметам і ўсведамляў патэнцыйную небяспеку зайздасці ў сваім выказванні, то ён дадаваў: *«Не ўрокам кажучы»* [4: Ф. 9. Воп. 2. Спр. 21. Сборник белорусских пословиц и поговорок (рукопись). Составитель: Сержпутовский А. К., с. 75].

Калі зайздасць становілася відавочнай, то аб'ект зайздасці, той, каму зайздросцілі, выкарыстоўваў слоўныя формулы-абярэгі ад яе: *«Няхай табе крук вочы выесць»*, *«Соль табе ў вочы, малань у зубы, громам па жывату, траскучае палена ў калена!»* [17, с. 231, 235].

Як бачна, ступень эмацыянальнасці моўных формул знаходзіцца ў дыяпазоне ад нейтральных выказванняў да адкрытай агрэсіі ў форме праклёнаў.

Асобнага разгляду патрабуе факт уздзеяння эмоцыі на суб'екта зайздасці. У такой сітуацыі чалавек не скіроўвае яе вонкі, а пакідае ўнутры сябе. Гэта мае адмоўнае ўздзеянне на цела чалавека: запускаецца сцэнарый самаразбурэння. Так, у беларускай прымаўцы ідзе гаворка пра негатыўнае саматычнае ўздзеянне на арганізм чалавека, які зайздросціць: *«Завідкі з сярэдзіны чалавека з'ядаюць»* [7, с. 264].

У сваю чаргу, перажыванне чалавекам зайздасці можна разгледзець праз прызму архаічных перакананняў, згодна з якімі любое хваравітае адхіленне ад нормы ўвасабляецца ў пэўных хтанічных арганізмах. У народнамедыцынскім комплексе Т. Валодзіна выяўляе вераванні ў наяўнасць асобнай існасці, што жыве ў целе і пры пэўных разбуральных перажываннях і хваробах актывізуецца і ўздзейнічае на паво-

дзіны чалавека. Такія вераванні абавіраюцца на назіранні за рэальнымі паразітамі, якія жывуць у целе чалавека, і на ўяўленні пра дэманічных істот, што выклікаюць хваробы. Ва ўяўленнях беларусаў зламаныя намеры чараўніц ўвасабляліся ва ўнутраным хваробатворным чарвяку [19, с. 191].

Такім чынам, праз прызму міфалагем магчыма заўважыць саматычнае ўвасабленне зайздасці ў арганізме чалавека, якое характарызуецца працяглай хваробай.

Знаходжанне чалавека ў лімінальных станах звязалася з пільнай увагай з боку соцыуму. Нараджэнне дзіцяці, шлюб маглі правакаваць зайздасць з боку аднавяскоўцаў. Маладыя на вяселлі практычна ўвесь час знаходзяцца навідавоку. Не заўсёды такая ўвага суправаджаецца станоўчымі эмоцыямі. *«Паўсюдна лічыцца, што ў гэта бесчасоўе жаніх і нявеста найбольш уразлівыя (неабароненыя). Існаванне такіх уяўленняў цалкам натуральна, паколькі маладыя пазбаўлены ўсіх тых атрыбутаў нармальнага чалавека, якія забяспечваюць яго сацыяльную абароненасць»* [20, с. 66, 76].

Радзільная абраднасць уключае ў сябе комплекс народных вераванняў, якія прадугледжваюць пэўны рэгламент у дзеяннях цяжарнай жанчыны, каб пазбегнуць нараджэння зайздроснага дзіцяці. У вёсцы Моталь Іванаўскага раёна цяжарнай забаранялася есці на хаду: *«Нельга тоўстай ідуць есці, бо дзіця будзе завідным»* [21, с. 60]. У Старадарожскім раёне апісваюць сувязь зайздасці ў дзіцяці з неабачлівымі дзеяннямі маці: *«Не павідуў (не пазавідуў. – В. Т.), што бачыш, нічаво не хаці, а то дзіця такое жаднае будзе»* [21, с. 166]. Аб тым жа паведамляе інфармантка з Бялыніцкага раёна: *«Ці чалавек есь, а бярэменная глядзіць і жаднічае, завідае, эта нельга, пражорлівы будзя дзіцёнак»* [4: 2019.009_Bialynicy. Зап. Валодзінай Т. В. у 2019 г., в. Лубяны Бялыніцкі р-н, ад Валянціны Ягораўны Платонавай, 1950 г. н., Ніны Яўгенаўны Аршаўскай, 1945 г. н.]. Гэта яшчэ раз падкрэслівае перадачу паводзін маці дзіцем.

Смерць і зайздасць: пячатка зайздасці

Хоць у прыказцы і сцвярджаецца, што *«Пакуль вочы не засыплюць пяском, да туль завістліў чалавек»* [7, с. 264], паводле народных уяўленняў, зайздасць не пера-

пынялася са смерцю. Падчас пахавання зайздроснага чалавека маглі ўзнікаць пэўныя цяжкасці. Паказальна, што пасля пахавання з магілай зайздроснага чалавека здараюцца пэўныя метамарфозы: «У зайздросніка магільны насып абвальваецца ніжэй за бакі, прычым у розных месцах відаць вялікія і маленькія норкі. Каб спыніць зайздросніка, трэба насыпаць у кожную норку трошкі маку. Натрапіўшы каля выхаду на мак, ён зоймецца зборам зярнятаў і забудзецца на людзей» [22, с. 291].

Верагодна, у традыцыйных уяўленнях беларусаў зайздросны чалавек меў асабліваю маркіраванасць у вясковым асяроддзі. Пачуццё зайздрасці, якое перажываў чалавек, становілася асноўнай характарыстыкай такой асобы. На ўзроўні псіхалагічнай парадыгмы гэта тлумачыцца ўкараненнем зайздрасці як часткі *его*. «У гэтым выпадку зайздрасць становіцца агульнай рэакцыяй індывіда на сваё асяроддзе» [8, с. 11].

Заклучэнне

Упершыню ў беларускай фалькларыстыцы асобнае даследаванне прысвечана перажыванню зайздрасці. Зайздрасць – эмоцыя (эмацыянальны стан, пачуццё), характэрная для любога грамадства. Чалавек традыцыйнага светапогляду мог па-рознаму спраўляцца з ёй. Спрабаваць яе кантраляваць, абалпіраючыся на ўласную рэфлексію, і тады зайздрасць арганічна сумяшчалася з пачуццём радасці, гонару за другога, выступала ў

якасці стымулу для ўласнага змянення. Або перажываць рэсантамент і становіцца ў залежнасць ад эмоцыі: зайздроснік пачынаў увасабляць яе ў шкодных словах, дзеяннях, тым самым праяўляць агрэсію. У беларускай традыцыі гэта адпавядае паняццю «зайзрашчы» – адзін з відаў сурокаў, здзейсненых пад уплывам зайздроснага. У сітуацыі, калі зайздрасць не мела ніякай праявы і заставалася ўнутры чалавека, гэта правакавала дэструктыўныя наступствы ў яго арганізме. Месцам лакалізацыі зайздрасці ў целе чалавека беларуская традыцыя абірае вочы з адпаведнымі эпітэтамі (ліхія, благія, злыя). Знаходжанне чалавека ў лімінальных станах (нараджэнне, вяселле) у патэнцыі можа выклікаць зайздрасць, што прадугледжвае выкананне пэўных канвенцый з мэтай абароны ад яе. Лічылася, што слоўныя формулы-абярэгі могуць выканаць гэту функцыю. У беларускай вясковай супольнасці ідэнтыфікацыя чалавека як зайздроснага пераўтваралася ў асноўнае найменне яго асобы. Нават пасля смерці члены супольнасці згадвалі чалавека менавіта праз прызму гэтай эмоцыі. У той жа час у беларускім традыцыйным светабачанні былі выяўлены сітуацыі, калі зайздрасць ставілася пажаданай эмоцыяй і, адпаведна, для таго, каму зайздросцілі, яна выступала ў якасці маркера паспяховага жыцця, а таксама спрыяла заваяванню аўтарытэта ў вясковай супольнасці.

СПІС ВЫКАРЫСТАНЫХ КРЫНІЦ

1. Foster, G. M. The Anatomy of Envy: A Study in Symbolic Behavior / G. M. Foster // Current Anthropology. – 1972. – Vol. 13, nr 2. – P. 165–202.
2. Шэк, Г. Зависть: теория социального поведения / Г. Шэк. – М. : ИРИСЭН, 2008. – 544 с.
3. Восеньскія і талочныя песні / НАН Беларусі, Ін-т мастацтвазнаўства, этнаграфіі і фальклору імя Кандрата Крапівы ; склад., сістэм. тэкстаў, уступ. арт. і камент. А. С. Ліс ; уклад. і камент. талоч. песень С. Т. Асташэвіч ; муз. частка В. І. Ялатаў ; рэд. А. С. Фядосік. – Мінск : Навука і тэхніка, 1981. – 679 с.
4. Архіў Інстытута мастацтвазнаўства, этнаграфіі і фальклору Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі.
5. Шелер, М. Ресентимент в структуре моралей / М. Шелер. – СПб. : Наука : Университет. кн., 1999. – 231 с.
6. Прыказкі і прымаўкі : у 2 кн. / НАН Беларусі, Ін-т мастацтвазнаўства, этнаграфіі і фальклору імя Кандрата Крапівы ; склад., сістэм. тэкстаў, уступ. арт. і камент. М. Я. Грынблат ; рэд. А. С. Фядосік. – Мінск : Навука і тэхніка, 1976. – Кн. 1. – 560 с.
7. Прыказкі і прымаўкі : у 2 кн. / НАН Беларусі, Ін-т мастацтвазнаўства, этнаграфіі і фальклору імя Кандрата Крапівы ; склад., сістэм. тэкстаў, уступ. арт. і камент. М. Я. Грынблат ; рэд. А. С. Фядосік. – Мінск : Навука і тэхніка, 1976. – Кн. 2. – 616 с.

8. Касумов, Т. К. Зависть на пути к агрессии / Т. К. Касумов // Вестник МГОУ. Серия «Общественно-политические и гуманитарные науки». – 2012. – № 3 (9). – С. 5–22.
9. Беларускі фальклор. Пазаабрадавая паэзія: прыпеўкі // Электронная бібліятэка БДУ, Эталонны фалькларыстычны мультымедычны банк. – URL: <https://elib.bsu.by/handle/123456789/137582> (дата звароту: 21.02.2025).
10. Чарадзеіныя казкі : у 2 ч. / НАН Беларусі, Ін-т мастацтвазнаўства, этнаграфіі і фальклору імя Кандрата Крапівы ; склад. К. П. Кабашнікаў, Г. А. Барташэвіч ; рэд. тома В. К. Бандарчык. – 2-е выд., выпр. і дапрац. – Мінск : Беларус. навука, 2003. – Ч. 2. – 691 с.
11. Олсон, Л. Миры русской деревенской женщины: традиция, трансгрессия, компромисс / Л. Олсон, С. Адоньева. – М. : НЛЮ, 2016. – 440 с.
12. Лобач, У. Суроки / У. Лобач // Беларуская міфалогія : энцыкл. слоўн. / С. Санько, Т. Валодзіна, У. Васілевіч [і інш.]. – Мінск : Беларусь, 2004. – 592 с.
13. Традиційная мастацкая культура беларусаў : у 6 т. / В. І. Басько [і інш.] ; ідэя і агул. рэд. Т. Б. Варфаламеевай. – Мінск : Выш. шк., 2010. – Т. 5 : Цэнтральная Беларусь : у 2 кн. – Кн. 1. – 847 с.
14. Замовы / НАН Беларусі, Ін-т мастацтвазнаўства, этнаграфіі і фальклору імя Кандрата Крапівы ; уклад., сістэм. тэкстаў, уступ. арт. і камент. Г. А. Барташэвіч ; рэдкал.: А. С. Фядосік [і інш.]. – 2-е выд. – Мінск : Беларус. навука, 2000. – 597 с.
15. Пяткевіч, Ч. Рэчыцкае Палессе / Ч. Пяткевіч ; уклад., прадм. У. Васілевіча ; пер. з пол. Л. Салавей, У. Васілевіча. – Мінск : Беларус. кнігазбор, 2004. – 672 с.
16. Сямейна-бытавыя песні / НАН Беларусі, Ін-т мастацтвазнаўства, этнаграфіі і фальклору імя Кандрата Крапівы ; склад. І. К. Цішчанка ; склад. муз. часткі Г. В. Таўлай ; рэд. тома А. С. Фядосік. – Мінск : Навука і тэхніка, 1984. – 752 с.
17. Выслоўі / НАН Беларусі, Ін-т мастацтвазнаўства, этнаграфіі і фальклору імя Кандрата Крапівы ; склад., сістэм. тэкстаў, уступ. арт. і камент. М. Я. Грынבלата ; рэд. тома А. С. Фядосік. – Мінск : Навука і тэхніка, 1979. – 520 с.
18. Валачобныя песні / НАН Беларусі, Ін-т мастацтвазнаўства, этнаграфіі і фальклору імя Кандрата Крапівы ; склад. Г. А. Барташэвіч, Л. М. Салавей ; склад. муз. часткі В. І. Ялатаў ; рэд. тома К. П. Кабашнікаў. – Мінск : Навука і тэхніка, 1980. – 560 с.
19. Валодзіна, Т. Цела чалавека: слова, міф, рытуал / Т. Валодзіна. – Мінск : Тэхналогія, 2009. – 431 с.
20. Байбурин, А. К. Ритуал в традиционной культуре. Структурно-семантический анализ восточнославянских обрядов / А. К. Байбурин. – СПб. : Наука, 1993. – 240 с.
21. Традиційная мастацкая культура беларусаў : у 6 т. / В. І. Басько [і інш.] ; ідэя і агул. рэдагаванне Т. Б. Варфаламеевай. – Т. 4 : Брэсцкае Палессе : у 2 кн. – Мінск : Выш. шк., 2008. – Кн. 1. – 559 с.
22. Никифоровский, Н. Я. Простонародные приметы и поверья, суеверные обряды и обычаи, легендарные сказания о лицах и местах / Н. Я. Никифоровский. – Витебск : Губерн. тип., 1897. – 179 с.

REFERENCES

1. Foster, G. M. The Anatomy of Envy: A Study in Symbolic Behavior / G. M. Foster // Current Anthropology. – 1972. – Vol. 13, nr 2. – P. 165–202.
2. Shek, G. Zavist': teoriya social'nogo poviedienija / G. Shek. – M. : IRISEN. – 2008. – 544 s.
3. Vosien'skija i talochnyja piesni / NAN Bielarusi, In-t mastactvaznaustva, etnahrafii i fal'kloru imia Kandrata Krapivy ; sklad., sistem. tekstau, ustup. art. i kamient. A. S. Lis ; uklad. i kamient. taloch. piesien' S. T. Astashevich ; muz. chastka V. I. Jalatau ; red. A. S. Fiadosik. – Minsk : Navuka i tekhnika, 1981. – 679 s.
4. Arkhiu Instytutu mastactvaznaustva, etnahrafii i fal'kloru Nacyjanal'naj akademii navuk Bielarusi.
5. Shelier, M. Riessentiment v strukturie moraliej / M. Shelier. – SPb. : Nauka, Univiersitiet. kn., 1999. – 231 s.
6. Prykazki i prymauki : u 2 kn. / NAN Bielarusi, In-t mastactvaznaustva, etnahrafii i fal'kloru

imia Kandrata Krapivy ; sklad., sistem. tekstau, ustup. art. i kamient. M. Ja. Hrynblat ; red. A. S. Fiadosik. – Minsk : Navuka i tekhnika, 1976. – Kn. 1. – 560 s.

7. Prykazki i prymauki : u 2 kn. / NAN Bielarusi, In-t mastactvaznaustva, etnagrafii i fal'kloru imia Kandrata Krapivy ; sklad., sistem. tekstau, ustup. art. i kamient. M. Ja. Hrynblat ; red. A. S. Fiadosik. – Minsk : Navuka i tekhnika, 1976. – Kn. 2. – 616 s.

8. Kasumov, T. K. Zavist' na puti k agriessii / T. K. Kasumov // Viestnik MGOU. Serija «Obshchiestvienno-politichieskije i humanitarnyje nauki». – 2012. – № 3 (9). – S. 5–22.

9. Bielaruski fal'klor. Pazaabradavaja paezija: prypieuki // Eliektronnaja biblijateka BDU, Etalonny fal'klarystychny mul'tymiedyjny bank. – URL: <https://elib.bsu.by/handle/123456789/137582> (data zvarotu: 21.02.2025).

10. Charadziejnyja kazki : u 2 ch. / NAN Bielarusi, In-t mastactvaznaustva, etnagrafii i fal'kloru imia Kandrata Krapivy ; sklad. K. P. Kabashnikau, H. A. Bartashevich ; red. toma V. K. Bandarchyk. – 2-je vyd., vypr. i daprac. – Minsk : Belarus. navuka, 2003. – Ch. 2. – 691 s.

11. Olson, L. Miry russkoj dierievienskoj zhenshchiny: tradicyja, transgriessija, kompromiss / L. Olson, S. Adon'jeva. – M. : NLO, 2016. – 440 s.

12. Lobach, U. Suroki / U. Lobach // Bielaruskaja mifalohija : encykl. sloun. / S. San'ko, T. Valodzina, U. Vasilievich [i insh.]. – Minsk : Bielarus', 2004. – 592 s.

13. Tradycynajna mastackaja kul'tura bielarusau : u 6 t. / V. I. Bas'ko [i insh.] ; ideja i ahul. red. T. B. Varfalamiejevaj. – Minsk : Vysh. shk., 2010. – T. 5 : Central'naja Bielarus' : u 2 kn. – Kn. 1. – 847 s.

14. Zamovy / NAN Bielarusi, In-t mastactvaznaustva, etnagrafii i fal'kloru imia Kandrata Krapivy ; układ., sistem. tekstau, ustup. art. i kamient. H. A. Bartashevich ; redkal.: A. S. Fiadosik [i insh.]. – 2-je vyd. – Minsk : Belarus. navuka, 2000. – 597 s.

15. Piatkievich, Ch. Rechychkaje Paliessie / Ch. Piatkievich ; układ., pradm. U. Vasilievicha ; pier. z pol. L. Salaviej, U. Vasilievicha. – Minsk : Belarus. knihazbor, 2004. – 672 s.

16. Siamiejna-bytavyja piesni / NAN Bielarusi, In-t mastactvaznaustva, etnagrafii i fal'kloru imia Kandrata Krapivy ; sklad. I. K. Cishchanka ; sklad. muz. chastki H. V. Taulaj ; red. toma A. S. Fiadosik. – Minsk : Navuka i tekhnika, 1984. – 752 s.

17. Vysloui / NAN Bielarusi, In-t mastactvaznaustva, etnagrafii i fal'kloru imia Kandrata Krapivy ; sklad., sistem. tekstau, ustup. art. i kamient. M. Ja. Hrynblata ; red. toma A. S. Fiadosik. – Minsk : Navuka i tekhnika, 1979. – 520 s.

18. Valachobnyja piesni / NAN Bielarusi, In-t mastactvaznaustva, etnagrafii i fal'kloru imia Kandrata Krapivy ; sklad. H. A. Bartashevich, L. M. Salaviej ; sklad. muz. chastki V. I. Jalatau ; red. toma K. P. Kabashnikau. – Minsk : Navuka i tekhnika, 1980. – 560 s.

19. Valodzina, T. Ciela chalavieka: slova, mif, rytual / T. Valodzina. – Minsk : Tekhnalohija, 2009. – 431 s.

20. Bajburin, A. K. Ritual v tradicionnoj kul'turie. Strukturno-siemantichieskij analiz vostochno-slavianskikh obriadov / A. K. Bajburin. – SPb. : Nauka, 1993. – 240 s.

21. Tradycynajna mastackaja kul'tura bielarusau : u 6 t. / V. I. Bas'ko [i insh.] ; ideja i ahul. redahavannie T. B. Varfalamiejevaj. – T. 4 : Bresckaje Paliessie : u 2 kn. – Minsk : Vysh. shk., 2008. – Kn. 1. – 559 s.

22. Nikiforovskij, N. Ya. Narodnyje primiety i povierja, sujeviernyje obriady i obychai, liegien-darnyje priedanija o licakh i miestakh / N. Ya. Nikiforovskij. – Vitiebsk : Gubiern. tip., 1897. – 179 s.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 03.04.2025

Анна Николаевна Сендер¹, Татьяна Васильевна Соколова²

¹д-р пед. наук, проф., проф. каф. общеобразовательных дисциплин и методик их преподавания
Брестского государственного университета имени А. С. Пушкина

²канд. пед. наук, доц., доц. каф. социальной педагогики и психологии
Брестского государственного университета имени А. С. Пушкина

Anna Sender¹, Tatiana Sokolova²

¹Doctor of Pedagogical Sciences, Professor,
Professor of the Department of General Educational Disciplines and Methods of Their Teaching
of Brest State A. S. Pushkin University

²Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor,
Associate Professor of the Department of Social Pedagogy and Psychology
of Brest State A. S. Pushkin University

e-mail: ¹anna_sender@brsu.brest.by; ²sokolov7@gmail.com

СОДЕРЖАНИЕ ИДЕОЛОГИЧЕСКОЙ И ВОСПИТАТЕЛЬНОЙ РАБОТЫ С ОБУЧАЮЩИМИСЯ УНИВЕРСИТЕТА В ГОД МИРА И СОЗИДАНИЯ

Обосновано содержание идеологической и воспитательной работы с обучающимися Брестского государственного университета имени А. С. Пушкина в Год мира и созидания. Представлены результаты мониторинга идеологической и воспитательной работы с обучающимися университета.

Ключевые слова: содержание идеологической и воспитательной работы с обучающимися университета в Год мира и созидания.

Content of Ideological and Educational Work with University Students in the Year of Peace and Creation

The content of ideological and educational work with students of Brest State A. S. Pushkin University in the Year of Peace and Creation. The results of monitoring ideological and educational work with university students are presented.

Key words: content of ideological and educational work with university students in the Year of Peace and Creation.

Введение

В современных социокультурных условиях университет имеет важное значение не только в профессиональной подготовке конкурентоспособного специалиста, способного к мобилизации своих интеллектуальных ресурсов в условиях динамично развивающегося общества, но и в воспитании разносторонне развитой, патриотично настроенной, нравственно зрелой, творческой личности. Обучение в учреждении высшего образования дает возможность студенту определить, осознать и развить свои способности, научиться брать на себя ответственность за достижение социально, профессионально и личностно значимых жизненных целей.

Обращаясь с ежегодным Посланием к белорусскому народу и Национальному со-

бранию в 2023 г., Александр Григорьевич Лукашенко констатировал, что в 2022 г. было уделено много внимания прошлому белорусского народа. «Тема себя не исчерпала. В определенной мере Год мира и созидания должен стать продолжением основной идеи Года исторической памяти. Потому что мир на земле немыслим без исторической памяти, а созидание – это преемственность исторического пути, это шаг в будущее. Не разрушение и огульное очернение прошлого, а терпеливое эволюционное развитие – вот та идея, которой мы следуем более четверти века. Поэтому все, что мы начали делать для осмысления своего прошлого, его влияния на сегодняшний день и будущее Беларуси, должно продолжаться», – сказал Глава государства [1].

В соответствии с Кодексом Республики Беларусь об образовании воспитание в учреждениях высшего образования рассматривается как целенаправленный процесс формирования патриотичной, духовно-нравственной личности обучающегося, создание условий для развития его индивидуальности. Воспитательная работа представляет собой комплекс информационно-пропагандистских, индивидуально-психологических, правовых, социально-экономических, морально-этических, культурно-досуговых, спортивно-массовых и иных мероприятий, осуществляемых в процессе образовательной деятельности и направленных на формирование у студентов университета необходимых профессиональных, гражданских, социокультурных и личностных качеств [2].

В связи с этим сегодня одной из главных задач системы высшего образования Республики Беларусь является разработка и внедрение в образовательный процесс учреждений высшего образования содержания идеологической и воспитательной работы (ИВР), основывающегося на идеологии белорусского государства, государственной исторической и молодежной политике, гуманистических и общечеловеческих ценностях, духовных и культурных традициях белорусского народа, отражении интересов личности, общества и государства. Поэтому стратегическим приоритетом в ИВР со студентами является формирование у молодежи устойчивой гражданско-патриотической позиции, ценностных установок и ориентаций, трансляция данных ценностей в обществе, а также формирование высокого уровня корпоративной культуры и сплоченного коллектива обучающихся и работников. Особое внимание уделяется развитию у них морально-психологической устойчивости и невосприимчивости к деструктивной идеологии.

Содержание идеологической и воспитательной работы с обучающимися БрГУ имени А. С. Пушкина в Год мира и созидания

В Год мира и созидания основные стратегические направления воспитания студенческой молодежи таковы:

1) консолидация белорусского общества на основе идей мира и созидания;

2) совершенствование системы гражданско-патриотического и духовно-нравственного воспитания студенческой молодежи;

3) содействие межконфессиональному и межнациональному диалогу, обеспечивающее мир и согласие в белорусском обществе;

4) позиционирование созидательного труда как главного условия развития белорусского общества;

5) информационное сопровождение Года мира и созидания.

Данные стратегические направления воспитания студенческой молодежи отражены в республиканском плане мероприятий по проведению в 2023 г. Года мира и созидания и, соответственно, в Плане мероприятий в рамках Года мира и созидания Брестского государственного университета имени А. С. Пушкина (утверждены ректором 01.02.2023).

Каковы особенности реализации каждого направления?

1. Консолидация белорусского общества на основе идей мира и созидания.

В БрГУ имени А. С. Пушкина работа в данном направлении осуществляется через воспитание у обучающихся общественно-государственных (национальных) ценностей через понимание нации как единого целого, представленного уникальными традициями и культурой; готовность исполнить свой профессиональный, гражданский и патриотический долг в различных сферах жизнедеятельности, мировоззренческих основ информационной культуры; формирование гражданской позиции, чувства любви к своей Родине, бережного отношения к сохранению исторической памяти, традиций, культурных и нравственных ценностей белорусского народа, понимание значимости национального самосознания и единства, ответственности за судьбу Беларуси; формирование целостного культурно-языкового пространства, основанного на закреплённом на конституционном уровне двуязычии; осуществление информационно-просветительской работы с целью донесения до студентов основ государственной идеологии; проведение мероприятий национально-патриотического характера, в т. ч. приуроченных к государственным праздникам.

В этом смысле особенно значима деятельность отдела воспитательной работы

с молодежью (далее – ОВР), факультетов, кафедр, общежитий студенческого городка, общественных организаций и студенческого самоуправления.

Самыми яркими примерами мероприятий идеологической и гражданско-патриотической направленности в 2023 г. были: *круглый стол «Белорусские воины-интернационалисты: история подвига»* (ко Дню памяти воинов-интернационалистов: конкурс видеопроектов «Державы Верные Сыны» (ко Дню защитников Отечества и Вооруженных Сил Республики Беларусь); ко Дню Конституции Республики Беларусь: *диалоговая площадка «Национальный конституционализм в контексте становления и развития белорусской государственности», аукцион знаний «Государственные символы Республики Беларусь»* (ко Дню Государственного герба Республики Беларусь и Государственного флага Республики Беларусь); участие в *декаде общественно значимых дел «Храним прошлое, ценим настоящее, строим будущее!»* (ко Дню Независимости Республики Беларусь); *межфакультетский круглый стол «День мира»* (ко Дню мира).

Системная работа факультетов, кафедр, структурных подразделений, общественных организаций и органов студенческого самоуправления университета в рамках реализации данного направления отражена в ответах студентов при проведении мониторинга организации идеологической и воспитательной работы с обучающимися. Так, на вопрос «Каково Ваше отношение к Родине?» 99,1 % респондентов ответили, что «желают видеть страну процветающей»; 92,4 % студентов «испытывают гордость за историю, прошлое Беларуси»; 92,2 % «испытывают гордость за свою Родину»; 91,7 % «верят в будущее своей страны». На вопрос «Что такое гражданский долг?» 97,4 % обучающихся ответили, что это «соблюдение закона»; 98,8 % респондентов считают, что это «участие в выборах»; 83,6 % – «служба в армии».

2. Совершенствование системы гражданско-патриотического и духовно-нравственного воспитания студенческой молодежи.

В рамках данного направления идеологическая и воспитательная работа со студенческой молодежью осуществляется с опорой на сохранение и обеспечение преем-

ственности традиционных ценностей белорусского общества; укрепление в студенческой среде духовных, культурных и исторических традиций белорусского народа; реализацию современных форм культурно-просветительской деятельности по вопросам воспитания и формирования у обучающихся гражданственности и патриотизма, общечеловеческих ценностей.

Широкий охват обучающихся мероприятиями гражданско-патриотической, духовно-нравственной, туристско-краеведческой направленности осуществлялся через: использование патриотических церемоний (поднятие флага Республики Беларусь, исполнение гимна Республики Беларусь); встречи студентов и профессорско-преподавательского состава с руководителями республиканских и местных органов власти, представителями дипломатического корпуса; организация круглых столов, диалоговых площадок, направленных на продвижение мирных инициатив и популяризацию созидательных ценностей: *дискуссия «Мир и созидание: глобальные вызовы и проекты»*; *круглый стол «Созидательный труд как необходимое условие профессионального равновесия»*; деятельность университетского дискуссионного клуба «Диалог»: *научно-практические семинары и диалоговые площадки «Белорусская государственность и развитие национальной правовой системы», «Союзное государство: достижения, проблемы, перспективы»* и др.; мероприятия к государственным праздникам: *межфакультетский конкурс студенческих эссе «Не забудем подвигов ваших!»*, *открытый конкурс патриотической песни «Молодежь и время: подвиг во имя будущего»* (ко Дню Победы Советского народа в Великой Отечественной войне); участие обучающихся в *митинге-реквиеме, посвященном памяти воинов, погибших в годы Великой Отечественной войны, кинолекторий «Никто не забыт. Ничто не забыто!»* (ко Дню всенародной памяти жертв Великой Отечественной войны и геноцида белорусского народа); проведение единых дней информирования, информационных и кураторских часов.

Правовому воспитанию, повышению уровня правовой культуры обучающихся содействуют работа Совета профилактики беспризорности и правонарушений обуча-

ющихся (ежегодно не менее 10 заседаний), на которых рассматриваются вопросы: «Об организации работы по правовому просвещению и по профилактике правонарушений среди иностранных и белорусских обучающихся»; «Анализ работы по предупреждению суицидоопасного поведения обучающихся»; «О результатах работы факультетов по предупреждению деструктивных проявлений в студенческой среде, в т. ч. против государственной власти и порядка управления», деятельность «Юридической клиники». Следует отметить, что в университете в Год мира и созидания уделялось особое внимание организации мероприятий по проблемам профилактики противоправного поведения на всех факультетах и в общежитиях студенческого городка (круглый стол «Профилактика девиантного поведения несовершеннолетних», конверт мнений «Деструктивные молодежные неформальные организации», информационная палатка «Уголовная ответственность несовершеннолетних» и др.).

В БрГУ имени А. С. Пушкина идеологическая и воспитательная работа по воспитанию духовно-нравственной и эстетической культуры личности направлена на расширение у обучающихся представлений о системе нравственных ценностей как основе нравственной культуры и реализацию нравственного потенциала личности в жизненных ситуациях; воспитание потребности в культурно организованном досуге. Целый ряд мероприятий, проводимых в университете, ориентирован на нравственное становление обучающихся. Это, например, такие традиционные мероприятия, как *университетский фестиваль студенческого творчества «Студенческая весна», Пушкинский фестиваль «Друзья, прекрасен наш союз», межвузовский круглый стол «Народная культура: ад вытокаў да сучаснасці»* и др.

Целенаправленная системная работа факультетов, кафедр, других структурных подразделений, общественных организаций университета по формированию у обучающихся духовно-нравственных ценностей отражена в ответах студентов при проведении анкетирования. Интересен тот факт, что главными общечеловеческими и национальными ценностями в жизни студенты пушкинцы считают «знание белорусских

обычаев, традиций, культуры» (96,8 %); «толерантное отношение к людям различных национальностей и вероисповедания» (93,5 %), «труд на благо Родины» (91,2 %). Негативно относятся к проявлениям любых форм экстремизма в молодежной среде 92,3 % студентов. Большинство студентов университета имеют твердую гражданскую и активную жизненную позицию, что подтверждается высоким процентом их членства в молодежных общественных организациях (97,2 %), участие в мероприятиях гражданско-патриотической направленности (89,8 %), участие в общественно полезных акциях (77,5 %).

Наиболее значимые качества, которыми должен обладать современный молодой человек, студенты проранжировали следующим образом: на 1-е место они поставили «профессионализм»; на 2-е место – «высокую нравственность, патриотизм и гуманность»; на 3-е место – «бережное отношение к семье и семейным ценностям»; на 4-е – «уважительное отношение к старшим»; «готовность работать с полной отдачей»; на 5-е – «трудолюбие», добросовестное отношение к учебной деятельности».

Важнейшими ценностями, определяющими целевые установки и социальное поведение студентов, являются «стабильность в стране и мире», «благополучная семья», «материальное благополучие», «профессиональная самореализация», «любовь». Наиболее значимыми качествами личности, по мнению студентов, являются «ответственность» (99,1 %), «честность» (98,8 %), «доброта» (98,6 %), «искренность» (98,5 %), «порядочность» (98,4 %). Неприемлемыми качествами личности, по мнению студентов, являются такие качества, как «предательство» (86,6 %), «лживость» (85 %), «лицемерие» (84,4 %), «эгоизм» (68,2 %), «наглость» (64,3 %) и др.

3. Содействие межконфессиональному и межнациональному диалогу, обеспечивающие мир и согласие в белорусском обществе.

Содержание воспитательной работы в рамках данного направления способствует формированию у студенческой молодежи патриотического сознания, высокой духовной, нравственной и политической культуры, этики межличностных, межнациональных и межконфессиональных отношений,

гражданской компетенции и ответственности в контексте фундаментальных ценностей и идеалов белорусского общества, цивилизационного процесса, соблюдения, уважения законов страны и норм международного права.

Основными мероприятиями, направленными на поддержание межконфессионального мира и национального согласия в обществе, являлись встречи, беседы с представителями традиционных конфессий по сохранению и развитию духовно-нравственных ценностей у молодежи: *университетский диспут «Вера или атеизм: за или против»*, *научно-исследовательский проблемный стол «Ценности традиционных конфессий в сознании современной белорусской молодежи»*. В рамках сотрудничества Министерства образования Республики Беларусь, в частности БрГУ имени А. С. Пушкина, и Православной церкви на филологическом и историческом факультетах организовывались литературно-музыкальные встречи «Семья – единокровные, мир, тишина» с клириком Свято-Николаевской братской церкви.

В рамках проведения воспитательной работы со студентами университет осуществляет и международное сотрудничество: *онлайн-встречи и видеоуроки «Постигаем белорусскую культуру вместе» (филологический факультет и Кабардино-Балкарский государственный университет имени Х. М. Бербекова)*; *участие представителей Государственного гуманитарно-технологического университета (г. Орехово-Зуево) в Международной научно-практической конференции «Актуальные вопросы сохранения исторических памятников. Брестская крепость: вехи истории, испытаний, развития»*.

4. Позиционирование созидательного труда как главного условия развития белорусского общества.

Трудовое и профессиональное воспитание направлено на формирование профессиональной культуры личности и развитие профессиональных трудовых умений, навыков и компетенций; формирование способности к профессиональной самореализации и готовности к эффективной трудовой деятельности.

В рамках данного направления работы осуществляется взаимодействие между:

1) *юридическим факультетом БрГУ имени А. С. Пушкина и Следственным комитетом Республики Беларусь по Брестской области*. Так, в 2023 г. на базе Комитета был проведен День открытых дверей, направленный на формирование у студентов знаний для будущей профессии, формирование гражданской позиции будущего юриста. Данное мероприятие способствовало преадаптации студентов к профессиональной деятельности, осознанию важности выбранной профессии для страны, усилению практико-ориентирующей составляющей образовательного процесса на юридическом факультете.

2) *социально-педагогическим факультетом и Брестским областным общественным объединением «Белорусская ассоциация бывших несовершеннолетних узников фашизма» и Международным общественным объединением «Взаимопонимание»*. Совместно реализуется проект «Социальная активность через непрерывное образование и увлекательный досуг». Цель проекта – организация взаимодействия специально подготовленной команды студентов-волонтеров с мобильными и маломобильными бывшими несовершеннолетними узниками фашизма, вовлечение пожилых людей в образовательную и культурно-досуговую деятельность и осуществление их социально-психологического сопровождения. В рамках реализации проекта у будущих специалистов по социальной работе формируется чувство уважения к старшему поколению, участникам Великой Отечественной войны, толерантное отношение к пожилым людям и ценностное отношение к социальному опыту бывших узников фашизма и др.

Обучающиеся активно привлекаются к профориентационной работе с абитуриентами в Дни открытых дверей в университете, во время встреч, концертов, акций в учреждениях образования Брестской области, во время прохождения студентами производственных практик, работы в студенческих отрядах.

По результатам анкетирования основными мотивами учебной деятельности студенты считают «развитие своих способностей и интеллекта» (94,5 %), «приобретение профессиональных знаний» (90,6 %), «личностный рост» (90,1 %), «перспективность избранной специальности» (90 %), «приоб-

речение новых друзей» (87,5 %). Также мы выяснили отношение обучающихся к приобретаемой специальности. «Будущая специальность нравится» 96,1 % студентов университета; «данная профессиональная область позволит развить способности, удовлетворить свои интересы» – 89,6 %; «необходимо получить дополнительные знания и навыки» – 80 % студентов; желают приобрести смежные специальности во внеучебное время (занятия в студиях, кружках, на курсах) 78,1 % обучающихся нашего университета. Почти 90 % выпускников планируют работать по специальности, еще не определились 6,9 %, не планируют – 4,2 % выпускников. Также 92,1 % студентов «уверены, что в Беларуси имеются все возможности для реализации себя как специалиста в профессиональной деятельности»; удовлетворены результатом своего образования 96,5 % обучающихся. Профессиональные и личностные качества, которые у студентов сформировались за время учебы, по ответам студентов следующие: ответственность, самостоятельность, целеустремленность, коммуникативные качества, умение принимать решения, добросовестность, эмпатия, умение объяснить материал.

5. Информационное сопровождение Года мира и созидания.

Особое внимание уделяется информационной работе с обучающимися. Активно работают информационно-пропагандистские группы (далее – ИПГ) и молодежные информационные группы (далее – МИГ) университета. В 2023 г. традиционно проводились встречи ректора с различными категориями студентов, направленные на формирование гражданско-патриотической позиции и ценностных установок, ориентаций и мировоззрения у обучающихся в соответствии с идеологией белорусского государства, профилактику молодежного экстремизма, вовлечения в деструктивную деятельность;

обсуждаются вопросы социально-экономического развития, внутренней и внешней политики Республики Беларусь; осуществляется мониторинг проблем, интересов и мнений студентов, проживающих в общежитиях, вопросы адаптации и успеваемости. Проводились единые дни информирования по тематике Года мира и созидания, осуществлялось освещение в средствах массовой информации и на интернет-ресурсах университета мероприятий по проведению Года мира и созидания, организовывались выставки литературы и др.

Все эти массовые формы работы нашли отклик в сердцах студентов, многие из этих мероприятий обучающиеся готовили сами. Но важным направлением в общении со студентами остается индивидуальная работа преподавателей, кураторов, руководителей структурных подразделений, воспитателей общежитий студенческого городка, деканов и заместителей деканов факультетов, руководства университета.

Заключение

Таким образом, воспитательная работа в учреждении высшего образования является неотъемлемой частью процесса подготовки специалистов и призвана обеспечить выполнение миссии университета посредством организации таких программ воспитания, которые способствуют повышению качества жизни студентов, стимулируют их профессиональное и личностное развитие. Эффективность организации образовательного процесса в учреждении высшего образования в значительной степени зависит от проведения системной воспитательной работы, соответствующих воспитательных программ и проектов, использования потенциала учебных занятий в воспитании студентов и личного примера преподавателя.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Лукашенко, А. Г. Главные условия сохранения суверенитета и независимости : выступление Президента Беларуси Александра Лукашенко при обращении с ежегодным Посланием к белорусскому народу и Национальному собранию Республики Беларусь / А. Г. Лукашенко // СБ. Беларусь сегодня. – 2023. – № 62. – С. 1, 6–17.

2. Кодекс Рэспублікі Беларусь аб адукацыі : 13 янв. 2011 г. № 243-З : в ред. Закона Респ. Беларусь от 14 янв. 2022 г. : с изм. и доп. от 1 сент. 2022 г. – Минск : Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь, 2023.

REFERENCES

1. Lukashenko, A. G. Glavnyje uslovija sokhranienija suverieniteta i nezavisimosti : vystuplenije Priezidenta Bielarusi Alieksandra Lukashenko pri obrashchienii s jezhegodnym Poslanijem k bielorusskomu narodu i Nacional'nomu sobraniju Rjespubliki Bielarus' / A. G. Lukashenko // SB. Bielarus' siegodnia. – 2023. – № 62. – S. 1, 6–17.

2. Kodeks Rjespubliki Bielarus' ob obrazovanii : 13 janv. 2011 g. № 243-Z : v ried. Zakona Rjesp. Bielarus' ot 14 janv. 2022 g. : s izm. i dop. ot 1 sient. 2022 g. – Minsk : Nac. centr pravovoj inform. Rjesp. Bielarus', 2023.

Рукапіс наступіў у рэдакцыю 26.02.2025

Наталья Валерьевна Иванюк

канд. пед. наук, доц., доц. каф, иностранных языков
Брестского государственного университета имени А. С. Пушкина

Natalya Ivaniuk

Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor,
Associate Professor of the Department of Foreign Languages
of Brest State A. S. Pushkin University

e-mail: ivaniuknv@ya.ru

ОБУЧЕНИЕ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ НА НЕЯЗЫКОВЫХ СПЕЦИАЛЬНОСТЯХ МАГИСТРАТУРЫ: ОСНОВНЫЕ ПОДХОДЫ, ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ

Рассматриваются методические аспекты повышения качества обучения иностранному языку, в частности английскому, магистрантов неязыковых специальностей высших учебных заведений. Представлены подходы к обучению иностранному языку на второй ступени высшего образования. Обозначаются проблемы, которые возникают в процессе организации обучения иностранному языку магистрантов, а также способы их решения. Большое внимание уделяется организации продуктивной самостоятельной работы.

Ключевые слова: магистрант, подход, иностранный язык, кандидатский экзамен, учебно-методический комплекс, самостоятельная работа.

Foreign Language Teaching of Master's Degree Students in Non-linguistic Specialties: Main Approaches, Problems and Solutions

The article deals with the methodological aspects of improving the quality of teaching a foreign language, in particular English, to Master's degree students of non-linguistic specialties of higher educational institutions. The approaches to teaching a foreign language at the second stage of higher education are presented. The problems that arise in the process of organizing foreign language teaching for Master's degree students, as well as ways to solve them, are outlined. Much attention is paid to the organization of productive independent work.

Key words: master's degree student, approach, foreign language, candidate's exam, educational and methodological complex, independent work.

Введение

Образование в Республике Беларусь является одной из высших ценностей. Приоритетным направлением в развитии национальной системы образования является сегодня инклюзивное образование, которое определяется как обучение и воспитание, когда обеспечивается наиболее полное включение в совместный образовательный процесс обучающихся с разными образовательными потребностями посредством создания условий с учетом индивидуальных потребностей, способностей, познавательных возможностей обучающихся.

В Кодексе Республики Беларусь об образовании принцип инклюзии относится к основным принципам государственной политики в сфере образования и гарантирует обеспечение равного доступа к получению образования для всех обучающихся с

учетом разнообразия особых индивидуальных образовательных потребностей и индивидуальных возможностей каждого обучающегося (одаренного, талантливого, обучающегося, индивидуальные потребности которого обусловлены его жизненной ситуацией, состоянием здоровья, иными обстоятельствами) [1].

Инклюзивное образование опирается на базовые ценности: каждый ребенок – личность; учиться могут все – необучаемых детей нет; каждый ребенок имеет уникальные особенности, интересы, способности и учебные потребности; запрет на дискриминацию в любой форме; право каждого человека на участие в жизни общества; терпимость друг к другу (готовность жить вместе, в мире друг с другом; принятие людей со всеми их недостатками); воспитание в

духе толерантності, розумімою як «гармонія в многабарозі» [2].

Включення дитини з особливими освітніми потребами (ООП) в загальноосвітній процес починається з першого рівня основного освіти – дошкільного освіти. Особливості інклюзивного освіти в системі дошкільного освіти розкриваються в роботах Т. В. Волосовець, С. Д. Ермолаєвої, Е. Н. Кутепоєї, О. Е. Потапової і других авторів [3–5]. Примієнно к дошкільному освітанню інклюзія означає, що кожен дитина незалежно від своїх особливостей має можливість відвідувати дошкільне заклад по місці проживання, де йому незалежно від його здібностей надані можливості для повного розвитку потенціалу і взаємодії зі сверстниками, де фізична середина і освітній процес пристосовуються к потребам конкретного дитини, а весь персонал закладу дошкільного освіти має відповідальну підготовку і використовує недискримінуючі поважливі підходи до взаємодії з дітьми і їх батьками. Освітній процес в інклюзивній групі направлений на зміцнення фізичного стану і збереження здоров'я вихованців; вдосконалення рухового і сенсорного розвитку; корекцію окремих сторін психічної діяльності; розвиток інтелектуальних функцій; розвиток різних видів мислення; корекцію порушень в розвитку емоційно-вольової сфери; розвиток мови; розширення уявлень про оточуючому світі; корекцію індивідуальних «пробелів» в знаннях. Для цього на основі навчальної програми дошкільного освіти розробляється індивідуальна програма для вихованця з ООП.

По рівню включення дитини в освітній процес в закладі дошкільного освіти інклюзія може бути *временної (точечної)* (дитина з ООП включається в колектив сверстників тільки на святах, тимчасово в іграх або на прогулянку); *частичної* (включення дитини в режим половини дня або неповної тижня, наприклад, коли дитина знаходиться в групі сверстників, засвоює безпосередньо навчальний матеріал в ході індивідуальної роботи, але бере участь в заняттях

по фізичній культурі, музиці і другим видам діяльності разом зі всіма дітьми); *повної* (відвідування дитиною з ООП вікової групи в режимі повного дня самостійно або зі супроводом; дитина займається на всіх заняттях разом зі сверстниками, при цьому вибираються завдання різного рівня складності, доповнювальні ігри і вправи).

Однак, як показало вивчення практики роботи дитячих садків г. Бреста по реалізації декларованих в нормативних правових документах і психолого-педагогічних дослідженнях положень про сутність, перевагах, способах, формах реалізації принципу інклюзії в реальний освітній процес закладу дошкільного освіти, у педагогів дитячих садків виникає цілий ряд труднощів і проблем. Назвемо деякі з них:

1) проблема неприязні ідеології інклюзивного освіти; проблема неприязні, неадекватного сприйняття дітьми з нормотипичним розвитком сверстників з ОПФР;

2) відсутність чітких підходів к процесу супроводу «особого» дитини педагогами, другими спеціалістами, працюючими в інклюзивному освітньому просторі;

3) небажання багатьох батьків виховувати своїх дітей з нормотипичним розвитком разом з дітьми з ОПФР.

У педагогів виникають також труднощі в розумінні і реалізації означених вище нових підходів к навчанню дітей з ООП в умовах інклюзивної групи; труднощі викликають питання соціально-психологічної адаптації дітей з ОПФР; великі проблеми виникають в роботі з батьками вихованців, їх включенням в інклюзивний освітній процес; проблемою є сама професійна компетентність педагогів, працюючих в інклюзивній групі, і др.

Безумовно, ефективна реалізація принципу інклюзії в практиці дошкільного освіти потребує наукового розв'язання означених труднощів і проблем. Освітній процес в інклюзивній групі повинен бути побудований на особливих умовах, максимально враховуючих індивідуальні освітні потреби всіх суб'єктів освітнього

процесса, что требует научной разработки новых подходов, соответствующего методического обеспечения, проектирования моделей реализации инклюзивного образования в практике работы.

Цель статьи состоит в разработке структурно-функциональной модели, раскрывающей деятельность всех субъектов коррекционно-образовательного процесса при реализации принципа инклюзии в учреждениях дошкольного образования.

В структуре инклюзивного образования присутствует достаточно большое количество упорядоченных по отношениям элементов. В статье мы рассмотрим функциональное взаимодействие некоторых из этих компонентов.

Структурно-функциональная модель реализации принципа инклюзии в дошкольном образовании

Представляемая модель реализации принципа инклюзии в практике дошкольного образования рассматривается нами как целостная система, состоящая из взаимосвязанных компонентов: концептуально-целевого, организационно-педагогического, содержательно-технологического и оценочно-результативного. Рассмотрим содержание каждого компонента конструируемой модели.

Концептуальными основаниями представляемой модели являются следующие научные положения и подходы.

1. Положения ведущих отечественных дефектологов и психологов: Л. С. Выготского, П. Я. Гальперина, В. В. Давыдова, А. В. Запорожца, А. Н. Леонтьева, Д. Б. Эльконина об общности основных закономерностей психического развития в норме и патологии, о сензитивных возрастах, о соотношении коррекции и развития, об актуальном и потенциальном уровнях развития (зоне ближайшего развития), о соотношении обучения и развития и т. д.

2. Положение известного представителя гуманистической педагогики и психологии А. Маслоу о «самоактуализации» как центральной проблеме становления личности. Среди важнейших потребностей человека он определил потребность в любви и признании, которая удовлетворяется посредством равноправного включения ребенка в сообщество ровесников [6].

3. Личностно ориентированный подход. Теоретические и методические основы личностно ориентированного подхода в педагогике разработали Е. В. Бондаревская, Л. М. Митина, В. В. Сериков, И. С. Якиманская. Отличительной чертой личностно ориентированного подхода является признание личности ребенка главной действующей фигурой всего образовательного процесса, ориентация на личность ребенка как на цель, субъект, результат и главный критерий эффективности образовательного процесса. Основной целью в личностно ориентированном подходе при реализации принципа инклюзии является, во-первых, помощь ребенку в социализации с ориентацией на общечеловеческие ценности, что диктует необходимость создания условий для развития личности воспитанника в ее целостности, уникальности и автономности, открывающих возможности для его позитивной социализации; во-вторых, обеспечение дифференциации и индивидуализации обучения и воспитания, возможности выбора индивидуальной образовательной траектории в соответствии с возможностями, способностями и потребностями воспитанников.

4. Компетентностный подход как ключевой в современном образовании, рассматриваемый как система взглядов и способов проектирования и организации образовательного процесса, которые характеризуются нацеленностью на формирование у обучающихся ключевых компетенций.

Компетентностный подход применительно к дошкольному образованию предполагает переориентацию образовательной парадигмы с преимущественной трансляции и освоения знаний, умений и навыков на создание условий для овладения детьми, в т. ч. с ООП, комплексом компетенций (социальной, коммуникативной, организационно-деятельностной, информационной, здоровьесберегающей), направленных на формирование способности адаптироваться к условиям жизни изменяющегося социума [7, с. 10]. Таким образом, реализация компетентностного подхода в инклюзивном дошкольном образовании будет способствовать подготовке формирующейся личности ребенка к жизни, формированию у него способов деятельности, необходимых для решения жизненно важных задач, связанных с освоением нравственных норм и ценностей, обще-

нием с другими людьми, построением своего образа «я».

Основную *цель* учреждения дошкольного образования в процессе реализации инклюзивной практики мы видим в обеспечении доступного и качественного образования всех детей в условиях учреждения дошкольного образования, в оптимальном развитии детей дошкольного возраста в соответствии с индивидуальными способностями и разными образовательными потребностями. В качестве основных *задач* нами определены следующие:

1) охрана и укрепление физического и психического здоровья детей, их эмоционального благополучия;

2) создание развивающей предметно-пространственной образовательной среды для полноценного проживания ребенком с ООП дошкольного детства, развития способностей и творческого потенциала каждого ребенка как субъекта отношений с самим собой, другими детьми, взрослыми и окружающим миром;

3) обеспечение вариативности и разнообразия содержания адаптированных образовательных программ и организационных форм дошкольного образования с учетом образовательных потребностей, способностей и состояния здоровья детей;

3) формирование социокультурной среды, соответствующей возрастным, индивидуальным, психологическим и физиологическим особенностям детей различных нозологических групп;

4) обеспечение психолого-педагогической поддержки семьи, повышение компетентности родителей (законных представителей) в вопросах развития, образования, охраны и укрепления здоровья детей с ООП.

Нахождение в детском саду любого ребенка должно быть максимально удобным с точки зрения его психофизических возможностей и максимально обеспечивать чувство психологического комфорта в условиях данной среды. Поэтому в структуре конструируемой нами модели мы выделили организационно-педагогический компонент, диктующий создание определенных *организационно-педагогических условий* в учреждении дошкольного образования, реализующих принцип инклюзии. Организационно-педагогические условия в нашей модели включают в себя:

а) организацию внутри учреждения дошкольного образования целостного педагогического взаимодействия между специалистами, воспитателями и воспитанниками, которое будет направлено на построение доверительных отношений, создание психологического комфорта, развитие познавательной и творческой активности воспитанников, формирование ключевых компетенций у детей;

б) создание предметно-пространственной развивающей образовательной среды, стимулирующей развитие у детей необходимых знаний, формирование умений, навыков и оценочной деятельности путем применения педагогическим коллективом наиболее приемлемых обучающих и развивающих технологий, методов и приемов в работе, форм организации образовательного процесса;

в) включение родителей в коррекционно-образовательный процесс как активных субъектов коррекционно-развивающего и образовательного процесса.

Рассмотрим вышеназванные организационно-педагогические условия структурно-функциональной модели реализации принципа инклюзии в учреждении дошкольного образования.

Во-первых, в инклюзивный образовательный процесс должны быть включены все педагоги и специалисты учреждения дошкольного образования: заведующий, заместитель заведующего по основной деятельности, педагог-психолог, учитель-дефектолог, воспитатель группы, музыкальный руководитель, руководитель физического воспитания, педагог дополнительного образования, медицинский работник. Безусловно, организует работу по реализации принципа инклюзии в практику заведующий детским садом, который также координирует межведомственное взаимодействие с центром коррекционно-развивающего обучения и реабилитации (ЦКРОиР), ресурсно-консультативным центром, а каждый участник междисциплинарного взаимодействия реализует свои функции. В качестве основных направлений междисциплинарного взаимодействия коллектива специалистов, реализующего принцип инклюзии в педагогическую практику учреждения дошкольного образования, в представляемой модели выступают:

1) диагностика индивидуальных особенностей развития каждого ребенка;

2) комплексная оценка ресурсов и дефицитов ребенка для составления индивидуального образовательного плана и индивидуальной образовательной программы;

3) планирование образовательного процесса с учетом индивидуальных образовательных потребностей детей в инклюзивной группе;

4) организация совместной жизнедеятельности детей в условиях инклюзивной группы;

5) мониторинг инклюзивного образовательного процесса.

Осуществляя процесс инклюзивного образования, все участники должны соблюдать основные его принципы:

1. Ценность каждого человека не зависит от его способностей и достижений.

2. Каждый человек способен чувствовать и думать.

3. Каждый человек имеет право на общение и на то, чтобы быть услышанным.

4. Все люди нуждаются друг в друге.

5. Подлинное образование может осуществляться только в контексте реальных взаимоотношений.

6. Все люди нуждаются в поддержке и дружбе ровесников.

7. Для всех обучающихся достижение прогресса, скорее, заключается в том, что они могут делать, чем в том, чего не могут.

8. Разнообразие усиливает все стороны жизни человека [8].

Во-вторых, образовательный процесс всегда осуществляется в определенном социальном и пространственно-предметном окружении. Это окружение представляет собой образовательную среду, которая выступает как в качестве источника разнообразного культурного опыта, так и совокупности условий его успешного усвоения. Структурными элементами образовательной среды являются средовые ресурсы, среди которых выделяют: предметные, пространственные, организационно-смысловые, социально-психологические [9]. Основным развивающий эффект достигается при условии самостоятельного взаимодействия ребенка с образовательной средой. Поэтому создаваемая в группе образовательная среда должна стимулировать детскую активность, самостоятельность и инициативу, должна

быть безопасной и экологичной, эргономичной и полифункциональной, гибкой и вариативной, трансформируемой и содержательно насыщенной, доступной и психологически комфортной.

В-третьих, перенос нового позитивного опыта, полученного ребенком в детском саду, в реальную жизненную практику возможен лишь при условии готовности ближайших партнеров ребенка поддерживать ребенка в его саморазвитии и самоутверждении. Родители детей должны быть активными субъектами образовательного процесса, а чтобы помощь родителей была действенной, дело воспитания, обучения, развития, социализации ребенка стало общим для семьи и детского сада, педагогам учреждения дошкольного образования надо обучать не только детей, но и их родителей.

Взаимодействие педагогов детского сада с семьей при реализации принципа инклюзии может проходить по следующим направлениям:

1) изучение образовательных потребностей родителей;

2) оказание дифференцированной помощи семье на основе выявленных проблем и запросов.

3) качественное преобразование эффективных форм работы с родителями.

Для этого в работе с родителями могут быть использованы разнообразные традиционные и инновационные формы и методы работы (информационно-аналитические, познавательные, наглядно-информационные, досуговые), но при этом наполненные новым содержанием.

Как показывает изучение практики взаимодействия педагогов детских садов с родителями, особой популярностью у родителей пользуются совместные досуги, праздники, благотворительные акции, а также семинары-практикумы, тренинги (по артикуляционной гимнастике, психогимнастике, пальчиковым играм), на которых родителей обучают конкретным практическим умениям и навыкам.

Содержание образования детей дошкольного возраста в группе детского сада, реализующей принцип инклюзии, осуществляется на основе учебного плана и учебной программы дошкольного образования (Минск, 2022 г.) и включает физическое, нравственное и личностное, познаватель-

ное, речевое, эстетическое развитие ребенка. Для каждого ребенка с ООП разрабатывается индивидуальная образовательная программа (ИОП).

Технологическая часть представляемой модели определяет технологии, методы, приемы, формы обучения, используемые для работы с детьми в инклюзивном образовательном процессе. Анализ педагогической литературы и опыта практической деятельности педагогов, реализующих принцип инклюзии в образовательной практике, показал, что в работе с детьми дошкольного возраста весьма эффективной является *технология уровневой дифференциации*, которая предполагает включение в занятия заданий разного уровня сложности для разных категорий детей исходя из их возможностей, потребностей, ресурсов и дефицитов. Отличительная особенность технологии заключается в необходимости качественного учета разнообразия детей в группе, определения особенностей каждого воспитанника [10].

В рамках технологии детей позволено объединять в группы по схожим признакам (малые группы), а управление их познавательной деятельностью осуществлять на уровне их возможностей и способностей. При уровневом подходе обеспечивается возможность дозировать нагрузку на детей, дифференцированно помогать менее успешным, эффективно работать со «сложными» детьми без ущерба для детей с нормотипичным развитием.

Определенным педагогическим потенциалом в условиях реализации инклюзивного подхода обладает *технология взаимного обучения*. Эта технология основывается на том, что дети лучше усваивают новое, подражая друг другу, чем повторяя за взрослым. Она предполагает ситуацию, в которой один ребенок выступает тьютором для другого [11]. Как правило, тьютором становится более успешный воспитанник. В качестве своеобразных тьюторов для детей с ОПФР и ООП могут первоначально выступать дети, проявляющие к этому позитивное отношение, желание помочь ребенку и педагогу. Отметим, что данная технология не может выступать основной, не применяется на начальных этапах в период адаптации к группе и коллективу; она выступает как вспомогательная на стадии ав-

томатизации и закрепления усвоенных навыков, а также при организации свободной самостоятельной деятельности детей (игровой, изобразительной, конструктивной, бытовой). Следует проявлять максимум осторожности при отборе детей для оказания поддержки и помощи детям с ОПФР, важно не допускать возникновения усталости или чрезмерной ответственности у ребенка-тьютора, периодически менять детские пары. Несмотря на определенные сложности в применении данной технологии, она формирует у типично развивающихся детей толерантность, способность и желание оказывать помощь, быть полезным в меру своих сил, а у детей с ООП – доверие, способность принимать помощь, открытость. Правильное и уместное использование данной технологии способствует сплочению детского коллектива, развитию сотрудничества и взаимопомощи.

Решение приоритетной задачи современного дошкольного образования – задачи сохранения, поддержания и обогащения здоровья обучающихся – требует широкого использования в практике работы с детьми *здоровьесберегающих технологий* как системы мер, включающей взаимосвязь и взаимодействие всех факторов образовательной среды, направленных на сохранение здоровья ребенка на всех этапах его обучения и развития [12].

Работу по здоровьесбережению детей в условиях инклюзивного дошкольного образования необходимо проводить в системе, во всех режимных процессах и видах деятельности по следующим направлениям:

1. Сохранение и стимулирование здоровья. Для этого целесообразно использовать ритмопластику, динамические паузы, подвижные и спортивные игры, упражнения на релаксацию, пальчиковую гимнастику, дыхательную гимнастику, пальминг (упражнения для глаз), игровую оздоровительную гимнастику.

2. Обучение здоровому образу жизни. Работа по этому направлению включает утреннюю гимнастику, занятия физической культурой, активный отдых (физкультурные праздники, досуги, дни здоровья).

3. Адаптация. Адаптивное направление включает артикуляционную гимнастику, музыкотерапию, сказкотерапию, арт-терапию.

Использование здоровьесберегающих технологий при проведении коррекционно-образовательной работы с детьми в инклюзивной группе детского сада способствует повышению работоспособности, выносливости детей, развитию психических процессов, формированию и развитию двигательных умений и навыков, развитию общей и мелкой моторики, стимулирует социальную адаптацию детей с ООП.

Широко применяются в образовании детей дошкольного возраста *игровые технологии*, т. к. игра является ведущей деятельностью ребенка-дошкольника. Игровые технологии обладают одной важной особенностью: их можно использовать в любой деятельности детей дошкольного возраста, будь то специально организованная регламентированная деятельность педагога с детьми или режимные моменты, досуг, бытовое самообслуживание и др. Применение игровых технологий делает ребенка более активным, а процесс обучения – максимально увлекательным и эффективным; повышает познавательный интерес; воспитывает в дошкольниках желание узнавать новое; развивает память, мышление и внимание; способствует развитию творческих способностей, выработке речевых умений и навыков; дошкольники учатся взаимодействовать со сверстниками и осваивают новые социальные роли.

Безусловно, выбор технологии будет определяться воспитателем, педагогом-психологом, учителем-дефектологом исходя из ОПФР ребенка и его образовательных потребностей.

Рефлексивно-оценочный компонент модели реализации принципа инклюзии обеспечивает комплексную оценку инклюзивного образования в учреждении дошкольного образования и включает проведение рефлексивно-аналитических, диагностических и мониторинговых процедур.

К индикаторам измерения результативности реализации модели инклюзивного образования относятся:

1) эффективная реализация учебной программы дошкольного образования и индивидуальной образовательной программы ребенка с ООП;

2) комплексное психолого-педагогическое сопровождение детей с ОПФР и ООП;

3) наличие универсальной безбарьерной среды;

4) своевременное повышение квалификации и совершенствование профессиональной компетентности педагогов в условиях инклюзивного образования;

5) наличие междисциплинарного и ведомственного взаимодействия;

6) качественное консультирование всех участников образовательных отношений по вопросам инклюзивного образования;

7) наличие мониторинга образовательных достижений и динамики развития детей с ОПФР и ООП;

8) наличие обратной связи с родителями, в т. ч. с родителями детей с ООП, педагогическими работниками по вопросам инклюзивного образования и удовлетворенности созданными условиями;

9) результативное участие педагогов в методических мероприятиях, обмен опытом по развитию инклюзивного образования на разном уровне;

10) активное участие родителей всех детей группы в реализации инклюзивной образовательной деятельности, в обучении и развитии детей; увеличение количества семей, занимающих активную позицию сотрудничества и поддержки по отношению к семье «особого ребенка».

Заключение

Инклюзивное дошкольное образование – это инновационная система образования, позволяющая детям дошкольного возраста с особенностями психофизического развития и с особыми образовательными потребностями обучаться, воспитываться и развиваться в учреждениях дошкольного образования вместе с детьми с нормотипичным развитием посредством реализации индивидуальных образовательных программ.

Для целостного понимания и правильной организации практики инклюзивного дошкольного образования необходима разработка моделей реализации принципа инклюзии в образовательном пространстве учреждения дошкольного образования.

Представленная в статье модель включает в себя ряд взаимосвязанных компонентов (концептуально-целевой, организационно-педагогический, содержательно-технологический, контрольно-оценочный). Организация инклюзивного образования в детских

садах, выстроенная на основе представленной модели, позволит, на наш взгляд, качественно решить ряд задач:

1) координировать деятельность педагогов учреждения дошкольного образования, специалистов при организации образовательного процесса с детьми как с нормотипичным развитием, так и с ООП;

2) обеспечить психолого-педагогическую поддержку всех участников инклю-

зивного образования (детей, родителей и педагогов);

3) создать оптимальный уровень психологического комфорта в учреждении дошкольного образования через создание определенных организационно-педагогических условий, выбора образовательных технологий, максимально отвечающих потребностям, возможностям детей, находящихся в инклюзивном образовательном пространстве.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Кодекс Республики Беларусь об образовании : в ред. Закона Респ. Беларусь от 14 янв. 2022 г. № 154-З. – URL: <https://adu.by/images/2022/01/zakon-ob-izmen-kodeksa-ob-obrazovanii.pdf> (дата обращения: 28.06.2022).

2. Концепция развития инклюзивного образования лиц с особенностями психофизического развития в Республике Беларусь. – URL: https://docviewer.yandex.by/view/0/?* (дата обращения: 15.01.2024).

3. Специальное и инклюзивное образование в современном детском саду : сб. материалов из опыта работы / под ред. С. Д. Ермолаева. – М. : Детство-Пресс, 2015. – 240 с.

4. Инклюзивная практика в дошкольном образовании ; под. ред. Т. В. Волосовец, Е. Н. Кутеповой. – М. : Мозаика-Синтез, 2011. – 144 с.

5. Потапова, О. Е. Инклюзивные практики в детском саду : метод. рекомендации / О. Е. Потапова. – М. : ТЦ Сфера, 2015. – 128 с.

6. Маслоу, А. Мотивация и личность / А. Маслоу. – СПб. : Питер, 2019. – 400 с.

7. Компетентностная модель дошкольного образования : монография / И. М. Гриневич [и др.]. – Ставрополь : СКIRO ПК и ПРО, 2018. – 94 с.

8. Инклюзивное образование / сост.: С. В. Алехина, Н. Я. Семаго, А. К. Фадина. – М. : Школ. кн., 2010. – 272 с.

9. Лемех, Е. А. Создание специальных условий для детей с особенностями психофизического развития в учреждениях общего среднего образования (первая ступень) с учетом инклюзивных подходов : учеб.-метод. пособие : в 3 ч. / Е. А. Лемех, С. Н. Феклистова, И. К. Русакович. – Минск : Белорус. гос. пед. ун-т, 2018. – 112 с.

10. Современные образовательные технологии в работе с детьми, имеющими ограниченные возможности здоровья : монография / Н. В. Новикова, Л. А. Казакова, С. В. Алехина. – Красноярск : Перспектива, 2013. – 147 с.

11. Самсонова, Е. В. Основные педагогические технологии инклюзивного образования / Е. В. Самсонова, Т. П. Дмитриева, Т. Ю. Хотылева. – М. : Первое сент., 2013. – 36 с. – URL: <http://eduportal44.ru> (дата обращения: 19.02.2024).

12. Тихомирова, Л. Ф. Здоровьесберегающие технологии в инклюзивном образовании / Л. Ф. Тихомирова, Т. В. Макеева // Ярославский педагогический вестник. – 2017. – № 3. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zdoroviesberegayushchie-tehnologii-v-inklyuzivnom-obrazovanii/vie> (дата обращения: 18.02.2024).

REFERENCES

1. Kodeks Riepubliki Bielarus' ob obrazovanii : v ried. Zakona Rieasp. Bielarus' ot 14 janv. 2022 g. № 154-3. – URL: <https://adu.by/images/2022/01/zakon-ob-izmen-kodeksa-ob-obrazovanii.pdf> (data obrashchiena: 28.06.2022).

2. Konceptija razvitija inkliuzivnogo obrazovanija lic s osobiennostiami psichofizichieskogo razvitija v Riepublikie Bielarus'. – URL: https://docviewer.yandex.by/view/0/?* (data obrashchiena: 15.01.2024).

3. Spiecial'noje i inkluzivnoje obrazovanije v sovriemennom dietskom sadu : sb. matierialov iz opyta raboty / pod ried. S. D. Jermolajeva. – M. : Dietstvo-Press, 2015. – 240 s.
4. Inkluzivnaja praktika v doshkol'nom obrazovanii ; pod ried. T. V. Volosoviec, Je. N. Kutiepovoj. – M. : Mozaika-Sintez, 2011. – 144 s.
5. Potapova, O. Je. Inkluzivnye praktiki v dietskom sadu : mietod. riekomiendacii / O. Je. Potapova. – M. : TC Sfera, 2015. – 128 s.
6. Maslou, A. Motivacija i lichnost' / A. Maslou. – SPb. : Pitier, 2019. – 400 s.
7. Kompetientnostnaja model' doshkol'nogo obrazovanija : monografija / I. M. Grinievich [i dr.]. – Stavropol' : SKIRO PK i PRO, 2018. – 94 s.
8. Inkluzivnoje obrazovanije / sost.: S. V. Aliokhina, N. Ja. Siemago, A. K. Fadina. – M. : Shkol. kn., 2010. – 272 s.
9. Liemiekh, Je. A. Sozdaniye spiecial'nykh uslovij dlja dietiej s osobiennostiami psikhofizichieskogo razvitija v uchriezhdenijakh obshchiego sriedniego obrazovanija (piervaja stupien') s uchiotom inkluzivnykh podkhodov : uchieb.-mietod. posobiye : v 3 ch. / Je. A. Liemiekh, S. N. Fieklistova, I. K. Rusakovich. – Minsk : Bielarus. gos. pied. un-t., 2018. – 112 s.
10. Sovriemiennye obrazovatel'nye tiekhnologii v rabotie s diet'mi, imiejushchimi ograni-chiennye vozmozhnosti zdorov'ja : monografija / N. V. Novikova, L. A. Kazakova, S. V. Aliokhina. – Krasnojarsk : Pierspektiva, 2013. – 147 s.
11. Samsonova, Je. V. Osnovnye piedagogichieskie tiekhnologii inkluzivnogo obrazovanija / Je. V. Samsonova, T. P. Dmitrijeva, T. Ju. Khotylieva. – M. : Piervoje sient., 2013. – 36 s. – URL: <http://eduportal44.ru> (data obrashchienija: 19.02.2024).
12. Tikhomirova, L. F. Zdorov'jesbieriegajushchije tiekhnologii v inkluzivnom obrazovanii / L. F. Tikhomirova, T. V. Makiejeva // Jaroslavskij piedagogichieskij viestnik. – 2017 – № 3. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zdoroviesberegayuschie-tehnologii-v-inklyuzivnom-obrazovanii/vie> (data obrashchienija: 18.02.2024).

Рукапіс наступіў у рэдакцыю 24.02.2025

Таццяна Леанідаўна Смаль*магістр пед. навук, выкладчык каф. спартыўных дысцыплін і методык іх выкладання
Брэсцкага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А. С. Пушкіна***Tatsiana Smal***Master of Pedagogical Sciences,
Teacher of the Department of Sports Disciplines and Methods of Their Teaching
of Brest State A. S. Pushkin University
e-mail: tatianauglianica@gmail.com*

ПЛАНУВАННЕ ПАДРЫХОЎЧАГА ПЕРЫЯДУ Ў ГАДАВЫМ МАКРАЦЫКЛЕ ФУТБАЛІСТАК 9–11 ГАДОЎ

Разглядаюцца асаблівасці сістэмы планавання вучэбна-трэніровачнай дзейнасці футбалістак 9–11 гадоў. Выяўлены асноўныя прынцыпы планавання, размеркавання нагрузак рознай скіраванасці ў межах мікра-, меза-, і макрацыкла. Зроблена выснова аб прадуктыўнасці планавання структуры і зместу трэніровачнага працэсу футбалістак на аснове сістэмна-структурнага падыходу.

Ключавыя словы: жаночы футбол, падрыхтоўчы перыяд, трэніровачныя нагрузкі, сістэмна-структурны падыход.

Planning of the Preparatory Period in the Annual Macrocycle for Football Players 9–11 Years Old

The article explores the features of the system of planning the educational and training activities of football players aged 9–11 years. The basic principles of planning and the distribution of loads of various directions within the limits of micro-, meso-, and macrocycles are revealed. The conclusion is made about the productivity of planning the structure and content of the training process of football players based on a system-structural approach.

Key words: women's football, preparatory period, training loads, systemic-structural approach.

Уводзіны

Жаночы футбол у межах алімпійскай прасторы і нацыянальнага спартыўнага руху знаходзіцца ў фазе дынамічнага развіцця, што патрабуе пошуку новых арганізацыйных канцэптаў і сродкаў аптымізацыі трэніровачнага працэсу футбалістак. Асаблівае значэнне набывае распрацоўка сістэмы планавання як ключавога ў спецыяльнай тэхнічна-тактычнай, фізічнай і функцыянальнай падрыхтоўцы юных спартсменаў.

Нягледзячы на наяўнасць фундаментальных даследаванняў праблемы перыядызацыі трэніровак савецкіх (Л. П. Мацвееў, Ю. В. Верхашанскі, М. Р. Азолін), постсавецкіх (У. М. Платонаў, А. П. Бандарчук, У. П. Губа) і замежных (Т. Бомпа, Ф. Дзік, А. Віру) вучоных, праблема пабудовы аптымальнай мадэлі (адна-, двух-, шматцыклавой) падрыхтоўчага перыяду ў футболе застаецца актуальнай.

У. М. Платонаў у гэтай сувязі падкрэслівае, што «перыяд спаборніцтваў у розных відах спорту нярэдка доўжыцца 35–40 тыдняў, таму класічная аднацыклавая

гадавая мадэль не можа забяспечыць належную падрыхтоўку да працяглых серый спаборніцтваў» [1, с. 72].

Сёння спартыўныя школы Беларусі працуюць па тыпавай праграме, распрацаванай для хлопчыкаў, што не спрыяе раскрыццю спартыўнага патэнцыялу дзяўчынак і аптымізацыі іх падрыхтоўкі. Пры гэтым існуе актуальная праблема распрацоўкі новага планавання трэніровак футбалістак на аснове аб'ектыўных эксперыментальных дадзеных.

Наяўнасць прабелаў у планаванні адзначана і Ю. В. Ярмолавым: «Сёння існуе неабходнасць у распрацоўцы і выкарыстанні сучасных інавацыйных падыходаў да планавання трэніровачных нагрузак у канкрэтных занятках і мікрацыкле, што забяспечвае павышэнне спартыўнага майстэрства футбалістак» [2, с. 8].

Мэта даследавання – выявіць асноўныя прынцыпы планавання падрыхтоўчага перыяду ў гадавым макрацыкле футбалістак 9–11 гадоў.

Планаванне як першааснова аптымізацыі трэніровак

Аптымізацыя трэніровачнага працэсу – важнейшы дэтэрмінант паспяховасці ў спорце. Паводле апытання трэнераў юных футбалістак, гэты працэс ажыццяўляецца традыцыйна шляхам павышэння аб'ёмаў або інтэнсіўнасці трэніровачных нагрузак (каэфіцыент канкардацыі – 0,93–0,94). Гэта выклікае ўыхаванцаў стан ператрэніраванасці, павышае верагоднасць атрымання траўм. Рацыянальнае планаванне дазваляе без шкоды для арганізма спартсменаў удаканаліць трэніровачны працэс, аднак распаўсюджана і супярэчнае меркаванне (В. С. Фарфель, З. І. Кузняцова, А. А. Гужалоўскі) аб мэтанакіраванасці ў жаночым футболе планаў з мужчынскага футбола, калі «сістэму падрыхтоўкі футбалістаў-мужчын, пабудаваную на фундаменце шматгадовых навуковых даследаванняў можна адаптаваць і выкарыстоўваць яе метадычныя палажэнні ў працэсе падрыхтоўкі спартсменаў» [3, с. 4], а таксама ідэалізацыя сумесных трэніровак: «На пачатковым этапе падрыхтоўкі хлопчыкі і дзяўчынкі павінны займацца футболам у змешаных групах» [4, с. 5]. Спрэчным падаецца і такая пазіцыя: «да 11 гадоў футбалісткі не маюць патрэбы ў разагравальнай размінцы» [5, с. 73].

Планаванне падрыхтоўкі футбалістак павінна будавацца з улікам гендэрных адрозненняў на аснове сензітыўных перыядаў развіцця пэўных фізічных якасцей, пры агульным падабенстве якіх ёсць і адрозненні: у хлопчыкаў пік фарміравання цягавітасці да 11 гадоў, а ў дзяўчынак – пазней.

Невялікае апераджэнне назіраецца ў развіцці хуткасна-сілавых і каардынацыйных здольнасцей дзяўчынак. Аднак, дзяўчынкі і хлопчыкі гэтага ўзросту паказваюць значную розніцу ў асобных тэстах бягучага кантролю (скокі, чоўнавы бег). А. С. Саладкоў адзначае: «У хлопчыкаў і дзяўчынак часавыя межы максімальных эфектаў неаднолькавыя. Звычайна, дзяўчынкі, падчас інтэнсіўнага развіцця большасці фізічных здольнасцей апярэджваюць хлопчыкаў на 1-2 гады» [6, с. 25].

Перыяд 9–11 гадоў – гэта не проста этап росту дасягненняў, але і станаўленне розных сістэм арганізма футбалістак, актывізацыя энергетычных і рэгуляторных працэсаў, што само па сабе з'яўляецца істотнай

нагрузкай і пры павелічэнні інтэнсіўнасці і аб'ёму трэніровак можа выклікаць ператрэніраванасць.

Планаванне павінна ажыццяўляцца на аснове навукова апрабаваных вынікаў даследаванняў і аналізу падрыхтоўкі статystычна значнай колькасціыхаванцаў дадзенага ўзросту з улікам пераемнасці працэсу шматгадовай трэніроўкі. Важным у трэніровачных праграмах з'яўляецца ўлік дадзеных бягучага кантролю і ацэнкі нагрузак: «Пры стварэнні трэніровачных праграм трэнер для ажыццяўлення рэальнага кіравання працэсам падрыхтоўкі павінен рэгулярна супастаўляць дасягненні спартсмена з паказчыкамі выкананай ім працы. Толькі так можна падбраць найбольш эфектыўныя для кожнага сродкі трэніроўкі і вызначыць велічыню ўздзеяння гэтых сродкаў» [7, с. 14].

Неабходнасць распрацоўкі скарэктаваных праграм для футбалістак абумоўлена і несупадзеннем працягласці этапаў падрыхтоўчага перыяду. Так, у хлопчыкаў працягласць перадспаборніцкага этапу, адпаведна, праграмам, складае 30 дзён, а ў практыцы трэніровак дзяўчынак звычайна выкарыстоўваецца 21 дзень.

Фактары пабудовы падрыхтоўчага перыяду

Значным фактарам мадэлявання падрыхтоўчага перыяду з'яўляецца ўзростыхаванцаў, узровень іх падрыхтоўкі, змена скіраванасці трэніровак, чаргаванне нагрузак і адпачынку, цыклічнасць стомы і аднаўлення, каляндар спаборніцтваў. Юныя футбалісткі з 10-гадовага ўзросту ўдзельнічаюць у рэгулярных спаборніцтвах рэспубліканскага ўзроўню, таму неабходна грамадна спланаваць апераджальную (за год) падрыхтоўчую працу. Спецыфіка спаборніцтваў абумоўлівае эфектыўнасць двух- або шматцыклавой мадэлі і паўтаральных мезацыклаў.

Шэраг даследчыкаў (А. В. Бяляеў, М. А. Годзік, У. М. Платонаў) лічыць перспектыўным падыход да праграмаміравання гадовага макрацыкла на аснове пабудовы мезацыклаў з двухтыднёвых аднаскіраваных блокаў з паступовым павышэннем іх інтэнсіўнасці. На аснове блокавай пабудовы распрацавана і вучэбная праграма для СДЮШАР па футболе. Разам з тым, на думку У. Д. Фіскалава і В. П. Чаркашына,

блокавыя трэніровачныя мадэлі (А. П. Бандарчук, А. М. Вараб'еў, Ю. В. Верхашанскі, У. Б. Іссурын) мэтазгодныя ў больш старэйшым узросце, а ў 9–11 гадоў рэкамендавана не выдзяляць асобных мезацыклаў і мікрацыклаў: «На этапе папярэдняй падрыхтоўкі і ў першай палове этапу пачатковай спецыялізацыі трэніроўка павінна будавацца ў асноўным паводле схемы “круглагадовага падрыхтоўчага перыяду” без выяўленай “падводкі” да спаборніцтваў» [8, с. 12].

Важна спланаваць паступовае нарошчванне аб'ёму і інтэнсіўнасці нагузак з мэтай выпрацоўкі неабходнага стымулу і адаптацыі. На фінальнай стадыі аб'ём нагузак зніжаецца, а іх інтэнсіўнасць павялічваецца. Гэта садзейнічае набыццю найлепшай спартыўнай формы, стварэнню ўмоў, падобных да спаборніцкіх. У футболе працягласць мезацыклаў залежыць найперш ад графіка спаборніцтваў, а калі яны доўжыцца 8 месяцаў, то неабходна планаваць сумяшчэнне стандартных і складаных мезацыклаў змешанага тыпу. Падобны мезацыкл уключае задачы падрыхтоўчага, пікавага, разгрузачнага і аднаўленчага тыпаў мікрацыклаў. Тэхніка-тактычныя задачы трэніровак павінны суадносіцца з мэтамі будучых спаборніцтваў і рэалізоўвацца праз імітацыю сапраўднай гульні. Мікрацыкл можа складацца з гульні і канкурэнтнай падрыхтоўкі на 50–60 % ад яго працягласці. Большасць даследчыкаў (У. М. Платонаў, Т. Бомпа, К. Мікалаец, Г. Хафф) прытрымліваецца канцэпцыі зніжэння аб'ёму нагузак за 2–3 тыдні да спаборніцтваў з наступным памяншэннем іх інтэнсіўнасці за 2–4 дні да спаборніцтваў, што спрыяе аднаўленню фізічнай формы гульцоў і дасягненню імі належнай эмацыйнай гатоўнасці.

Паводле даследаванняў М. А. Годзіка, А. В. Бяляева, Т. Бомпы, ідэальная працягласць падрыхтоўкі не павінна быць меншай за 8 тыдняў.

Перадспаборніцкі мікрацыкл, на думку У. М. Платонава, арганізуецца па прынцыпе нізкай інтэнсіўнасці: «2 гульні (3 гадзіны – гульня, 1 гадзіна – размінка), трэніроўкі – 8 гадзін, тэарэтычныя заняткі – 3–3,5 гадзіны, аднаўленне – 4–5 гадзін» [1, с. 281]. Такая структура была распрацавана вучоным для хлопчыкаў.

У працы з дзяўчынкамі 9–11 гадоў намі была адзначана прадуктыўнасць такой

структуры мікрацыкла: 1 гадзіна гульні (з размінкай 15 хвілін) – 2 гадзіны трэніроўкі – 1 гадзіна гульні – 2 гадзіны трэніроўкі – 4 гадзіны аднаўленне. Найбольш значная станоўчая дынаміка была пасля кароткай размінкі (10–15 хвілін) у параўнанні з больш працяглай.

Спецыялісты ў галіне тэорыі футбола (М. А. Годзік, Г. С. Лалакаў, В. В. Варушын, А. І. Шамардзін) праблему ўдасканалення падрыхтаванасці спартсменаў звязвалі з пытаннем аптымізацыі трэніровачных нагузак.

З 1980–90-х гг. асноўным у дзіцячых спартыўных школах становіцца праграма-мэтавы прынцып, у адпаведнасці з якім планаванне вялося на аснове ўліку мэтавых задач і спецыфічных метадаў і форм арганізацыі нагузак у залежнасці ад узроўню падрыхтаванасці спартсмена і этапу падрыхтоўкі. Некаторыя вучоныя (А. П. Залатароў, С. Ю. Цюлянкоў, Д. В. Чулібаеў, Х. Кнутген) прапанавалі ажыццяўляць планаванне трэніровачных нагузак па такіх параметрах, як спецыялізаванасць, каардынацыйная складанасць і скіраванасць.

Мы лічым мэтазгодным арыентавацца на структурна-сістэмныя прынцыпы фізічных нагузак: на пачатковых этапах трэніровак не павялічваць нагузкі, а вар'іраваць метады, сродкі і ўмовы трэніровак (змена фармату каманды, поля, варот, мяча), паступова дзіраваць нагузкі, трансфарміраваць іх ад эксперыментальных да інтэнсіўных, паступова павялічваць спецыфічныя сродкі ў адносінах да неспецыфічных, скарачаць час трэніровак з павышэннем іх інтэнсіўнасці, паступова пераходзіць ад агульнай фізічнай падрыхтоўкі да спецыяльнай, кіравацца нераўнамернасцю размеркавання аб'ёмаў нагузак і трэніровачных сродкаў па этапах трэніроўкі.

Паводле дадзеных шэрагу навукоўцаў (Г. А. Лісянчук, С. К. Грыгор'еў, А. А. Харламаў і інш.) і назіранняў за рознымі бакамі падрыхтоўкі спартсменаў, скіраванасць трэніровачных нагузак на падрыхтоўчым этапе футбалістаў 9–11 гадоў павінна вытрымлівацца ў наступных межах: 50–60 % – аэробная, 20–25 % – аэробна-анаэробная, 8–11 % – анаэробна-глікалітычная, 4–6 % – анаэробна-алактатная. Н. А. Курачкіна адзначае, што ў падрыхтоўчы перыяд спартсменаў 9–11 гадоў мэтазгодна паступова

павялічваць агульны аб'ём і памяншаць інтэнсіўнасць трэніровачных нагрузак, на пачатковых этапах адводіць «на фізічную падрыхтоўку да 40–50 %, тэхнічную – да 35–40 %, тактычную і гульнявую – да 20–25 %, а псіхалагічную – да 10 % агульнага часу» [9, с. 18]. Асабліва ўважліва ў гадавым макрацыкле суадносіць спецыфічныя і неспецыфічныя сродкі падрыхтоўкі (напрыклад, 60 % : 40 %; 55 % : 45 %); а так-

сама вызначаць колькасць гадзін (ці %), якія адведзены на тэхнічную працу, з указаннем часу на ўдасканаленне асобных тэхнічных элементаў (вядзенне мяча, абводка, перахопы).

На аснове даследаванняў падрыхтоўчага перыяду футбалістак былі распрацаваны паказчыкі суадносін нагрузак, якія адлюстроўваюць паступовае павелічэнне анаэробных і зніжэнне аэробных нагрузак (табліца).

Табліца – Трэніровачныя нагрузкі ў падрыхтоўчы перыяд футбалістак, %

Характар нагрузкі	Мікрацыкл		
	Стандартны	Ударны	Падтрымкі
Аэробныя	39	20	50
Змешаныя	45	35	20
Аэробна-глікалітычныя	8	7	13
Анаэробна-алактатныя	8	7	15

Даследаванне эфектыўнасці эксперыментальнага плана падрыхтоўкі

Распрацаваная мадэль трэніровачных нагрузак была ўкаранёна ў вучэбны працэс футбалістак эксперыментальнай групы (ЭГ) СДЮШАР па футболе г. Брэста (n = 25) на працягу сезонаў 2022–2024 гг. Аналіз дадзеных маніторынгу функцыянальнай падрыхтаванасці паказаў станоўчую дынаміку ў ЭГ пры статыстычна нязначных зменах у кантрольнай групе (ЛГ) СДЮШАР па футболе г. Баранавічы (n = 20), якія займаліся па традыцыйных планах.

У выніку рэалізацыі эксперыментальнай мадэлі планавання была пацверджана мэтазгоднасць наступных суадносін розных відаў падрыхтоўкі палявых ігракоў (за выключэннем галкіпераў): інтэгральная (тэхніка-тактычная) – 25 %, тэхнічная – 40 %, тактычная – 10 %, спецыяльная фізічная – 5 %, агульная фізічная – 15 %, спаборніцкая – 5 %. Непасрэдным футбольным практыкаваннем неабходна надаваць прыблізна 65 % аб'ёму ўсіх трэніровачных сродкаў, з якіх 40–45 % будуць складаць элементарныя (падрыхтоўчыя, падводзячыя і інш.) практыкаванні ў гульнявым рэжыме, а астатнія 60–65 % – уласна гульні. Аб'ём фізічных нагрузак варта падбіраць асабліва скурпулёзна і карэктаваць з улікам самаадчування футбалістак.

З другога года навучання прадуктыўна выкарыстоўваць хвалепадобны прынцып планавання: 1–3 тыдні павышэння нагрузак з наступным тыднем зніжэння. Аб'ём нагрузак у кожным цыкле паступова павя-

лічваецца ў першай палове падрыхтоўчага перыяду і крыху зніжаецца ў другой палове. Інтэнсіўнасць заняткаў пры гэтым несупынна ўзрастае.

У структуры нагрузак варта прадугледжваць разнастайнасць метадаў: гульнявы, пераменны, паўторны, інтэрвальна-серыйны. Эфектыўнаму развіццю фізічных якасцей футбалістак садзейнічае выкарыстанне пераменнага і паўторнага метадаў сумарна да 70 % нагрузак. На падрыхтоўчым этапе неабходна запланаваць выкарыстанне як спецыяльных (жангліраванне, квадраты, розыгрышы стандартаў, парныя перадачы), так і неспецыялізаваных (кросы, бег, скокавыя комплексы, чоўнавы бег) сродкаў з перавагай апошніх.

Высокія межавыя адаптацыі можна дасягаць зменай умоў трэніроўкі: колькасць ігракоў у полі, памер варот і пляцоўкі, правілы. Так, гульні без варатароў эканомяць час трэніроўкі за кошт скарачэння перапынкаў і адсутнасці абмежаванняў пазіцыйнага руху, а лімітаванне колькасці паслядоўных дотыкаў, міжасобасная маркіроўка, выкарыстанне ігракоў падтрымкі і матывацыйныя маўленчыя заахвочванні выклікаюць павелічэнне інтэнсіўнасці.

Трэнеры нярэдка неабгрунтавана ідэалізуюць эфектыўнасць бегавых заняткаў, у той час як менавіта практыкаванні з мячом эканомяць час, удасканальваюць самастойнасць прыняцця рашэнняў, аўтаматызуюць тэхніка-тактычныя навыкі, узмацняюць кантакт навучэнцаў з трэнерам. Эксперымен-

тальнае даследаванне паказала эфектыўнасць маніпулявання працягласцю трэніровак: у гульнях 4×4 было зафіксавана значнае зніжэнне актыўнасці пры стабільнасці тэхнічных дзеянняў у гульнях працягласцю 6 хвілін у параўнанні з двух- і чатыроххвіліннымі гульнямі.

У практыцы планавання неабходна адзначыць негатыўную тэндэнцыю ігнаравання індывідуалізацыі навучання, калі арыентуюцца не на ўнікальны патэнцыял канкрэтнай асобы, а на групавыя дасягненні. У выніку кароткатэрміновыя эфекты нагрузак, якія дасягаюцца за кошт празмернага павышэння хуткаснай інтэнсіўнасці, колькасці выкананых практыкаванняў, выклікаюць празмерную стамляльнасць і зніжэнне зацікаўленасці да трэніровак.

Заклучэнне

Планаванне падрыхтоўчага перыяду футбалістаў 9–11 гадоў павінна ўлічваць

магчымасць карэкціроўкі, перспектыву пры сістэмна-структурным падыходзе: агульныя заканамернасці адаптацыі, дэадаптацыі і аднаўлення арганізма; рацыянальнае спалучэнне рознаскіраваных нагрузак; парцыяльных аб'ёмаў трэніровак фізічнага, тактычнага і тэхнічнага кампанентаў; рацыянальных суадносін сродкаў тэхніка-тактычнай, фізічнай і псіхалагічнай падрыхтоўкі; варыятыўнасці нагрузак і разнастайнасці метадаў падрыхтоўкі.

Важнымі з'яўляюцца паступовая хвалепадобнасць і цыклічнасць нагрузак, павелічэнне іх аб'ёма перад днямі аднаўлення, рост інтэнсіўнасці ў фарміраванні асобных фізічных якасцей, зніжэнне аэробных і павелічэнне анаэробных нагрузак, павелічэнне нагрузкі на ўдасканаленне тэхніка-тактычнага майстэрства.

СПІС ВЫКАРЫСТАНЫХ КРЫНІЦ

1. Платонов, В. Н. Периодизация спортивной тренировки. Общая теория и ее практическое применение / В. Н. Платонов. – Киев : Олимп. лит., 2013. – 624 с.
2. Ермолов, Ю. В. Планирование физической и технической подготовки у футболистов 11-12 лет в подготовительном периоде годового тренировочного цикла : дис. ... канд. пед. наук : 13.00.04 / Ермолов Юрий Владиславович. – Омск, 2020. – 165 л.
3. Выприков, Д. В. Учебно-тренировочный процесс квалифицированных спортсменов в мини-футболе / Д. В. Выприков. – М. : РЭУ им. Г. В. Плеханова, 2017. – 80 с.
4. Учебно-методическая программа по футболу : [Сайт]. – Хабаров. край, 2013. – URL: <http://sc-transbunker.com/docs> (дата обращения: 12.01.2021).
5. Иванов, О. Н. Этапы многолетней подготовки юных футболистов / О. Н. Иванов. – Мазаховка, 2018. – 112 с.
6. Солодков, А. С. Физиология человека / А. С. Солодков, Е. Б. Сологуб. – М. : ФиС, 2001. – 189 с.
7. Owen, A. Small-sided games: the physiological and technical effect of altering pitch size and player numbers. Insight: FA Coaches Assoc / A. Owen, C. Twist, P. Ford // Journal of Sports Science and Medicine. – 2004, January. – S. 53.
8. Фискалов, В. Д. Теоретико-методические аспекты практики спорта : учеб. пособие / В. Д. Фискалов, В. П. Черкашин. – М. : Спорт, 2016. – 352 с.
9. Веселова, Н. А. Структура и содержание системы подготовки в волейболе на основе анализа психических процессов и взаимоотношений у игроков : дис. ... канд. пед. наук : 13.00.04 / Веселова Наталия Андреевна. – М., 2021. – 181 л.

REFERENCES

1. Platonov, V. N. Pieriodizacija sportivnoj trienirovki. Obshchaja tieorija i jejo praktichieskoje primienienije / V. N. Platonov. – Kijev : Olimp. lit., 2013. – 624 s.
2. Jermolov, Ju. V. Planirovanije fizichieskoj i tiekhnichieskoj podgotovki u futbolistov 11–12 liet v podgotovitel'nom pieriodie godichnogo trienirovochnogo cikla : dis. ... kand. pied. nauk : 13.00.04 / Jermolov Jurij Vladislavovich. – Omsk, 2020. – 165 l.

3. Vyprikov, D. V. Uchiebno-trieniurovochnyj process kvalificirovannykh sportsmienok v mini-futbole / D. V. Vyprikov. – M. : REU im. G. V. Pliekanova, 2017. – 80 s.
4. Uchiebno-mietodichieskaja programma po futbolu : [Sajt]. – Khabar. kraj, 2013. – URL: <http://sc-transbunker.com/docs> (data obrashchienija: 12.01.2021).
5. Ivanov, O. N. Etapy mnogolietniej podgotovki junykh futbolistok / O. N. Ivanov. – Malakhovka, 2018. – 112 s.
6. Solodkov, A. S. Fiziologija chielovieka / A. S. Solodkov, Je. B. Sologub. – M. : FiS, 2001. – 189 s.
7. Owen, A. Small-sided games: the physiological and technical effect of altering pitch size and player numbers. Insight: FA Coaches Assoc / A. Owen, C. Twist, P. Ford // Journal of Sports Science and Medicine. – 2004, January. – S. 53.
8. Fiskalov, V. D. Tieoretiko-mietodichieskije aspiekty praktiki sporta : uchieb. posobie / V. D. Fikalov, V. P. Chierkashin. – M. : Sport, 2016. – 352 s.
9. Viesielova, N. A. Struktura i sodierzhanije sistemy podgotovki v voliejbolie na osnovie analiza psikhichieskikh processov i vzaimootnoshenij u igrokov : dis. ... kand. pied. nauk : 13.00.04 / Viesielova Natalija Andriejevna. – M., 2021. – 181 l.

Рукапіс надруковано у редакцію 13.05.2025

Майя Игоревна Бабанова

аспирант 2-го года обучения лаб. специального образования Академии образования,
преподаватель каф. специальных педагогических дисциплин
Брестского государственного университета имени А. С. Пушкина

Maya Babanova

2-nd Year Postgraduate Student of the Laboratory of Special Education of Academy of Education,
Lecturer of the Department of Special Pedagogical Disciplines
of Brest State A. S. Pushkin University
e-mail: babanovamaya@yandex.by

ПРОБЛЕМА ФОРМИРОВАНИЯ ПРОСТРАНСТВЕННО-ВРЕМЕННЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ У ДЕТЕЙ С ОСОБЕННОСТЯМИ ПСИХОФИЗИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ В ИССЛЕДОВАНИЯХ БЕЛОРУССКИХ АВТОРОВ: АНАЛИТИЧЕСКИЙ ОБЗОР

Пространственно-временные представления играют ключевую роль в когнитивном развитии детей, поскольку они формируют основу для понимания окружающего мира, ориентации в пространстве и времени, а также для успешного усвоения учебного материала. Для детей с нарушениями речи эти представления могут быть особенно значимыми, так как их речевые дефициты часто влияют на способность адекватно воспринимать и интерпретировать пространственные и временные отношения. Статья посвящена анализу значимости пространственно-временных представлений для детей с особенностями психофизического развития, в том числе с нарушениями речи, а также методам их развития в условиях специального образования. Рассмотрение этой темы позволит более глубоко понять взаимосвязь между когнитивным развитием и речевыми навыками, а также разработать эффективные стратегии поддержки таких детей в образовательной среде.

Ключевые слова: временные представления, дети с общим недоразвитием речи, пространственно-временные представления, пространственные представления.

Analytical Review of the Problem of Formation of Spatial-temporal Representations in Children with Peculiarities of Psychophysical Development in the Studies of Belarusian Authors

Spatio-temporal concepts play an important role in children's cognitive development, as they form the basis for understanding the world around them, orientation in space and time, and for successful acquisition of educational material. For children with speech impairments, these concepts can be especially important, as their speech difficulties often affect the ability to adequately perceive and interpret spatial and temporal relationships. This article is devoted to the analysis of the significance of spatio-temporal concepts for children with speech impairments and psychophysical developmental disabilities, as well as methods of their development in special education. Consideration of this topic will allow a deeper understanding of the relationship between cognitive development and speech skills, as well as the development of effective strategies for supporting such children in the educational environment.

Key words: temporal representations, children with general speech underdevelopment, spatial-temporal representations, spatial representations.

Введение

Целью данной статьи является анализ и систематизация исследований белорус-

Научный руководитель – Татьяна Викторовна Лисовская, доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры основ специальной педагогики и психологии Института инклюзивного образования Белорусского государственного педагогического университета имени Максима Танка

ских ученых, посвященных особенностям пространственно-временных представлений и их формированию у различных категорий детей разного возраста с особенностями психофизического развития.

Пространственно-временные представления можно определить как умственные образы и концепции, которые позволяют индивидуумам ориентироваться в пространстве и времени, а также понимать и организовывать информацию о местоположении объектов, их перемещениях и вре-

менных последовательностях событий. Эти представления включают в себя восприятие расстояний, направлений, форм, а также осознание временных интервалов, последовательностей действий и длительности.

Пространственная ориентировка представляет собой сложный процесс, который осуществляется на основе непосредственного восприятия окружающего пространства. Она включает в себя не только физическое восприятие объектов и их расположения, но также и использование словесных обозначений для выражения пространственных категорий. К таким категориям относятся местоположение предметов, степень их удаленности друг от друга, а также различные пространственные отношения между ними.

Определение времени основывается на общепринятой системе мер, которая включает в себя различные эталоны: секунда, минута, час, сутки, неделя, месяц, год и век. Эти единицы измерения позволяют структурировать временные промежутки и организовывать последовательности событий.

Таким образом, как пространственная ориентировка, так и определение времени играют ключевую роль в повседневной жизни. Они помогают человеку лучше понимать окружающий мир и находить свое место в нем [1].

Формирование пространственных представлений

Развитие ориентировки в пространстве у детей дошкольного возраста в норме проходит следующие этапы:

1. Формирование умения ориентироваться «на себя» и «от себя» – на собственном теле и относительно себя. В этот период доступно свободное определение расположения различных частей тела, а также умение ориентироваться в пространстве относительно самого себя. Дети 4–5 лет должны знать названия всех частей тела, их расположение, а также уметь показывать необходимую часть тела по словесной инструкции. В процессе развития ориентировки относительно себя ребенок учится определять объекты, находящиеся справа, слева, снизу, сверху, сзади, спереди от него.

2. Формирование умения определять положение предметов по отношению друг к другу, отношений между предметами. Ори-

ентировки «на себя» и «от себя» помогают ребенку понять значение пространственных предлогов (*в, под, на, за* и др.) и правильно использовать их в речи. На этом этапе ребенок учится определять, например, где находится предмет относительно другого, и правильно называть его положение: «на», «под», «между», «около».

3. Формирование умения ориентироваться на плоскости (ориентировка на листе бумаги, т. е. в двухмерном пространстве). Этот вид ориентировки помогает детям осознавать расположение объектов на листе бумаги, различать такие элементы, как верх, низ, середина, правый и левый нижний угол, правый и левый верхний угол, середина правой стороны и середина левой стороны листа. Умение точно определять эти точки важно для формирования навыков письма, т. к. помогает детям правильно размещать буквы, цифры и изображения на листе бумаги.

4. Формирование умения ориентироваться относительно другого человека или одушевленного объекта. Этот вид ориентировки предполагает способность ребенка определить расположение объекта по отношению к другому человеку или, например, кукле, игрушечному мишке. Такая ориентация является более сложной и доступна в основном старшим дошкольникам, поскольку требует от ребенка умения «отключиться» от собственной точки зрения и рассматривать ситуацию с позиции другого.

Формирование временных представлений

Для детей дошкольного возраста умение ориентироваться во времени является непростым, поскольку их восприятие времени ограничено текущими переживаниями. Они живут в настоящем моменте и трудно воспринимают абстракции, такие как дни недели, месяцы или сезоны. Время для них связано скорее с регулярными ритуалами и событиями, например, с тем, когда наступает утро или вечер, а также с повторяющимися действиями. Поэтому они не могут точно оценить, как долго длится определенное событие или когда оно повторится.

Первые элементарные представления о времени и его свойствах начинают формироваться у детей в возрасте примерно

трех лет. На этом этапе восприятие времени связано с воспоминаниями ребенка и его фантазиями без осознания самой природы времени. Вначале эти представления существуют как ощущения, не имеющие четкой связи с абстрактными понятиями времени, такими как продолжительность или последовательность событий.

В четыре года дети способны в некоторой степени отражать категории времени в своей речи, но еще не овладевают формами прошедшего и будущего времени. Они часто путают такие относительные временные наречия, как «завтра», «скоро», «давно», «сначала», «потом», «вчера». Временные интервалы воспринимаются ими как конкретные объекты: дети опредмечивают время, связывают его с повседневными действиями или с яркими, эмоционально насыщенными событиями, которые для них значимы. До четырех лет дети воспринимают время через свою собственную деятельность и через те события, которые для них особенно запоминаются.

Дети в возрасте 5–7 лет начинают активно использовать временные наречия, но порой они все еще неправильно осознают и применяют временные категории в своей речи. Однако дети старшего дошкольного возраста значительно лучше осваивают наречия, которые обозначают локализацию событий во времени («раньше», «позже») и их скорость («быстро», «медленно»). Эти навыки помогают детям более точно выражать свои представления о временных отношениях и событиях. В этот же период дети начинают ориентироваться по эталонам времени (по часам).

Освоение временных представлений основывается на следующих категориях: поры (времена) года; части суток (утро, день, вечер, ночь); дни недели; месяцы; последовательность смены суток (вчера, сегодня, завтра); последовательность событий (сначала, потом, раньше, позже); ориентировка по часам.

Актуальные исследования

Н. В. Крюковская в своем диссертационном исследовании «Формирование пространственных представлений как основы профилактики дискалькулии у обучающихся с нарушениями психического развития (трудностями в обучении)» изучала

состояние и уровни сформированности пространственных представлений и элементарных математических представлений, связанных с пространственными представлениями, у воспитанников старшего дошкольного возраста с нарушениями психического развития. Она обобщила и уточнила несколько методов и подходов для формирования пространственных представлений у детей с трудностями в обучении:

1. *Игровые технологии.* Н. В. Крюковская акцентирует внимание на использовании игровых методов, которые делают процесс обучения более увлекательным и доступным для детей.

2. *Интерактивные методы обучения.* Использование интерактивных заданий (работа с моделями, конструкторскими наборами или цифровыми ресурсами) позволяет детям визуализировать пространственные объекты и манипулировать ими.

3. *Практические задания.* Н. В. Крюковская разработала серию практических заданий, направленных на развитие навыков ориентирования в пространстве. Эти задания могут включать рисование схем, создание макетов или выполнение задач на нахождение пути в различных условиях.

4. *Кросс-дисциплинарный подход.* Н. В. Крюковская подчеркивает важность интеграции различных предметов (например, математики и изобразительного искусства) для более глубокого понимания пространства и его свойств [2].

И. В. Ковалец сосредоточила внимание на разработке методов и подходов, направленных на поддержку детей дошкольного возраста с особенностями психофизического развития, в частности с интеллектуальной недостаточностью. Она изучает особенности формирования пространственно-временной ориентировки, социальных навыков, эмоциональное развитие и различные аспекты коррекционной работы.

В пособии И. В. Ковалец в соавторстве с И. К. Боровской «Учимся ориентироваться в пространстве» отображена методика формирования пространственных представлений:

1. Формирование понятий «вверху» – «внизу» на основе их противопоставления.

2. Формирование понятий «выше» – «ниже» на основе сравнения двух объектов.

3. Формирование представлений о правой и левой руке и на их основе понятий «слева» – «справа».

4. Понятие «в центре» и на его основе понятие «вокруг».

5. Объединение и пересечение понятий «вверх», «вниз», «в центре», «справа», «слева» в одной учебной ситуации [3].

В пособии «Коррекционная работа по развитию пространственно-временной ориентировки у детей дошкольного возраста с интеллектуальной недостаточностью» И. К. Боровской выделяется несколько ключевых идей:

1. Подчеркивается важность развития пространственно-временной ориентировки как основы успешного обучения и социализации детей с интеллектуальной недостаточностью. Это включает в себя умение ориентироваться в пространстве, понимать временные последовательности и навыки планирования.

2. Подчеркивается важность интеграции различных областей знаний (математика, изобразительное искусство, физкультура) для комплексного развития пространственных представлений у детей [4].

Этапы формирования пространственных представлений

И. К. Боровская в своих работах предлагает последовательность формирования пространственных представлений у учащихся с интеллектуальной недостаточностью. Процесс формирования пространственного ориентирования начинается с появления представлений о схеме собственного тела и ближайшего окружения. Уточнение этих представлений основывается на опорных точках в системе координат пространства. Например, можно использовать браслет или резинку для маркировки левой руки ребенка. Важно, чтобы на начальном этапе изучение направлений было связано с конкретными движениями (например, «вперед» – это шаг вперед).

Следующий этап в развитии пространственных представлений включает определение направлений в пространстве относительно собственного тела. Основные положения в пространстве осваиваются сначала через реальные объекты, а затем – через их изображения. Постепенно навыки определения направлений по образцу заме-

няются умением различать направления по устным инструкциям.

Когда навык ориентирования относительно собственного тела будет сформирован, можно перейти к пониманию расположения других объектов относительно друг друга и себя. Сначала формируются представления о вертикали, затем – о горизонтали «от себя» вперед и о правой и левой сторонах. Понятие «сзади» обычно осваивается позже.

На четвертом этапе происходит формирование числовых, порядковых и временных понятий, а также других квазипространственных и лингвистических представлений. Именно здесь развивается общее понимание количественных пространственно-временных понятий и их взаимосвязей. Дети учатся определять величину, форму предметов и расстояние до них; понимать предложно-падежные конструкции и использовать их в устной речи [5].

Этапы формирования временных представлений

О. В. Фомина в своих исследованиях выделяет ключевые этапы формирования временных представлений у старших школьников с интеллектуальной недостаточностью. Специфическим является взгляд исследователя на проблему формирования пространственных представлений в условиях цифровой трансформации образования и в процессе профессионально-трудового обучения [6]. По результатам своего исследования О. В. Фомина разработала методику, которая предполагает реализацию трех этапов.

Пропедевтико-ориентировочный этап играет важную роль в подготовке обучающихся с легкой интеллектуальной недостаточностью к измерению времени. На этом этапе важно определить, насколько сформированы у них навыки работы с временными показателями.

Основной этап фокусируется на формировании этих навыков в процессе профессионально-трудового обучения. Он включает три основных блока:

1) мотивационный – создание заинтересованности у обучающихся в изучении способов измерения времени;

2) содержательный – непосредственное обучение навыкам измерения времени

через практические занятия, где обучающиеся могут использовать различные инструменты (часы, календари) и методы (планирование, расписание дня);

3) рефлексивный – анализ и осмысление полученных знаний и умений, что позволяет обучающимся понимать важность измерения времени в повседневной жизни и профессиональной деятельности.

Контрольно-оценочный этап необходим для оценки динамики прогресса обучающихся. Этот этап включает диагностику и мониторинг изменений в уровне сформированности навыков измерения времени, что помогает обосновать эффективность проведенной коррекционно-педагогической работы и внести необходимые коррективы в процесс обучения [7].

Применение исследований

Обобщая изученные исследования белорусских авторов и методические разработки, можно провести некоторые параллели с формированием у детей с общим недоразвитием речи пространственно-временных представлений.

Н. В. Крюковская акцентирует внимание на использовании игровых методов обучения. Игры могут быть разработаны с учетом языковых задач, что поможет детям одновременно развивать речевые навыки и пространственные представления. Детям с общим недоразвитием речи можно предложить нарисовать карту своего маршрута от дома до детского сада и обсудить ее, используя лексику, обозначающую направление, взаимное расположение объектов и т. д.

Работа с базовой лексикой, обозначающей пространственные отношения, и последовательность ее изучения, предложенные И. В. Ковалец, позволяют создать основу для понимания более сложных пространственных конструкций. Это может быть применимо в работе с детьми с общим недоразвитием речи, т. к. простые понятия легче воспринимаются и усваиваются ими на начальных этапах коррекционной работы. Методика И. В. Ковалец включает физическую активность, например, повторение движений, связанных с пространственными понятиями. Это позволяет задействовать дополнительную модальность, что является особенно важным для детей с рече-

выми нарушениями: они могут ассоциировать движения с определенными понятиями и последующим их вербальным выражением.

Адаптировать методику И. К. Боровской для работы с детьми с общим недоразвитием речи можно на базе идеи об использовании тактильных и визуальных опор. Возможно включение в занятия различных объектов, которыми можно манипулировать и с которыми можно взаимодействовать (фигурки, модели объектов) для создания наглядного представления о пространственных отношениях. Будет полезно также применение цветных схем или картинок для обозначения направлений (например, стрелки, указывающие на «вверх», «вниз», «вперед», «назад»), что поможет детям визуализировать эти понятия.

Этапы работы с временными представлениями, предложенные О. В. Фоминой, можно также эффективно переложить на обучение детей с общим недоразвитием речи. Игры мотивационного блока могут включать задания на описание событий по времени или использование таймеров для отслеживания длительности игр. «Оречевление» игровых действий будет способствовать и развитию связной речи, и освоению временных понятий. В содержательном блоке будут эффективны задания на использование речевых конструкций, связанных со временем (например, «Я встаю в 7 утра», «Завтра у нас уроки»).

Заключение

Таким образом, исследованием проблемы формирования пространственных и временных представлений у детей с особенностями психофизического развития различных возрастов занимались Н. В. Крюковская, И. В. Ковалец, И. К. Боровская, О. В. Фомина.

Результатами исследований, предложенными этапами и методиками формирования пространственно-временных представлений можно пользоваться при разработке последовательности работы в том числе с детьми с нарушениями речи, а именно с общим недоразвитием речи.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Аблитарова, А. Р. Пространственно-временные представления и особенности их формирования у детей старшего дошкольного возраста / А. Р. Аблитарова, Н. В. Кондрашова // Теория и практика образования в современном мире : материалы VI Междунар. науч. конф., Санкт-Петербург, декабрь 2014 г. – СПб. : Занев. площадь, 2014. – С. 55–59. – URL: <https://moluch.ru/conf/ped/archive/145/6745> (дата обращения: 23.09.2024).
2. Крюковская, Н. В. Формирование пространственных представлений как основы профилактики дискалькулии у обучающихся с нарушениями психического развития (трудностями в обучении) : дис. ... канд. пед. наук : 13.00.03 / Крюковская Наталья Владимировна ; Нац. ин-т образования. – Минск, 2015. – 219 л.
3. Боровская, И. К. Учимся ориентироваться в пространстве : пособие для детей дошкольного возраста с особенностями психофизического развития / И. К. Боровская, И. В. Ковалец. – Минск : Нар. асвета, 2005. – 32 с.
4. Боровская, И. К. Коррекционная работа по развитию пространственно-временной ориентировки у детей дошкольного возраста с интеллектуальной недостаточностью / И. К. Боровская, И. В. Ковалец, Г. В. Савочкина. – Минск : Адукацыя і выхаванне, 2019. – 104 с.
5. Боровская, И. К. Развитие пространственного ориентирования у детей с особенностями психофизического развития / И. К. Боровская // Дефектология. – 2005. – № 2. – С. 50–54.
6. Фомина, О. В. Характеристика представлений о времени и умения ориентироваться во времени у учащихся XI–XII классов вспомогательных школ / О. В. Фомина // Педагогическая наука и образование. – 2018. – № 4. – С. 85–91.
7. Фомина, О. В. Методика формирования способов измерения времени у учащихся с легкой интеллектуальной недостаточностью в процессе профессионально-трудового обучения / О. В. Фомина // Вестник Ленинградского государственного университета имени А. С. Пушкина. – 2022. – № 2. – С. 350–365.

REFERENCES

1. Ablitarova, A. R. Prostranstvienno-vriemiennye predstavlenija i osobiennosti ikh formirovanija u dietiej starshego doshkol'nogo vozrasta / A. R. Ablitarova, N. V. Kondrashova // Tieorija i praktika obrazovanija v sovriemiennom mirie : materialy VI Miezhdunar. nauch. konf., Sankt-Pietierburg, diekabr' 2014 g. – Sankt-Pietierburg : Zaniev. ploshchad', 2014. – S. 55–59. – URL: <https://moluch.ru/conf/ped/archive/145/6745/> (data obrashchienija: 23.09.2024).
2. Kriukovskaja, N. V. Formirovanije prostranstviennykh predstavlienij kak osnovy profilaktiki diskal'kulii u obuchajushchikhsia s narushenijami psikhichieskogo razvitija (trudnostiami v obuchienii) : dis. ... kand. pied. nauk : 13.00.03 / Kriukovskaja Natal'ja Vladimirovna ; Nac. in-t obrazovanija. – Minsk, 2015. – 219 l.
3. Borovskaja, I. K. Uchimsia orijentirovat'sia v prostranstvie : posobije dlja dietiej doshk. vozrasta s osobiennostiami psikhofiz. razvitija / I. K. Borovskaja, I. V. Kovaliec. – Minsk : Nar. asvieta, 2005. – 32 s.
4. Borovskaja, I. K. Korriekcionnaja rabota po razvitiju prostranstvienno-vriemiennoj orijentirovki u dietiej doshkol'nogo vozrasta s intielliektual'noj niedostatochnost'ju / I. K. Borovskaja, I. V. Kovaliec, G. V. Savochkina. – Minsk : Adukacyja i vykhavannie, 2019. – 104 s.
5. Borovskaja, I. K. Razvitije prostranstviennogo orijentirovanija u dietiej s osobiennostiami psikhofizichieskogo razvitija / I. K. Borovskaja // Defiektalohija. – 2005. – № 2. – S. 50–54.
6. Fomina, O. V. Kharaktieristika predstavlienij o vriemieni i umienija orijentirovat'sia vo vriemieni u uchashchikhsia XI–XII klassov vspomogatiel'nykh shkol / O. V. Fomina // Piedagogichieskaja nauka i obrazovanie. – 2018. – № 4. – S. 85–91.
7. Fomina, O. V. Mietodika formirovanija sposobov izmierienija vriemieni u uchashchikhsia s liogkoj intielliektual'noj niedostatochnost'ju v processie profiessional'no-trudovogo obuchienija / O. V. Fomina // Viestnik Lieningradskogo gosudarstviennogo univiersiteta imieni A. S. Pushkina. – 2022. – № 2. – S. 350–365.

Елена Ивановна Медведская

*д-р психол. наук, доц., проф. каф. социальной педагогики и психологии
Брестского государственного университета имени А. С. Пушкина*

Elena Medvedskaya

*Doctor of Psychological Sciences, Associate Professor,
Professor of the Department of Social Pedagogy and Psychology
of Brest State A. S. Pushkin University*

e-mail: EMedvedskaja@mail.ru

КОГНИТИВНЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ ВО ВЗАИМОДЕЙСТВИИ С ИНТЕРНЕТОМ: РЕТРОСПЕКЦИЯ ВЗРОСЛЫХ ПОЛЬЗОВАТЕЛЕЙ

Рассматривается общая проблема трансформации психологии человека в условиях усиливающейся цифровизации. Представлены результаты эмпирического изучения фактологии обыденного сознания, в которой фиксируются последствия интернет-опосредованной деятельности для когнитивных процессов взрослых web-пользователей (внимание, память, мышление, речь). Исследование осуществлено на выборке педагогов с высшей квалификационной категорией (n = 200) в дизайне ретроспективного анализа. Методикой сбора эмпирических данных выступало свободное описание, содержание которого обрабатывалось посредством контент-анализа. Установлено, что позитивные изменения (как когнитивных процессов другого человека, так и своих собственных) представлены на уровне случайности. Появление таких изменений в объяснениях респондентов прямо связывается с наличием у интернет-пользователя метапозиции по отношению к технологии и сформированностью метакогнитивных навыков: целеполагания и самоконтроля.

Ключевые слова: ретроспекция, взрослые интернет-пользователи, онлайн-поиск, внимание, память, мышление, речь.

Cognitive Changes in Interaction with the Internet: a Retrospection of Adults Users

The article is devoted to the general problem of transformation of human psychology in the context of increasing digitalization. The article presents the results of an empirical study of the factology of everyday consciousness, which records the consequences of Internet-mediated activity for the cognitive processes of adult web users (attention, memory, thinking, speech). The study was carried out on a sample of teachers with the highest qualification category (n = 200) in the design of a retrospective analysis. The method of collecting empirical data was a free description, the content of which was processed through content analysis. It was found that positive changes (both in the cognitive processes of another person and in one's own) are presented at the level of chance. The appearance of such changes in the explanations of respondents is directly associated with the presence of a metaposition in relation to technology in the Internet user and the formation of metacognitive skills: goal-setting and self-control.

Key words: retrospection, adult internet users, online-search, attention, memory, thinking, speech.

Введение

Активное внедрение Интернета и других цифровых технологий в различные сферы жизнедеятельности взрослого человека, сформировавшегося в «доцифровую» эпоху, постепенно приводит к перестройке его традиционных видов активности.

Эта перестройка, заключающаяся в переопосредовании психических функций, сложившихся в иных социокультурных условиях, новым культурным инструментарием,

постепенно приводит и к психологическим изменениям.

Направления происходящих в текущее время когнитивных изменений прогнозируются диаметрально противоположными: от предсказаний появления гибридных форм постбиологического интеллекта [1] до вытеснения естественного интеллекта искусственным [2], поскольку информационные технологии «способны заменять или подменять высшие психические функции» [3, с. 46].

Альтернативность существующих прогнозов во многом обусловлена собственным аксиологическим отношением ученых к технологиям, что нормативно для этапа постнеклассической науки [4, с. 33].

Ее можно также объяснить противоречивостью накопленных к настоящему времени эмпирических научных данных и дефицитом исследований взрослых интернет-пользователей, поскольку интересы ученых преимущественно сосредоточены на представителях поколений Z и A, когнитивные процессы которых формируются в условиях гибридной реальности.

Необходимость и неизбежность дальнейшей цифровизации определяет актуальность более точного прогнозирования.

В сложившихся условиях академической неопределенности представляется целесообразным анализ еще одного источника информации, а именно содержания обыденного опыта, в котором отражена стихийная практика использования Интернета.

Интернет предоставляет возможность для реализации разных видов пользовательской активности.

Согласно статистическим данным, наиболее частой причиной обращения к Сети у взрослых белорусов является поиск информации [5, с. 70].

Поскольку этому опыту у белорусских пользователей порядка четверти века, то правомерно обращение к ретроспекции как «особому методу наблюдения (с фиксацией фактов по памяти) и самонаблюдения» [6, с. 422].

Цель настоящего исследования заключается в описании изменений когнитивных процессов, происходящих в процессе онлайн-поиска информации в Интернете, представленных в ретроспективе взрослых пользователей этой технологии.

Предметом исследования выступили такие процессы, как внимание, память, мышление и речь.

Организация исследования

Целевой группой для сбора информации выступили педагоги, имеющие высшую квалификационную категорию, что объясняется следующими причинами.

Во-первых, по роду профессиональной деятельности это лица, являющиеся активными интернет-пользователями.

Во-вторых, это люди не только знакомые с психологией и дифференцирующие различные познавательные процессы, но и являющиеся «практическими когнитивными психологами», поскольку именно актуальное состояние этих процессов и их изменения они должны учитывать при осуществлении образовательного процесса.

Наконец, это лица, имеющие значительный опыт достаточно эффективной профессиональной деятельности, в ходе приобретения которого они должны были бы овладеть общими навыками рефлексии.

В исследовании, проведенном на протяжении 2023–2024 гг., принимали участие 200 педагогов различных специализаций (физики, химики, математики, биологи, историки, филологи) в возрасте средней зрелости от 40 до 60 лет ($M = 49,6 \pm 5,7$), работающих в различных учреждениях среднего образования Брестской области.

Методикой сбора данных выступало свободное описание.

Респондентам (анонимно и добровольно) предлагалось ответить на два вопроса открытого типа: «Замечали ли вы изменения в познавательных процессах другого взрослого человека в ходе онлайн-поиска информации? Если да, то какие?» и «Замечали ли вы изменения в собственных познавательных процессах в ходе онлайн-поиска? Если да, то какие?».

Качественный контент-анализ полученных ответов позволил дифференцировать их на две категории:

- 1) общее направление изменений (позитивное или негативное);
- 2) конкретизация зафиксированных изменений.

Количественная обработка данных состояла в частотном анализе выделенных категорий.

Результаты и их обсуждение

Ожидаемо, что часть поставленных вопросов осталась без ответов. Количество таких пропущенных вопросов относительно отдельных когнитивных процессов отражено в таблице 1.

Таблица 1 – Отсутствие фиксации изменений когнитивных процессов у разных объектов ретроспекции, %

Когнитивный процесс	Объект		φ, p
	другой	Я	
Внимание	38	39	0,2, p > 0,05
Память	33	48	3, p < 0,001
Мышление	40	70	6, p < 0,001
Речь	19	71	11,02, p < 0,001

Данные таблицы 1 демонстрируют, что только изменения внимания оказываются одинаково часто вспоминаемыми по отношению к разным объектам ретроспекции. Трансформации иных познавательных процессов существенно лучше обнаруживаются относительно другого человека, что выступает дополнительным доказательством сложности процесса рефлексии.

Для удобства анализа результаты обработки данных контент-анализа по выделенным категориям содержатся в таблицах. Результаты частотного анализа ответов представлены в процентах от общего числа участников исследования.

Внимание

В таблице 2 отражены описания трансформаций внимания, наблюдаемые у окружающих взрослых.

Таблица 2 – Изменения внимания другого человека при онлайн-поиске, %

Направление изменений			
Позитивное		Негативное	
Улучшается	0,5	Ухудшается	8
		Снижается	4
		Притупляется	0,5
		Уменьшается	0,5
		Ослабевает	0,5
		Теряется	0,5
Конкретизация изменений			
Становится более сосредоточенным	2,5	Становится рассеянным	19
Быстрее переключается	1	Плохая концентрация	6
Повышенное внимание к мелочам	0,5	Трудности в длительной концентрации	6
		Трудности в концентрации на большом объеме информации	4
		Неустойчивое	3
		Сложности переключения	2

Даже поверхностный взгляд на содержание таблицы 2 обнаруживает очевидное доминирование негативных по валентности трансформаций внимания.

Большинство описаний относится к его устойчивости и концентрации.

На уровне случайности фиксируются изменения переключения как в позитивном, так и в негативном направлениях.

Другие свойства внимания (объем, распределение) в ответах респондентов не фигурируют.

Содержательно близкие описания были получены и относительно изменений внимания самих респондентов (таблица 3).

При этом надо отметить, что «зеркальность» воспоминаний (т. е. дублирование ответов относительно когнитивных процессов другого человека и своих собственных) встречалась только в единичных случаях.

Таблица 3 – Изменения собственного внимания при онлайн-поиске, %

Направление изменений			
Позитивное		Негативное	
Улучшается	1,5	Ухудшается	6
		Снижается	3
		Уменьшается	0,5
		Ослабевает	0,5
		«Залипает» в Интернете	0,5
		Отключается в пользу Интернета	0,5
Конкретизация изменений			
Становится более сосредоточенным Появляется «насмотренность» на мелкие детали	3,5	Становится рассеянным	15
	0,5	Плохо концентрируется (трудности сосредоточения)	8
		Становится неустойчивым	8
		Сложности включения в деятельность после онлайн-поиска	2
		Не удерживается долго	1,5
		Сложности сосредоточения на одном объекте	1,5
		Трудности концентрации на одной теме	0,5
		Нарушается концентрации внимания в реальности	0,5
		Присутствует рассредоточение	0,5
		Становится поверхностным	0,5
		Появляется ощущение «каши в голове»	0,5
		Отвлекаюсь на ненужное	0,5

Содержание таблицы 3 демонстрирует, что фактология сохранившихся в памяти респондентов изменений своего внимания также имеет преимущественно негативную валентность. В целом полученные ответы позволяют говорить о том, что интернет-практики ухудшают концентрацию внимания. Внимание становится рассеянным, что соответствует центральной его характеристике у представителей поколения Z [7; 8].

В более развернутых ответах респондентов содержатся указания на потерю пользователем самоконтроля над интернет-опосредованной деятельностью («Человек “залипает” в Интернете и не обращает внимания на происходящее в реальности», «Интернет тормозит мое внимание. Осо-

бенно на какие-то важные вещи, внимание фиксируется на ненужных мне вещах», «Нет желания долго сосредоточиваться на одной теме. Читаю по вертикали, абзацами»), а также на необходимость сознательных усилий по его сохранению («Периодически наблюдаю у себя трудности концентрации. Приходится трудиться, чтобы возвращать высокий уровень», «У всех по-разному, т. к. не все используют интернет-ресурсы одинаково»).

Память

В таблице 4 отражены результаты ретроспекции относительно особенностей работы памяти других интернет-пользователей.

Таблица 4 – Изменения памяти другого человека при онлайн-поиске, %

Направление изменений			
Позитивное		Негативное	
Улучшается	4,5	Ухудшается	21
		Ослабевает	12
		Снижается	4
		Атрофируется	0,5
		Нарушается	0,5
		Минимизируется	0,5

Окончание таблицы 4

Конкретизация изменений			
Возможен обмен увиденным и услышанным Улучшается зрительная память	0,5	Становится кратковременной	11
		Уменьшается объем	4
	0,5	Усиливается забывчивость	1,5
		Заполняется лишней информацией	1,5
		Становится выборочной	0,5
		Становится фрагментарной	0,5
		Быстро забывается информация	0,5

Доминирующим направлением изменений памяти согласно данным таблицы 4 является ее ухудшение, затрагивающее преимущественно долговременную память и выражающееся в трудностях селекции информации для запоминания («Ухудшается. Нет необходимости запоминать информацию. Ее всегда можно посмотреть в Интернете»). Эти обыденные наблюдения полностью отвечают экспериментально доказанному на выборках молодых людей Google-эффекту запоминания, который заключается в изменении его семантики: игнорировании содержания информации и со-

хранении в памяти места ее хранения в Сети [9, р. 778; 10, р. 2564]. Этот эффект повышает вероятность появления «пустоголовых» людей с незаполненной памятью [11, р. 61].

В ответах респондентов он описывается следующим образом: «Многие вещи перестаешь откладывать в памяти, т. к. знаешь, что, нажав на „волшебную кнопку“, ты и так получишь информацию».

Содержание фактов-воспоминаний респондентов относительно собственной памяти представлено в таблице 5.

Таблица 5 – Изменения собственной памяти при онлайн-поиске, %

Изменения собственной памяти при смене покоя, %			
Направление изменений			
Позитивное		Негативное	
Улучшается	6	Ухудшается	18
		Снижается	4
		Ослабляется	2
		Переполнена	1
		Засорена лишней информацией	0,5
		Нарушается	0,5
		Затормаживается	0,5
		Замедляется	0,5
Конкретизация изменений			
Развивается зрительная память Появляется больше новых знаний	1	Становится кратковременной	5
	0,5	Усиливается забывчивость	3,5
		Запоминается «мусор»	1,5
		Становится избирательной	1
		Меньше мелочей держится в памяти	1
		Плохо запоминается информация	1
		Становится меньше объем памяти	1

Содержание изменений собственной памяти (таблица 5) аналогично описанным выше у другого человека.

В качестве позитивных изменений (по частоте встречаемости являющимися исключениями) фиксируется тренировка памяти. В таких ответах содержится указание на Интернет как на средство достижения иных целей: «Учу слова, расширяю свой

кругозор, поэтому память улучшается», «Если Интернет используется человеком для расширения кругозора, то память укрепляется».

Мышление

Результаты оценки респондентами изменений мышления интернет-пользователей представлены в таблице 6.

Таблица 6 – Изменения мышления другого человека при онлайн-поиске, %

Направление изменений			
Позитивное		Негативное	
Улучшается	3,5	Ухудшается	10
		Снижается	8
		Сужается	3
		Затормаживается	2,5
		Упрощается	1,5
		Люди тупеют	1
		Отключается	0,5
		Удручающе минимизируется	0,5
Конкретизация изменений			
Ускоряется (более быстрое)	1	Становится менее логичным	6
Становится более аналитичным	0,5	Превращается в клиповое	4
Становится более разносторонним	0,5	Ориентировано на готовые ответы	2
Развивается фантазия	0,5	Становится образным	2
		Становится ограниченным	2
		Становится шаблонным	1,5
		Становится примитивным	1,5
		Становится спутанным	1
		Более однобоким	1
		Становится не самостоятельным	1
		Превращается в узконаправленное	0,5
		Становится скудным	0,5
		Детское у взрослого	0,5
		Нарушаются причинно-следственные связи	0,5

Данные таблицы 6 демонстрируют содержательное разнообразие описаний негативной направленности изменений, а их конкретизация содержит описание характеристик клипового мышления/сознания [12; 13]. По мнению респондентов, мышление теряет характеристики высокого уровня своего развития – логичность и самостоятельность: «Нет

необходимости развивать мышление, ведь очень быстро можно получить готовые решения», «Люди стали меньше рассуждать, т. к. ответ можно найти в Интернете».

В таблице 7 отражены ответы респондентов, описывающие изменения собственного мышления в интернет-опосредованной деятельности.

Таблица 7 – Изменения собственного мышления при онлайн-поиске, %

Направление изменений			
Позитивное		Негативное	
Развивается	4	Ухудшается	7
		Замедляется	1
		Перегружается	1
		«Зависает» на увиденном	1
		Перегружается	1
		Снижается	1
		Отключается	1
		Захламляет голову	1
		Затормаживается	1
		Становится некогда думать	0,5
Конкретизация изменений			
Становится более аналитичным	1	Снижается критичность	1
Становится более быстрым	0,5	Превращается в клиповое	1
Становится более разносторонним	0,5	Становится не креативным	0,5
Активизируется	0,5	Прыгает с одного на другое	0,5
Появляется много новых идей	0,5	Становится спутанным	0,5
Обнаруживается способность видеть планируемый результат	0,5	Появляется боль в голове	0,5

При анализе данных таблицы 7 обращает на себя внимание идентичная по количественной выраженности и содержательной наполненности вторая категория контент-анализа, в которой конкретизируются альтернативные направления изменений. Относительно негативных изменений пользователи поясняют их появление либо ускорением темпа жизни («Некогда думать. Ищу готовые ответы и варианты»), либо возможностью отказа от усилий благодаря возможностям интернет-технологии («Лень думать самой. Тратю много времени на по-

иск готовых ответов в Интернете. Надо с этим завязывать»). В ретроспективных объяснениях позитивных изменений пользователи отмечают целевое использование Сети, например, «Если использовать Интернет только для работы, то улучшается. Если использовать как средство развлечения, то ухудшается».

Речь

Итоги контент-анализа описания изменений речи другого человека как объекта ретроспекции содержатся в таблице 8.

Таблица 8 – Изменения речи другого человека при онлайн-поиске, %

Направление изменений			
Позитивное		Негативное	
Развивается	0,5	Ухудшается	10
		Упрощается	5
		Обедняется	4
		Страдает	0,5
Конкретизация изменений			
Обогащается словарь	3	Уменьшается словарный запас	9,5
Становится более грамотной	0,5	Появляется интернет-сленг	7
		Становится более ограниченной	5,5
		Появляются проблемы с выражением мысли (трудности подбора слов)	4
		Становится мало связанной	4
		Люди становятся малообщительными «вживую»	3,5
		Становится более краткой (малословной)	3
		Становится невыразительной	2,5
		Становится сокращенной	2
		Становится заторможенной	2
		Становится более примитивной	2
		Появляются слова-паразиты	2
		Становится пресной	1
		Письменная речь становится неграмотной	1
		Речь становится менее выразительной	1
		Копируются фразы из Интернета	1
		Засоряется «словами-вредителями»	1
		Становится конкретной	0,5
		Становится торопливой	0,5
		Появляется клише из Сети	0,5
		Становится не развернутая	0,5

Содержание таблицы 8 позволяет повторить ранее сделанные заключения относительно других познавательных процессов о доминировании негативного вектора изменений, обобщить которые можно как редукцию речевого способа кодирования информации: «Становится беднее», «Отсутствуют развернутые высказывания», «Иногда

человек затрудняется сказать то, о чем думает» и т. п.

Аналогичная фактология присутствует и в описаниях трансформаций собственной речи (таблица 9).

Таблица 9 – Изменения собственной речи при онлайн-поиске, %

Направление изменений			
Позитивное		Негативное	
Развивается	3	Ухудшается	5
		Упрощается	1
		Скучнеет	1
Конкретизация изменений			
Обогащается словарь	3	Не хватает слов, чтобы выразить мысли	5
		Появляется интернет-сленг	2
		Речь насыщена паразитами	2
		Возникает желание меньше говорить	1
		Дольше формулируются мысли	1
		Становится менее связанной	1
		Становится заторможенной	0,5
		Становится более лаконичной	0,5
		Загрязняется	0,5
		Теряется красочность	0,5

Разнообразие отрицательных сдвигов речи, представленных в таблице 9, респонденты объясняют следующим образом: «Нет желания самостоятельно строить любой текст. Обращаемся за образцами в Интернет», «Сложно подобрать нужные слова, поскольку в голове путаница из слов и образов» и др. Итак, в содержании обыденного сознания присутствует фактология упрощения коммуникации, процесс которой спе-

циалисты связывают с появлением особой формы устно-письменной речи, характеризующейся простотой, лаконичностью, эмоциональной насыщенностью, оперированием небольшим количеством синтаксических конструкций и доминированием разговорной лексики [14; 15].

Обобщенные данные о валентности когнитивных изменений (позитивной «+» или негативной «-») содержатся в таблице 10.

Таблица 10 – Фиксация изменений когнитивных процессов у разных объектов ретроспекции, %

Когнитивный процесс	Направление изменений у другого человека			Направление изменений у себя		
	+	-	Ф. р	+	-	Ф. р
Внимание	4,5	50	10,98, $p < 0,001$	5,5	58	12,58, $p < 0,001$
Память	5,5	58	12,58, $p < 0,001$	7,5	41	8,35, $p < 0,001$
Мышление	6	51,5	11,06, $p < 0,001$	7,5	19,5	3,6, $p < 0,001$
Речь	4	73,5	16,57, $p < 0,001$	6	21	4,57, $p < 0,001$

Данные таблицы 10 свидетельствуют, что в среднем позитивные трансформации отмечаются взрослыми интернет-пользователями на уровне случайности. Их очень скромное количество в описаниях обуславливается наличием у пользователя некоторой метапозиции по отношению к Сети, сохранение которой требует определенных сознательных усилий: «В пользовании Интернетом самое главное найти правильный подход и следовать ему. Что у нас далеко не всегда получается», «Интернет – и хорошо, и плохо. Все мне позволено, но не все полезно», «Считаю, что в Интернете много полезного, только если подходить к нему с “умом”, самоконтролем во время использования».

Заключение

Изменения когнитивных процессов при онлайн-поиске в среднем в два раза чаще фиксируются у другого человека по сравнению с собственными процессами. Исключение составляет внимание, к трансформациям которого взрослые продемонстрировали одинаковую сензитивность для разных объектов ретроспекции. Лучше всего рефлексировались изменения собственных внимания и памяти. Существенно хуже поддаются интроспекции мышление и речь. Вероятно, такая дифференциация связана с более сложным и интегративным характером мышления и речи, их прямой связью с самосознанием личности, отраженной в одной из максим Ф. де Ларошфуко: «Всяк жа-

луется на свою память, но никто не жалуется на свой ум».

Взрослыми фиксируются разные направления изменений когнитивных процессов, при этом позитивные трансформации отмечаются на уровне случайности. Основное содержание изменений заключается в следующем:

1) внимание: снижение устойчивости и концентрации;

2) память: ухудшение долговременной памяти и трудности смысловой переработки информации при ее запоминании;

3) мышление: потеря логичности и самостоятельности, ориентация на поиск готовых ответов;

4) речь: сокращение лексического запаса при увеличении слов-паразитов.

Наличие негативных изменений познавательных процессов в обыденном сознании обусловлено возможностями интернет-технологии, «соблазняющей» пользователя к минимизации собственных усилий. Присутствие позитивных изменений связывается со сформированностью у пользователя особой метапозиции по отношению к Интернету. Эта позиция предполагает обращение к Сети как к инструменту реализации собственных целей, выходящих за рамки интернет-опосредованной деятельности, и требует от пользователя высокого уровня развития произвольности.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Dick, S. J. Cultural evolution the postbiological universe and SETI / S. J. Dick // *International Journal of Astrobiology*. – 2003. – № 2. – P. 65–74.
2. Carr, N. The shallows: what the Internet is doing to our brains / N. Carr. – New York : WW Norton, 2011. – 304 p.
3. Тхостов, А. Ш. Психическое здоровье в контексте информационного общества: к вопросу об изменениях в патогенезе и патоморфозе заболеваний (на примере нарушений цикла «сон – бодрствование» / А. Ш. Тхостов, Е. И. Рассказова, В. А. Емелин // *Консультативная психология и психотерапия*. – 2019. – Т. 27, № 3. – С. 44–60.
4. Зинченко, Ю. П. Постнеклассическая методология в клинической психологии: научная школа Л. С. Выготского – А. Р. Лурия / Ю. П. Зинченко, Е. И. Первичко // *Национальный психологический журнал*. – 2012. – № 8. – С. 32–45.
5. Беларусь в цифрах – 2020 : стат. справ. – Минск : Нац. стат. ком. Респ. Беларусь, 2021. – 71 с.
6. Большой психологический словарь / под ред. В. П. Зинченко, Б. Г. Мещерякова. – М. : АСТ ; СПб. : Прайм-Еврознак, 2009. – 811 с.
7. Богачева, Н. В. Мифы о «поколении Z» / Н. В. Богачева, Е. В. Сивак. – М. : НИУ ВШЭ, 2019. – 64 с.
8. The «online brain»: how the Internet may be changing our cognition / J. Firth [et al.] // *World Psychiatry*. – 2019. – Vol. 18. – P. 119–129.
9. Sparrow, B. Google effects on memory: Cognitive consequences of having information at our fingertips / B. Sparrow, J. Liu, D. M. Wegner // *Science*. – 2011. – Vol. 333, nr 6043. – P. 776–778.
10. Dong, G. Behavioral and brain responses related to Internet search and memory / G. Dong, M. N. Potenza // *European Journal of Neuroscience*. – 2015. – Vol. 42, nr 8. – P. 2546–2554.
11. Ward, A. F. Supernormal: how the Internet is changing our memories and our minds / A. F. Ward // *Psychological Inquiry*. – 2013. – Vol. 24. – P. 341–348.
12. Гиренок, Ф. И. Клиповое сознание / Ф. И. Гиренок. – М. : Проспект, 2016. – 256 с.
13. Старицына, О. А. Клиповое мышление vs образование. Кто виноват и что делать? / О. А. Старицына // *Азимут научных исследований: педагогика и психология*. – 2018. – Т. 7, № 2 (23). – С. 270–274.
14. Курилович, Н. В. Функциональная неграмотность как угроза устойчивому развитию современного общества / Н. В. Курилович // *Наука. Культура. Общество*. – 2020. – Т. 26, № 2. – С. 53–62.
15. Пищальникова, В. А. Функциональная неграмотность как следствие утраты доминирующей функции языкового знака в цифровом информационном пространстве / В. А. Пищаль-

никова // Вестник ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2021. – № 2. – URL: <https://doi.org/10.17308/lic.2021.2/3413> (дата обращения: 30.08.2022).

REFERENCES

1. Dick, S. J. Cultural evolution the postbiological universe and SETI / S. J. Dick // International Journal of Astrobiology. – 2003. – № 2. – P. 65–74.
2. Carr, N. The shallows: what the Internet is doing to our brains / N. Carr. – New York : WW Norton, 2011. – 304 p.
3. Tkhostov, A. Sh. Psikhichieskoje zdorov'je v kontiektstie informacionnogo obshchiestva: k voprosu ob izmienienijakh v patogenezie i patomorfozie zabolievaniy (na primierie narushenij cikla «son – bodrstvovaniye» / A. Sh. Tkhostov, Ye. I. Rasskazova, V. A. Jemielin // Konsul'tativnaja psikhologija i psikhotierapija. – 2019. – T. 27, № 3. – S. 44–60.
4. Zinchienko, Ju. P. Postnieklassichieskaja mietodologija v klinichieskoj psikhologii: nauchnaja shkola L. S. Vygotskogo – A. R. Lurija / Ju. P. Zinchienko, Ye. I. Piervichko // Nacional'nyj psikhologichieskij zhurnal. – 2012. – № 8. – S. 32–45.
5. Bielarus' v cifrakh – 2020 : stat. sprav. – Minsk : Nac. stat. kom. Riep. Bielarus', 2021. – 71 s.
6. Bol'shoj psikhologichieskij slovar' / pod ried. V. P. Zinchienko, B. G. Mieshchieriakova. – M. : AST ; SPb. : Prajm-Jevroznak, 2009. – 811 s.
7. Bogachiova, N. V. Mify o «pokolienii Z» / N. V. Bogachiova, Ye. V. Sivak. – M. : NIU VShE, 2019. – 64 s.
8. The «online brain»: how the Internet may be changing our cognition / J. Firth [et al.] // World Psychiatry. – 2019. – Vol. 18. – P. 119–129.
9. Sparrow, B. Google effects on memory: Cognitive consequences of having information at our fingertips / B. Sparrow, J. Liu, D. M. Wegner // Science. – 2011. – Vol. 333, nr 6043. – P. 776–778.
10. Dong, G. Behavioral and brain responses related to Internet search and memory / G. Dong, M. N. Potenza // European Journal of Neuroscience. – 2015. – Vol. 42, nr 8. – P. 2546–2554.
11. Ward, A. F. Supernormal: how the Internet is changing our memories and our minds / A. F. Ward // Psychological Inquiry. – 2013. – Vol. 24. – P. 341–348.
12. Girienok, F. I. Klipovoje soznaniye / F. I. Girienok. – M. : Prospiekt, 2016. – 256 s.
13. Staricyna, O. A. Klipovoje myshlienije vs obrazovaniye. Kto vinovat i chto dielat'? / O. A. Staricyna // Azimut nauchnykh issliedovaniy: piedagogika i psikhologija. – 2018. – T. 7, № 2 (23). – S. 270–274.
14. Kurilovich, N. V. Funkcional'naja niegramotnost' kak ugroza ustojchivomu razvitiju sovremennogo obshchiestva / N. V. Kurilovich // Nauka. Kul'tura. Obshchiestvo. – 2020. – T. 26, № 2. – S. 53–62.
15. Pishchal'nikova, V. A. Funkcional'naja niegramotnost' kak sledstvije utraty dominirujushchiej funkicii jazykovogo znaka v cifrovom informacionnom prostranstvie / V. A. Pishchal'nikova // Viestnik VGU. Sierija: Lingvistika i miezhkul'turnaja kommunikacija. – 2021. – № 2. – URL: <https://doi.org/10.17308/lic.2021.2/3413> (data obrashchienenija: 30.08.2022).

Рукапіс наступиў у рэдакцыю 07.05.2025

Елена Станиславовна Киричик

*психолог Брестского областного центра медицинской реабилитации
для детей с психоневрологическими заболеваниями «Тонус»*

Elena Kirichik

*Psychologist of Brest Regional Center for Medical Rehabilitation
of Children with Psychoneurological Diseases «Tonus»*

e-mail: kirichikelena@yandex.ru

ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ ОБОСНОВАНИЕ МОДЕЛИ ВЗАИМОСВЯЗИ СТРУКТУРЫ САМОСОЗНАНИЯ МАТЕРЕЙ И ВОЗРАСТНЫХ ОСОБЕННОСТЕЙ ДЕТЕЙ*

Рассмотрено понятие материнства как особого вида деятельности женщины. Описано содержание понятия самосознания матери, предпосылки его формирования и факторы, влияющие на его трансформацию. Теоретически обоснована модель структуры самосознания матери, компоненты которого представлены в трех плоскостях: отношение женщины к материнству, отношение к себе как матери, отношение к своему ребенку. Проанализированы и описаны особенности содержания самосознания матери начиная от новорожденности до старшего дошкольного возраста ребенка с учетом характеристик задач возрастного развития и особенностей детско-материнского взаимодействия.

Ключевые слова: материнство, самосознание матери, возрастные задачи развития, взаимодействие матери и ребенка, младенчество, ранний возраст, дошкольный возраст.

Theoretical Substantiation of the Model of Interrelation between the Structure of Mothers' Self-Awareness and Children's Age Characteristics

The article considers the concept of motherhood as a special kind of woman's activity. The content of the concept of mother's self-awareness is considered, the prerequisites of its formation and factors influencing its transformation are described. The model of the structure of mother's self-awareness structure, the components of which are presented in three dimensions: a woman's attitude to motherhood, attitude to herself as a mother, attitude to her child, is theoretically substantiated. The peculiarities of the content of mother's self-awareness from newborn to the older preschool age of the child are analyzed and described, taking into account the characteristics of the age development tasks and the peculiarities of child-mother interaction.

Key words: motherhood, mother's self-awareness, age developmental tasks, mother-child interaction, infancy, early childhood, preschool age.

Введение

Проблема материнства рассматривается в различных концептуальных подходах, однако самосознание женщины как матери до сих пор относится к малоизученным вопросам. Содержание материнства имплицитно подразумевает взаимодействие матери с ребенком, что предполагает рассмотрение материнства как особого вида деятельности женщины, включающего заботу о здоровье и благополучии ребенка.

Материнство как особый вид деятельности женщины характеризуется отличительными особенностями в зависимости от

возраста ребенка. Результатом материнской деятельности является не только выполнение женщиной материнских функций, но и личностные изменения, в т. ч. в самосознании женщины.

Материнство формирует, обогащает и изменяет содержание самосознания женщины. До беременности в самосознании девочки/девушки существует образ себя как будущей матери, но именно беременность и рождение ребенка приносят существенные изменения в содержание самосознания. В самосознании женщины возникает качественно новое образование – самосознание матери, которое трансформирует женщину на себя, на свои отношения с социумом, на ценности и установки. Самосознание матери трансформируется в связи с изменениями материнской деятельности, которая, в свою очередь, наполняется новым содержанием в зависимости от изменяющихся требований социума и возрастных задач разви-

*Статья подготовлена при финансовой поддержке Белорусского республиканского фонда фундаментальных исследований в рамках выполнения НИР «Самосознание молодых женщин как условие формирования мотивации деторождения» (грант номер Г23М-034 на 2023–2025 гг.).

тия ребенка. Однако взаимосвязь содержания самосознания матери и возрастных характеристик ребенка еще не нашла отражения в исследованиях материнства.

Цель статьи – теоретическое обоснование модели структуры и содержания компонентов самосознания матерей в зависимости от возрастных характеристик их детей.

Основная часть

Первый контакт с ребенком запускает механизм взаимодействия матери и ребенка, соответственно, с этого момента в самосознании женщины начинается построение ее материнского самосознания [1].

Структура самосознания матери включает: когнитивный компонент (знания, представления), аффективный компонент (оценки, эмоции, чувства, отношение), регулятивный компонент (направленность, намерение, решение). Данные компоненты определяют три стороны отношения матери: отношение к материнству, отношение к себе как к матери, отношение к ребенку.

Знания о материнстве женщина получает в опыте взаимодействия со своей матерью, с близким окружением. Они включают общее представление о матери, ее роли в семье, в социуме: представления о том, кто такая мать, какие качества ей должны быть присущи. Ценность материнства (аффективный компонент отношения к материнству) является показателем личностной оценки значимости материнства в личностном и социокультурном аспектах. Направленность в отношении реализации материн-

ских функций (регулятивный компонент отношения к материнству) представляет собой спектр функций, стилей воспитания и паттернов общения с ребенком, из которых мать выбирает для себя допустимые для использования (как воспитывают детей? как ведут себя женщины в роли матери?).

Отношение к себе как матери включает образ себя (представление о себе как о матери – телесное Я, деятельное Я, коммуникативное Я, социальное Я и др.): женщина осознает, какие качества, интересы, потребности, навыки, особенности ей присущи. Аффективный компонент самосознания женщины по отношению к себе как к матери включает оценку своих материнских качеств, действий, поступков, что является базой для принятия своих качеств и самоуважения. Вопросы к самой себе: «Как я буду вести себя в роли матери?», «Как я могу реализовать себя как мать?», «Как я могу изменить свое поведение?» позволяют регулировать поведение женщины как матери.

Когнитивный компонент самосознания матери относительно своего ребенка представляет собой знания о своем ребенке, представления о его качествах, навыках. Аффективная оценка своего ребенка включает эмоции и чувства в отношении его самого, его развития и поведения. Направленность в плане воспитания, развития, взаимодействия с ребенком выражается в решении матери о том, какие способы взаимодействия с ним будут эффективны в отношении ее ребенка. Содержание и структура самосознания матери представлена на рисунке.

Рисунок – Модель содержания самосознания матери

По мере взросления ребенка в самосознании матери возникают новые представления, знания, оценки, намерения, цели, решения. Ниже показаны особенности содержания самосознания матерей во взаимосвязи с возрастными особенностями детей.

Новорожденность (0–1 месяц). Поведением новорожденного руководят безусловные рефлексy: сосание, глотание, хватание. Если ребенок голоден или ощущает дискомфорт, он сигнализирует плачем. В период новорожденности ребенок долго спит.

Задачи и результаты возрастного развития новорожденного. Основная задача периода – это восстановление ребенка после рождения и адаптация к внешнему миру, сенсомоторное развитие. Результатом благополучного завершения первого месяца жизни является «комплекс оживления», когда ребенок сосредоточивается на голосе и лице взрослого, энергично двигает руками и ногами, когда слышит и видит взрослого, целенаправленно улыбается.

Благополучный вариант взаимодействия матери с новорожденным. Особенно важно со стороны матери качественное и своевременное удовлетворение потребностей ребенка, создание комфортных условий, обеспечение чувства безопасности. Телесный контакт матери и новорожденного позволяет развивать ребенка и является важным условием формирования привязанности. Безусловное принятие, любовь, отзывчивость, активное и эмоционально положительное взаимодействие с ребенком становятся базой благополучного варианта детско-материнского взаимодействия.

Самосознание матери новорожденного. Когнитивный компонент: в структуре самосознания возникают образы «Мой ребенок», «Я мать», представления о том, как надо ухаживать за новорожденным; представления о себе как о матери еще размытые, неустойчивые; образ ребенка постепенно формируется, мать с ним знакомится. Эмоционально-оценочный компонент: оценка себя как матери часто завышена, идеализированна и представляет, скорее, оценку своих стремлений, намерений быть «хорошей матерью», чем оценку реальной себя. Регулятивный компонент: во взаимодействии с ребенком матери испытывают позитивные чувства, безусловно принимают ребенка, настроены на обеспечение его

потребностей, что может сочетаться с чувством усталости, страха что-то сделать неправильно; появляется принятие ответственности за благополучие ребенка; иногда возникает чувство полного «слияния» с ребенком, когда личные потребности уходят на второй план; обеспечение матерью в первый год жизни ребенка всех необходимых условий для его здоровья и эмоционального благополучия заключается не только в уходе за младенцем, но и в тесном эмоциональном и телесном контакте, своевременном реагировании на его потребности [2–7].

Младенчество (первое полугодие). В поведении младенца преобладает стремление к постоянному телесному контакту со взрослым, ребенок любит находиться на руках, часто вокализует, к 4 месяцам гулит. Как результат развития возникает ситуативно-личностное общение со взрослым. В этом возрасте младенец постепенно учится выделять окружающие предметы, начинает тянуться к ним, учится их захватывать. К 6 месяцам младенец стучит предметами, бросает их.

Задачи и результаты возрастного развития. В первом полугодии младенчества ребенок учится распознавать близких, к 6 месяцам настороженно ведет себя с посторонними людьми. В доречевом развитии возникает лепет. Появляется активный интерес к своему телу: младенец рассматривает и ощупывает свои руки, ноги, тянет их в рот. В этом возрасте формируется акт хватания, к 6 месяцам ребенок перекладывает предмет из одной руки в другую.

Благополучный вариант взаимодействия матери с младенцем. Наряду с тем, что мать удовлетворяет базовые потребности ребенка, она становится основным источником удовлетворения потребности во впечатлениях: мать поет колыбельные, укачивает на руках, использует сенсорные игры, активно привлекает внимание ребенка голосом и жестами. Матерью используется особая речь, когда она экспрессивно выделяет слова, тон ее голоса ласковый, голос более высокий.

Самосознание матери младенца. Когнитивный компонент: в самосознании матери происходит принятие новой реальности, когда в приоритете забота и развитие ребенка, общение с ним; все более устойчи-

вым становится свой образ материнства. Эмоционально-оценочный компонент: принятие матерью своего ребенка как высшей ценности, что становится основой для волевой саморегуляции женщины; самооценка качеств матери нестабильна, она может снижаться по сравнению с периодом новорожденности и зависит от компетентности и успешности материнской деятельности. Регулятивный компонент: женщина в приоритет ставит потребности ребенка, стремится в первую очередь к их удовлетворению.

Младенчество (второе полугодие). Ребенок все больше стремится к общению со взрослым, в их взаимодействие более часто включаются предметы. Развивается стремление к самопознанию: ребенок интересуется своим телом, своим изображением в зеркале. Возрастает физическая и познавательная активность ребенка: младенец постепенно учится ползать, сидеть, вставать у опоры; ребенок интересуется коробками, шкафами, ящиками, любит разбрасывать предметы.

Задачи и результаты возрастного развития. Ребенок в этом возрасте четко различает посторонних и близких людей, реагирует на свое имя, понимает простые инструкции, реагирует на похвалу и запреты, имитирует простые движения и звуки, может указывать жестом на то, что ему интересно. К концу первого года в речи возникают первые осознанные слоги и короткие слова. Для ребенка характерна высокая познавательная и двигательная активность, он начинает ходить, у него возникает интерес к свойствам предметов. Увеличивается стремление к самостоятельности и переживание своей значимости, что вызывает первые протесты, знаменуя кризис одного года.

Благополучный вариант взаимодействия матери с младенцем. Возникает новый вид общения: ситуативно-деловое общение, в котором мать обучает ребенка действиям с предметами и становится своеобразным посредником между ребенком и внешним миром. Матери важно учитывать познавательную активность ребенка, поддерживать стремление к самостоятельности.

Самосознание матери младенца. Когнитивный компонент: женщина осознает себя матерью, но не всегда дифференцирует свои материнские качества; возникают первые чувства собственной компетентности в

вопросах ухода за ребенком, его развития. Эмоционально-оценочный компонент: во взаимодействии с ребенком мать испытывает положительные чувства; самооценка матери продолжает зависеть от успеха в ее материнской деятельности. Регулятивный компонент: уход и развитие ребенка становятся ведущей задачей материнской деятельности, мать стремится выработать свой воспитательный подход к ребенку; одна из важнейших функций матери в отношении ребенка – обеспечение развития у ребенка базового доверия к миру (Д. В. Винникотт, Э. Эриксон) [8; 9].

Ранний возраст (1–3 года). Поведение и развитие ребенка. Общение со взрослым обогащается все более частыми речевыми обращениями со стороны ребенка: характерно интенсивное развитие речи, увеличение словарного запаса, имитация речи взрослого, появляются первые фразы и предложения. У ребенка возникает интерес к общению со сверстниками. Он учится выражать и понимать эмоции, активно проявляет потребность в реализации собственного «я». Восприятие мира становится предметным, в деятельности присутствуют соотносящие действия и орудийные действия [10].

Задачи и результаты возрастного развития. К концу раннего возраста ребенок психологически отделяет себя от взрослых, отделяет от себя свои действия, относится к себе как к самостоятельной личности. В общении ребенка уже преобладает фразовая речь. Ребенок все более осваивает навыки самообслуживания. Предметная деятельность ребенка становится основой игровой деятельности. Итогом возрастного развития становится кризис трех лет, который проявляется нарастанием негативизма, упрямства, своеволия и др.

Благополучный вариант взаимодействия матери с ребенком. Мать является посредником в познании ребенком мира, себя, развитии познавательных процессов и речи, отношений с другими детьми и взрослыми. Мать обучает навыкам самообслуживания, нормам поведения в обществе, со сверстниками. Продуктивным можно назвать взаимодействие, когда к действиям ребенка мать проявляет внимательность и интерес, организует совместную игровую деятельность, поощряет его самостоятельность.

Самосознание матери. Когнитивный компонент: проявления возрастного кризиса ребенка стимулируют мать осознать возрастающую активность ребенка, стремление познавать и быть самостоятельным; изменяется «образ ребенка» в самосознании матери: мать видит, что ребенок все меньше нуждается в ее помощи, теперь он многое может сам, меняются его потребности; мать стремится понять причины поведения ребенка. Эмоционально-оценочный компонент: оценка новых способностей, возможностей, достижений ребенка дает возможность переоценить свои требования по отношению к развитию и поведению ребенка; переоценить свое материнское поведение, свои способы взаимодействия, свою эмоциональную и поведенческую саморегуляцию. Регулятивный компонент: мать стремится научиться взаимодействовать так, чтобы минимизировать кризисные проявления, научиться новым способам развития ребенка; возникает стремление не просто ухаживать и развивать ребенка, но и выбрать стиль воспитания и обучения.

Дошкольный возраст (3–5 лет). Поведение и развитие ребенка. Общение со взрослым становится формой удовлетворения потребности ребенка в познании: ребенок часто задает вопросы буквально обо всем. В общении со сверстниками присутствует эмоционально-практическая форма взаимодействия. Постепенно складывается система сенсорных эталонов, формируется система понятий об окружающем мире и самом себе. В игровой деятельности используются предметы-заместители, возникают предпосылки сюжетно-ролевой игры [11; 12].

Благополучный вариант взаимодействия матери с ребенком. Переживания матери сосредоточены на адаптации, благополучии ребенка в детском саду. Взаимодействие матери и ребенка носит дидактически-игровой характер: мать развивает в ребенке волю, нравственные качества, умение общаться со сверстниками и взрослыми, формирует способность к критической самооценке, развивает бережное отношение к окружающей среде, навыки самостоятельности. Мать выступает в роли первого учителя, удовлетворяя познавательный интерес ребенка.

Задачи и результаты возрастного развития. В общении ребенка со взрослыми и сверстниками присутствует внеситуативно-познавательная форма и ситуативно-деловая форма общения (сотрудничество). В этом возрасте у детей возникает пристальный интерес к деятельности сверстников, проявляется потребность в принадлежности к детской социальной группе. Речь детей становится более грамматически правильной, значительно расширяется словарный запас. У детей появляются социальные эмоции и попытки управлять ими. Игра носит сюжетно-ролевой характер.

Самосознание матери. Когнитивный компонент: в образе Я становятся более актуальными представления о себе не только как о хозяйке, жене и матери, но и как специалисте в профессиональной деятельности; образ ребенка меняется с поступлением в детский сад на образ ребенка, включенного в социум, дошкольника. Эмоционально-оценочный компонент: оценка себя как матери на данном этапе взросления ребенка во многом связана с достижениями и трудностями ребенка в детском саду; происходит оценка себя как профессионала, оценка своей реализации как жены и хозяйки. Регулятивный компонент: женщина нацелена на когнитивное развитие ребенка, формирование в ребенке культурных образцов поведения, нравственных качеств, коммуникативных умений, развитие самостоятельности, а также на собственную профессиональную реализацию, личностный рост.

Старший дошкольный возраст (5–7 лет). Для детей этого возраста характерно стремление к сотрудничеству. Дети активно играют со сверстниками, в их общении возникают зачатки дружбы. Поведение дошкольников становится произвольным. В деятельности дети проявляют воображение.

Задачи и результаты возрастного развития. В этом возрасте форма общения со сверстниками становится внеситуативно-деловой. Происходит становление нравственных форм поведения, осознание некоторых своих поведенческих качеств. Возникают обобщенные эмоциональные переживания, стремление управлять своим вниманием и поведением. Дошкольник способен к самооценке. Формируется понимание времени. Возникает внутренняя речь [12].

Благополучный вариант взаимодействия матери с ребенком. Взаимодействие матери и ребенка не только носит характер поддержки и любви, но все больше становится обучающим. Мать обогащает знания ребенка о его образе Я, о культурных нормах поведения и общения, развивает моральные качества, учит уважать правила, учит сочувствию к другим, формирует чувство ответственности. Мать расширяет знания ребенка об окружающей среде, людях, отношениях в обществе, математические представления, обучает чтению и письму.

Самосознание матери. Когнитивный компонент: образ ребенка обновляется, теперь это образ будущего школьника; образ Я женщины включает представления о себе как о личности, профессионале; материнский образ включает в себя качества, направленные на воспитание и обучение ребенка. Эмоционально-оценочный компонент: оценка себя как матери связана с готовностью ребенка к школьному обучению, его поведением, навыками общения. Регулятивный компонент: направленность действий и решений матери включает не только воспитание, развитие, но и обучение ребенка, его подготовку к школе.

Заключение

Проведенный анализ показывает, что особенности поведения и развития ребенка, особенности детско-материнского взаимодействия взаимосвязаны с происходящими в детском возрасте возрастными изменениями ребенка и влияют на содержание структурных компонентов материнского самосознания. На каждом возрастном этапе развития ребенка возникают новые требования к изменению отношения матери к ребенку, изменению общения с ним и подходов к его обучению и воспитанию. Взросление ребенка вносит изменения в функции матери, обогащает ее опыт, тем самым трансформируя ее самосознание.

Понимание особенностей самосознания матери, его возникновения и изменений, исследование содержания самосознания через характеристику его структуры и во взаимосвязи с возрастными особенностями ребенка определяет основания для психологической поддержки матерей, испытывающих проблемы в принятии своего материнства, нахождении благоприятных способов общения и взаимодействия с ребенком в определенном возрастном периоде его развития.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Филиппова, Г. Г. Психология материнства : учеб. пособие / Г. Г. Филиппова. – М. : Изд-во Ин-та психотерапии, 2002. – 240 с.
2. Фогель, А. В. Онтогенетические особенности макро- и микроэлементного статуса женского организма / А. В. Фогель, О. А. Бутова // Современный мир, природа и человек. – 2009. – Т. 1. – С. 4–7.
3. Мещерякова, С. Ю. Путь к материнству начинается с младенчества: в кругу семьи / С. Ю. Мещерякова // Дошкольное воспитание. – 2002. – № 11. – С. 81–89.
4. Лисина, М. И. Роль общения в психическом развитии ребёнка / М. И. Лисина // Вестник практической психологии образования. – 2012. – № 4 (33). – С. 92–96.
5. Harlow, H. F. The Nature of Love / H. F. Harlow // American Psychologist. – 1958. – № 12. – P. 673–685.
6. Хорни, К. Женская психология / К. Хорни. – СПб. : Вост.-Европ. ин-т психоанализа, 1993. – 222 с.
7. Ляксо, Е. Е. Акустические характеристики материнской речи, адресованной младенцам второго полугодия жизни / Е. Е. Ляксо, О. В. Челибанова, В. И. Галунов // Психологический журнал. – 2003. – Т. 24, № 5. – С. 58–68.
8. Винникотт, Д. В. Мать и дитя. / Д. В. Винникотт. – Екатеринбург : ЛИТУР, 2004. – 296 с.
9. Эриксон, Э. Г. Детство и общество / Э. Г. Эриксон ; пер., науч. ред. А. А. Алексеева. – СПб. : Психол. центр «Ленато»; Балашиха : Фонд «Универитет. кн.», 1996. – 589 с.
10. Исенина, Е. И. О некоторых понятиях онтогенеза базовых качеств матери / Е. И. Исенина // Журнал практического психолога. Тематический выпуск : Перинатальная психология и психология родительства. – 2003. – № 4–5. – С. 49–63.

11. Психология человека от рождения до смерти / В. А. Аверин [и др.] ; под ред. А. А. Реана. – М. : Прайм, 2015. – 656 с.
12. Валитова, И. Е. Детская психология : учеб. пособие для студентов психол. и пед. специальностей / И. Е. Валитова, И. В. Шматкова. – Минск : Нар. асвета, 2017. – 445 с.

REFERENCES

1. Filippova, G. G. Psikhologija matierinstva : uchieb. posobije / G. G. Filippova. – M. : Izd-vo In-ta psikhotierapii, 2002. – 240 s.
2. Fogiel', A. V. Ontogienetichieskije osobiennosti makro- i mikroeliemientnogo statusa zhen-skogo organizma / A. V. Fogiel', O. A. Butova // Sovriemiennyj mir, priroda i chieloviek. – 2009. – T. 1. – S. 4–7.
3. Mieshchieriakova, S. Ju. Put' k matierinstvu nachinajetsia s mladienchiestva: v krugu siem'i / S. Ju. Mieshchieriakova // Doshkol'noje vospitanije. – 2002. – № 11. – S. 81–89.
4. Lisina, M. I. Rol' obshchienija v psikhichieskom razvitii riebronka / M. I. Lisina // Viestnik praktichieskoj psikhologii obrazovanija. – 2012. – № 4 (33). – S. 92–96.
5. Harlow, H. F. The Nature of Love / H. F. Harlow // American Psychologist. – 1958. – № 12. – S. 673–685.
6. Khorni, K. Zhenskaja psikhologija / K. Khorni. – SPb. : Vost.-Jevrop. in-t psikhoanaliza, 1993. – 222 s.
7. Liakso, Je. Je. Akustichieskije kharakteristiki matierinskoj riechi, adresovannoj mladiencam vtorogo polugodija zhizni / Je. Je. Liakso, O. V. Chielibanova, V. I. Galunov // Psikhologichieskij zhurnal. – 2003. – T. 24, № 5. – S. 58–68.
8. Vinnikott, D. V. Mat' i ditia / D. V. Vinnikott. – Jekatierinburg : LITUR, 2004. – 296 s.
9. Erikson, E. G. Dietstvo i obshchiestvo / E. G. Erikson ; pier., nauch. ried. A. A. Alieksiejeva. – SPb. : Psikhol. centr «Lienato» ; Balashikha : Fond «Univiersitiet. kn.», 1996. – 589 s.
10. Isienina, Je. I. O niekotorykh poniatijakh ontogieneza bazovykh kachiestv matieri / Je. I. Isienina // Zhurnal praktichieskogo psikhologa. Tiematichieskij vypusk : Pierinatal'naja psikhologija i psikhologija roditiel'stva. – 2003. – № 4–5. – S. 49–63.
11. Psikhologija chielovieka ot rozhdienija do smierti / V. A. Avierin [i dr.] ; pod ried. A. A. Rieana. – M. : Prajm, 2015. – 656 s.
12. Valitova, I. Je. Dietskaja psikhologija : uchieb. posobije dlja studentov psikhol. i pied. spicial'nostiej / I. Je. Valitova, I. V. Shmatkova. – Minsk : Nar. asvieta, 2017. – 445 s.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 10.04.2025

УДК 159.9

DOI 10.63874/2218-029X-2025-1-126-134

Александр Николаевич Пастушеня*д-р психол. наук, проф., зав. каф. социально-гуманитарных дисциплин
Международного университета Федерации профсоюзов Беларуси «МИТСО»***Alexander Pastushenya***Doctor of Psychological Sciences, Professor, Head of the Chair of Social and Humanitarian Disciplines
of International University of the Federation of Trade Unions of Belarus «MITSO»**e-mail: anp-1308@yandex.ru*

ПЕРСОНАЛЬНАЯ ПСИХОДИАГНОСТИКА ЛИЧНОЙ ПОЗИЦИИ НА ОСНОВЕ ПРОЕКТИВНОГО ПОДХОДА: ОПЫТ СОЗДАНИЯ МЕТОДИКИ (ч. 1)

Отмечаются особенности проведения персональной психодиагностики личной деятельности или поведенческой позиции при заинтересованности респондентов в ее благоприятных результатах, в связи с чем необходимо обеспечение антисимуляционной валидности диагностической методики. Излагается теоретическая модель психологической сущности такой позиции, которая выступает основой для определения ее диагностически значимых феноменов. Обосновывается рациональность использования проективного подхода в персональной диагностике личных позиций на основе стимулирования описательной и рассудительной активности респондентов, в которой могут находить проявления диагностически значимые феномены-признаки содержания личной позиции. Отмечаются присущие деятельности и ее субъекту явления, которые могут выступать объектами таких описаний и рассуждений респондентов в процессе диагностики их позиции.

Ключевые слова: *позиция личности, персональная психодиагностика личной позиции, антисимуляционная валидность методики психодиагностики, проективный подход в психодиагностике, описательно-рассудительный метод реализации проективного подхода, диагностически значимые феномены-признаки личной позиции.*

Personal Psychodiagnostics of Personal Position on the Basis of Projective Approach: Experience of Methodology Development (Part 1)

The features of conducting personal psychodiagnostics of personal activity or behavioral position are noted when respondents are interested in its favorable results, in connection with which it is necessary to ensure the anti-simulation validity of the diagnostic method. A theoretical model of the psychological essence of such a position is presented, which serves as the basis for determining its diagnostically significant phenomena. The rationality of using a projective approach in personal diagnostics of personal positions is substantiated based on stimulating the descriptive and rational activity of respondents, in which diagnostically significant phenomena-signs of the content of a personal position can be manifested. The phenomena inherent in the activity and its subject are noted, which can act as objects of such descriptions and reasoning of respondents in the process of diagnosing their position.

Key words: *personality position, personal psychodiagnostics of personal position, anti-simulation validity of psychodiagnostics methods, projective approach in psychodiagnostics, descriptive-reasoning method of implementing the projective approach, diagnostically significant phenomena-signs of personal position.*

Введение

В психологической практике высокую востребованность имеет психодиагностика predispositions личности в виде склонностей к определенным поступкам, видам деятельности и их стилевым особенностям, а также личных (личностных) позиций, выражающих оценочные убеждения и связанные с ними намерения по осуществлению профессиональной или иной деятельности с определенными ценностно-целевыми ориентирами и качественными характеристиками. Персональная

психодиагностика таких склонностей, позиций и иных личностных свойств, когда респонденты заинтересованы в их определенных результатах, существенно отличается от анонимной, проводимой при ее групповой организации. При персональной диагностике респонденты, стремясь показать себя благоприятно для своих интересов, умышленно искажают ответы на вопросы или выполнение иных диагностических заданий, когда понимают, как это следует делать, оценивая стимульный материал в опросниках, тестах, интервью. Такое

искажение выражается в несоответствии ответов, суждений и иных реакций респондентов подлинным взглядам, отношениям, желаниям и иным явлениям психического мира личности. Это явление близко по значению к «эффекту фасада», выражающемуся в стремлении создавать благоприятное впечатление о себе, соответствовать «социальной желательности» даже при отсутствии специальной личной заинтересованности [1, с. 259–261]. Достаточно ясное понимание респондентами, каким образом необходимо себя демонстрировать, искажая выполнение диагностических заданий, имеет место, когда диагностика построена на их самооценках и самооценках, на выражении ими мнений, представлений, отношений, чувств и других признаков диагностируемых свойств. Исключение представляет лишь персональная психодиагностика при обращении человека за психологической помощью, когда он заинтересован в «объективности» ее результатов, хотя при этом может усугублять демонстрацию своих проблем и страданий.

Персональная психодиагностика личных позиций, намерений, склонностей и личностных явлений, которой присуща заинтересованность респондентов в ее благоприятных результатах, может осуществляться при отборе на определенные виды государственной деятельности и обучение по ним, выдвижении на должности со специфическими требованиями к личным качествам, когда важным критерием является приверженность профессии и трудовой организации, целям ее деятельности, личной недопустимости противоправных деяний, а также для оценки личных позиций, значимых для эффективного труда. Такие данные также необходимы для индивидуальной работы по профессиональному воспитанию.

Еще одно из предназначений персональной диагностики, значимой для личных интересов респондентов, заключается в выявлении криминальной предрасположенности и ее противоположности – антикриминальной устойчивости в отношении определенных противоправных деяний при осуществлении судебно-экспертной, исправительной и профилактической деятельности. Такая психодиагностика имеет значение для принятия судебных решений в уголовной юстиции, в частности о замене назна-

ченного уголовного наказания более мягким или применении условно-досрочного освобождения. Она также необходима для проведения исправительной и профилактической работы с лицами, совершившими преступления, для определения мер профилактики, для определения мер профилактики контроля и влияния. На проблеме намеренной фальсификации при выполнении диагностических испытаний в ситуации судебно-психологических исследований обращают внимание К. В. и М. Г. Карпинские, предлагая рекомендации по упорядочению оборота специального психодиагностического инструментария, используемого в экспертных целях [2].

С учетом отмеченной проблемы персональной психодиагностики при заинтересованности респондентов в ее благоприятных результатах, важной научно-практической задачей видится создание ее методик, исключающих или существенно минимизирующих умышленные искажения респондентами коммуницируемой диагностически значимой умственной деятельности, что можно считать обеспечением антисимуляционной валидности этих методик. Такая валидность выражается в том, что респонденты не осознают, как необходимо реагировать на стимульный материал для благоприятной диагностической самопрезентации. Для создания такой методики, предназначенной для выявления наличия и степени выраженности определенной поведенческой или деятельностной предрасположенности личности, которая находит свое конкретное проявление в ее позиции, склонности, необходимо решение комплекса научных задач.

1. Обоснование структурно-содержательной модели диагностируемой предрасположенности, представляющей совокупность образующих ее психологических свойств, а также возможных сопряженных с ними свойств (их предикторов) с определением их типологии. Опираясь на эту модель и типологию, должно осуществляться диагностическое выявление составляющих этой предрасположенности, по которым можно оценить ее наличие, содержание и степень выраженности.

2. Определение феноменов проявления структурных составляющих выявляемой предрасположенности и их возможных диагностических признаков.

3. Разработка приемов диагностического стимулирования проявления признаков структурных составляющих (и предикторов) выявляемой предрасположенности, которые не должны осознаваться респондентами в такой степени, чтобы понимать, каким образом их следует выполнять для благоприятной самопрезентации.

4. Разработка мер по снижению установок респондентов на критичность в отношении к диагностическим заданиям и на искажение коммуницирования их психической деятельности в реагировании на стимульный материал (ответах на вопросы, выполнении заданий).

5. Формулирование правил фиксации, интерпретации, оценки и обобщения диагностически значимых актов психической деятельности респондентов, выступающих признаками выявляемой предрасположенности.

Основная часть

Представим наши предложения по решению этих задач на основе теоретического моделирования, экспертных оценок замысла и структуры диагностической методики, используемых в ней приемов и фиксируемых диагностических реакций и иных феноменов активности респондентов, а также практической апробации автором и его коллегами, оценок ее результативности в соотношении с объективными данными о реально проявляемой личной позиции респондента в деятельности (поведении).

В настоящей статье для конкретизации научной информации, обеспечивающей ее практическую полезность, остановимся на диагностике позиции личности в отношении профессиональной занятости, включающей вид трудовой деятельности, ее условия и материальное стимулирование.

Как было отмечено, диагностика профессиональной позиции личности должна основываться на ее теоретической модели, представляющей функционально целостную совокупность составляющих позиции с их функциональными связями. Нами были разработана такая модель на основе идеи о том, что личная позиция, выражающая намерение иметь определенную занятость (вид профессиональной деятельности с ее условиями), улучшить ее или сменить, определяется ее субъективной представлен-

ностью на ценностно-смысловом, эмоциональном, установочно-деятельностном уровнях. При преобладающе положительной субъективной представленности занятости, интегрирующей ее составляющие на указанных уровнях, имеет место ее личностная приемлемость. В случае если ее представленность является преобладающе отрицательной, занятость неприемлема для лица, и у него возникает намерение ее сменить при субъективной оценке такой возможности. Промежуточный вариант представляет противоречивая субъективная представленность занятости, когда одни ее составляющие приемлемы для лица, а другие вызывают неудовлетворенность, и это обуславливает намерение ее сменить при возникновении более благоприятного варианта [3].

Конкретизируя, отметим, что личностными явлениями (феноменами) приемлемости занятости выступают:

1) ее преобладающе положительное ценностно-смысловое значение в совокупности составляющих (доход, процесс, нагрузка, условия осуществления, стабильность в перспективе, карьерный рост), которое формируется при ее соотношении с иными вариантами и социальными возможностями. Такое значение связано с ожиданиями, охватывающими стабильность занятости, уровень дохода, карьерные перспективы, совершенствование процесса, объема нагрузки и др., а также сравнительные оценки этих составляющих занятости с аналогичными, присущими иным субъективно допустимым видам занятости;

2) преобладающе положительная эмоциональная окрашенность занятости, которая может касаться процесса, результатов, условий, взаимодействий и других составляющих; эту эмоциональную представленность занятости можно рассматривать как интегративное эмоциональное отношение к ней;

3) привычность осуществления профессиональной деятельности и ее условий, проявляющаяся в подсознательном тяготении к ее осуществлению, нахождению в профессиональном статусе, в трудовом коллективе, в привычных условиях, а также в реализации выработанных умений и навыков деятельности, которая приносит удовлетворение потребности в профессиональной самореализации. Все эти проявления можно отнести к установочно-деятельност-

ному уровню субъективной представленности занятости;

4) положительное отношение к себе в роли субъекта профессиональной деятельности (профессиональное самоотношение), которое закономерно проявляется как проекция в виде положительного отношения к «другому» в роли такого субъекта [4].

Отметив основные составляющие личностной приемлемости профессиональной занятости, далее необходимо определить ее феномены и их признаки, проявление которых следует стимулировать в процессе диагностики, а также диагностические приемы такого стимулирования. Определение этих феноменов и приемов стимулирования их проявления должно отвечать диагностическому подходу, который предполагается использовать. Для персональной диагностики при заинтересованности респондентов в ее благоприятных результатах необходимо использование таких диагностических стимулов (вопросов, заданий), которые респонденты не могут достаточно ясно оценить с точки зрения того, как на них реагировать (отвечать, выполнять) для обеспечения желаемых диагностических выводов. Отсутствие такой ясности затрудняет симулирование ими «правильных» реакций. В научной литературе и диагностической практике сложилось мнение, что в наибольшей степени этому требованию соответствуют ассоциативный, семантический и проективный подходы (методы), которые опираются на закономерность обусловленности психической деятельности при выполнении диагностических заданий (реагировании на стимульный материал) личностными свойствами респондента, которые подлежат выявлению. Такие свойства выражают, в частности, личные представления о явлениях, отношение к которым изучается (в т. ч. приемлемость определенной профессиональной деятельности, занятости или определенного деяния), их ценностно-смысловое значение, эмоциональную окрашенность, личные критерии и семантические комплексы их оценки, ожидания последствий и др. Не претендуя на детальный анализ указанных подходов в рамках данной статьи, отметим их особенности, имеющие значение для нашей исследовательской проблемы. Так, методу направленных ассоциаций, используемому, например, в

методике «незаконченных предложений», присуща высокая частота несоответствия содержания выдаваемых респондентами ассоциативных реакций (высказываний) тому, которое значимо для решения диагностической задачи, в частности для выявления отношения к определенной деятельности, поведению, к определенным социальным субъектам, условиям и иным явлениям. Ассоциативному методу присуща также высокая степень понимания респондентами того, какие реакции следует коммуницировать, чтобы обеспечить желаемую самопрезентацию, и/или какие не выражать. Это обнаружено, в частности, в обсуждениях с потенциальными респондентами, как надо завершать незаконченные предложения в тесте Сакса – Леви [4], чтобы показать себя положительно или не показать отрицательно (это осознается чаще).

Из методик, отнесенных к семантическому подходу, в настоящее время, как отмечает К. В. Карпинский, наибольшую популярность для построения семантических пространств приобретает метод семантического дифференциала [5, с. 233]. При использовании этого метода для выявления личного отношения к определенной деятельности (поведению) необходимо применение биполярных шкал, выражающих «отношение» в виде прилагательных или изображений, что вполне понятно респондентам с точки зрения желательной самопрезентации. Применение же оценочных критериев, относящихся к иным шкалам, выражающим, например, динамику, предсказуемость, отдаленность объекта отношения и другие его характеристики, не релевантно личному отношению к определенной деятельности (поведению), в связи с чем респонденты используют по таким критериям нейтральные оценки. В этой связи применение данного метода для диагностики личной позиции не обеспечено должной антисимуляционной валидностью, что снижает адекватность диагностических выводов.

Наиболее приемлемым для персональной психодиагностики личной деятельности или поведенческой позиции (предрасположенности) представляется проективный подход. Как верно отмечает Д. А. Леонтьев, он основывается на процессах восприятия и воображения, несущих на

себе отпечаток личностных свойств и состояний [6, с. 38–43].

Этот подход реализуется с помощью ряда методик, классификация которых представлена в аналитических обзорах, в частности С. Л. Бурлачуком [1, с. 290–294]. Квалифицированный анализ проективных методик с оценкой возможностей их использования применительно к психодиагностике личностного смысла и смысложизненного кризиса осуществил К. В. Карпинский [7, с. 42–52]. Положения этого анализа являются полезными для задач нашего исследования. Можно считать, что проективные методики основываются на нескольких методах реализации проективного подхода, в которых используется специфический стимульный материал для генерации проявлений респондентом психических феноменов, выражающих диагностируемые явления. Из представленных в классификации методов реализации проективного подхода могут использоваться для психодиагностики личной позиции интерпретативный, экспрессивный, импрессионный, аддитивный. Однако их применение с этой целью связано с рядом проблем, включая сложность разработки и практического использования методики для диагностики деятельностной и поведенческой позиции; частое несоответствие умственной деятельности респондентов при выполнении диагностических заданий той феноменологии, которая значима для диагностических выводов; неоднозначность интерпретации этой умственной деятельности, коммуницируемой респондентами в диагностическом обследовании.

Для результативной и практически удобной реализации проективного подхода в диагностике личной позиции в отношении определенной деятельности (поведения) нами апробирована и совместно с коллегами продуктивно используется методика, стимулирующая умственную активность респондентов в виде описаний различных сторон этой деятельности (поведения) и рассуждений о ней, ее результатах и субъектах. Описание понимается как словесное изображение деятельности (поведения), перечисление и раскрытие ее характеристик, а рассуждение – как мысли, суждения, умозаключения о ней, объяснения ее и присущих ей явлений [8]. В описаниях и рассуждениях респондента находят свои проявле-

ния ценностно-смысловая, эмоциональная, сенсорно-образная, семантическая, морально-оценочная, установочно-исполнительная и иная представленность деятельности (поведения) в психическом мире личности, а также представленность явлений, выступающих ее предикторами, и ее субъектов. Такая умственная активность с ее коммуницированием в процессе беседы стимулируется комплексом обобщенных по своему содержанию вопросов и заданий (предложений), не требующих непосредственно выражать оценочные мнения и личные отношения, но ориентирующих на описание деятельности (поведения) и рассуждения о ней в ее различных аспектах и связях и о ее субъектах. Эти вопросы и задания выстраиваются в последовательность и позволяют разнообразно стимулировать проявление (проецирование) признаков тех феноменов, которые определяют личное отношение к деятельности (поведению), ее приемлемость либо неприятие. При этом в качестве признаков диагностируемой субъективной представленности деятельности (поведения) выступает не только семантика высказываний респондента, но и сопутствующие им иные речевые и неречевые явления. Синтез содержания проявляемых респондентом признаков различных сторон субъективной представленности деятельности (поведения) позволяет определить преобладающее содержание ее целостной представленности в психическом мире личности в ракурсе отношения к ней и ее приемлемости или неприятия. Причем эта целостная представленность может иметь противоречивое содержание, что будет выражать сущность противоречивой позиции личности.

Отмеченный метод реализации проективного подхода мы предлагаем назвать *описательно-рассудительным*. Он предусматривает использование в качестве стимульного материала обобщенные вопросы и задания (просьбы, предложения), побуждающие описывать деятельность (поведение, деяние) с различных сторон и в различных связях, а также рассуждения о ней, в т. ч. «от другого лица», выступающего ее субъектом, рефлексировать присущие ему психические явления. Так, при диагностике профессиональной позиции личности диагностическое стимулирование описаний и рассуждений может касаться: процесса дея-

тельности, ее личностно значимых результатов и вознаграждения, условий труда, перспективы занятости по ней, субъекта этой деятельности (со свойствами, сходными с респондентом), присущей ему мотивации труда, настроений, личных качеств, сравнений занятости с иными ее видами, социального отношения к ней и других ее сторон. Необходимо отметить, что использование описательно-рассудительного метода реализации проективного подхода хорошо подходит для контекста обычной де-

ловой беседы, что благоприятно для снижения напряжения и критичности респондента, повышения спонтанности его диагностически значимой умственной деятельности с ее коммуницированием.

Обобщая изложенное, представим схему построения психодиагностики личной позиции на основе описательно-рассудительного метода реализации проективного подхода (рисунок).

Рисунок – Схема построения психодиагностики личной позиции
(на основе описательно-рассудительного метода реализации проективного подхода)

Заключение

1. Персональная психодиагностика склонностей, позиций и иных личностных свойств, когда респонденты заинтересованы в ее благоприятных для себя результатах, существенно отличается от анонимной

и требует разработки специального диагностического инструментария, обладающего антисимуляционной валидностью. Такая диагностика осуществляется, в частности, при профессиональном отборе и продвижении, когда важным критерием является

приверженность профессии и трудовой организации целям ее деятельности, личной недопустимости противоправных деяний. Еще одно из ее предназначений заключается в выявлении криминальной предрасположенности личности (как и антикриминальной устойчивости) при осуществлении судебно-экспертной, исправительной и профилактической деятельности.

2. Наиболее рациональным подходом к проведению персональной психодиагностики деятельностью (поведенческой) позиции, как и иных свойств личности, при указанной заинтересованности респондентов выступает проективный подход. Он может быть реализован с указанной диагностической целью посредством различных методов стимулирования диагностически значимой активности респондентов, в частности интерпретативного, экспрессивного, импрессивного, аддитивного, которые имеют ряд недостатков при практическом использовании. Предлагается рациональный и апробированный метод реализации проективного подхода на основе стимулирования описательной и рассудительной коммуницируемой умственной активности респондентов, касающейся различных сторон деятельности (или поведения) и ее субъекта, а также иных явлений, связанных с ней, в которой находят проявления признаки лично-

го отношения к этой деятельности, ее субъективной приемлемости или неприятия.

3. Такие признаки выражают ценностно-смысловую (значение для личных ценностей), эмоциональную (эмоциональная окрашенность), личностно-нормативную (личные правила и принципы), установочно-деятельностную (привычки, стереотипы) представленность деятельности, а также представленность ее субъекта, отражающую отношение к нему и к себе в его роли. Диагностическое стимулирование должно побуждать респондентов коммуницировать описания и рассуждения, касающиеся различных сторон деятельности и ее субъекта, в которых будут проявляться признаки личного отношения к ней и ее приемлемости или неприятия, необходимые для качественных выводов о типе диагностируемой позиции личности. Это стимулирование может охватывать субъективную представленность процесса деятельности, ее целей, результатов, условий осуществления, перспектив, сравнения с другими возможными видами деятельности, а также представленность ее субъектов, их мотивации, личных качеств и иных явлений, в которых возможно проявление ее приемлемости (с различной степенью выраженности) либо неприятия, что определяет личную позицию.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Бурлачук, Л. Ф. Психодиагностика : учебник для вузов / Л. Ф. Бурлачук. – СПб. : Питер, 2006. – 351 с.
2. Карпинский, К. В. Судебная психодиагностика в Республике Беларусь: проблемы и перспективы / К. В. Карпинский, М. Г. Карпинская // Веснік Гродзенскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя Янкі Купалы. Серыя 3, Філалогія. Педагагіка. Псіхалогія. – 2023. – Т. 13, № 3. – С. 143–150.
3. Пастушеня, А. Н. Профессиональная позиция личности: основные стороны проявления / А. Н. Пастушеня // Право. Экономика. Психология. – 2024. – № 3 (35). – С. 66–72.
4. Румянцев, Г. Г. Опыт применения метода «незаконченных предложений» в психиатрической практике / Г. Г. Румянцев // Исследования личности в клинике и в экстремальных условиях. – Л. : НИПНИ им. Бехтерева, 1969. – С. 266–275.
5. Карпинский, К. В. Современные методы психологической диагностики / К. В. Карпинский, А. М. Колышко, Т. В. Парфенова ; под ред. К. В. Карпинского. – Гродно : ГрГУ, 2022. – 398 с.
6. Леонтьев, Д. А. Тематический апперцептивный тест / Д. А. Леонтьев. – М. : Смысл, 1998. – 247 с.
7. Карпинский, К. В. Опросник смысложизненного кризиса : монография / К. В. Карпинский. – Гродно : ГрГУ, 2008. – 108 с.
8. Толковый словарь русского языка : в 4 т. / под ред. Д. Н. Ушакова. – М. : Гос. изд-во иностр. и нац. слов., 1939. – Т. 3. – 1424 с.

REFERENCES

1. Burlachuk, L. F. Psikhodiagnostika : uchiebnik dlja vuzov / L. F. Burlachuk. – SPb. : Pitier, 2006. – 351 s.
2. Karpinskij, K. V. Sudiebnaja psikhodiagnostika v Rjespublikie Bielarus': problemi i perspektivy / K. V. Karpinskij, M. G. Karpinskaja // Viesnik Grodzienskaha dziarzhaunaha universiteta imia Janki Kupaly. Sieryja 3, Filalohija. Piedahohika. Psikhalohija. 2023. – T. 13, № 3. – S. 143–150.
3. Pastushenia, A. N. Profiessional'naja pozicija lichnosti: osnovnyje storony projavlienija / A. N. Pastushenia // Pravo. Ekonomika. Psikhologija. – 2024. – № 3 (35). – S. 66–72.
4. Rumiancev, G. G. Opyt primienienija mietoda «niezakonchiennykh priedlozhenij» v psikhiatrichieskoj praktike / G. G. Rumiancev // Issliedovanija lichnosti v klinike i v ekstriemal'nykh uslovijakh. – L. : NIPNI im. Biekh-tierieva, 1969. – S. 266–275.
5. Karpinskij, K. V. Sovriemiennye mietody psikhologichieskoj diagnostiki / K. V. Karpinskij, A. M. Kolyshko, T. V. Parfionova ; pod ried. K. V. Karpinskogo. – Grodno : GrGU, 2022. – 398 s.
6. Lieont'jev, D. A. Tiematichieskij appierceptivnyj test / D. A. Lieont'jev. – M. : Smysl, 1998. – 247 s.
7. Karpinskij, K. V. Oprosnik smyslozhizniennogo krizisa : monografija / K. V. Karpinskij. – Grodno : GrGU, 2008. – 108 s.
8. Tolkovyj slovar' russkogo jazyka : v 4 t. / pod ried. D. N. Ushakova. – M. : Gos. izd-vo inostr. i nac. slov., 1939. – T. 3. – 1424 s.

Рукапіс надрукаваў у рэдакцыю 15.05.2025

Наталья Викторовна Былинская*канд. психол. наук, доц., зав. каф. психологии**Брестского государственного университета имени А. С. Пушкина***Natallia Bylinskaya***Candidate of Psychological Science, Associate Professor,**Head of the Department of Psychology**of Brest State A. S. Pushkin University**e-mail: soloves_@mail.ru*

КРОСС-КУЛЬТУРНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ СОЦИАЛЬНЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О ЗАВИСТИ У МОЛОДЫХ ЛЮДЕЙ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ И КИТАЯ (ч. 1)

Обсуждается феномен «зависть» в контексте социальных представлений, изложены результаты кросс-культурного исследования структуры и содержания социальных представлений о зависти, существующих в сознании мужчин и женщин, проживающих в Республике Беларусь и Китайской Народной Республике. Сравнительный анализ социальных представлений о зависти показал, что в их содержании есть общие и специфические факторы. Общие факторы свидетельствуют о единстве понимания, а специфические указывают на различие в представлениях о зависти: они в значительной мере уникальны и индивидуальны для каждого человека.

Ключевые слова: *зависть, представления, метод свободных описаний, факторный анализ, фактор, конструкт.*

Cross-Cultural Study of Social Representations about Envy among Young People of Republic of Belarus and China (Part 1)

This article discusses the phenomenon of «envy» in the context of social representations, presents the results of a cross-cultural study of the structure and content of social representations of envy that exist in the minds of men and women living in the Republic of Belarus and the People's Republic of China. A comparative analysis of social representations of envy showed that their content contains common and specific factors. Common factors indicate a unity of understanding, and specific factors indicate a difference in representations of envy: they are largely unique and individual for each person.

Key words: *envy, representations, free description method, factor analysis, factor, construct.*

Введение

Стремительный темп жизни, информационные перегрузки, повышенный уровень социальных конфликтов сказываются на сфере межличностного общения и социального взаимодействия людей. Политические события, социально-экономические и культурные изменения, которые произошли за последние десятилетия, привели к социальному неравенству, сепарационному отчуждению, социальной незащищенности и повлияли на отношения в обществе, в котором зависть рассматривается как дестабилизирующий механизм, нарушающий социальную коммуникацию людей разного пола, возраста, социального статуса, национальности и прочего [1, с. 4]. Поэтому без четкого понимания специфики социальных представлений людей о зависти ее невозможно контролировать.

Зависть можно интерпретировать как состояние, чувство, переживание неприязни к другому лицу по отношению к его счастью, благополучию, успеху, нравственности, культурному уровню или материальному превосходству, соединенное с чувством досады, враждебности к преуспевающему. Изучению феномена зависти посвятили свои исследования как зарубежные (А. Адлер, М. Кляйн, Э. Фромм, К. Хорни), так и отечественные (Е. П. Ильин, К. Муздыбаев, А. В. Петровский) авторы. Каждый ученый рассматривал зависть со своей позиции, подчеркивая неоднозначность обсуждаемого понятия. У большинства авторов зависть ассоциируется с негативными эмоциями, тем не менее в работах Т. В. Бесковой, Е. П. Ильина, К. Муздыбаева обозначены и конструктивные функции чувства зависти. Авторами не раз подчеркивалось,

что в обыденных представлениях людей женщины более завистливы по сравнению с мужчинами [2–4]. Однако среди исследований нами не было обнаружено работ, посвященных изучению структуры и содержания социальных представлений о зависти у мужчин и женщин. Социальные представления о зависти складываются у человека под воздействием разнообразных влияний окружающего мира. Особый вклад в их формирование вносят культура и менталитет, опосредующие социальные нормы, установки, ценности, мировоззрение и обеспечивающие культурные стандарты для членов общества.

Республика Беларусь и Китайская Народная Республика имеют свои особенности национального самосознания, религию, традиции, обычаи, культурные ценности, специфические черты характера людей, моральные устои, ценностные ориентации. Соответственно, можно предположить, что у людей с разным менталитетом, культурными ценностями и традициями представления о зависти будут иметь свою специфику. В последние годы между нашими странами интенсивно развивается политическое, экономическое, культурное сотрудничество, что, безусловно, подразумевает налаживание конструктивных взаимоотношений между людьми. Поскольку социальные представления включены в картину мира и являются регулятором социального взаимодействия, изучение структуры и содержания представлений о зависти у людей, проживающих в Беларуси и Китае, позволит расширить знания о роли данного феномена в их поведении и коммуникации.

Организация исследования

Целью исследования являлось определение структуры и содержания социальных представлений о зависти у молодых людей из Республики Беларусь и КНР методом свободного описания. Данный метод представляет собой спонтанное написание респондентами вербального текста, носящего рефлексивный характер, в ответ на предъявляемую им инструкцию.

Исследование проводилось в Республике Беларусь и Китайской Народной Республике. В сборе эмпирических данных участвовала магистрант кафедры психологии Брестского государственного универси-

тета имени А. С. Пушкина Чжэн Чжихуань. Общая численность респондентов, принимавших участие в исследовании, составила 160 человек: 50 молодых мужчин и 50 молодых женщин из Республики Беларусь, 30 молодых мужчин и 30 молодых женщин из КНР. Сбор материалов исследования осуществлялся на добровольной основе с сохранением полной анонимности респондентов.

Процедура проведения исследования заключалась в том, что респондентам предлагалось написать ассоциации на слово «зависть», при этом не давалось установок на преимущественное или ограниченное описание каких-либо отдельных феноменов. В данном сочинении участникам исследования предоставлялась возможность изложить собственные мысли в порядке их возникновения, не заботясь об их последовательности, грамматике и логике. Свободная форма описания позволяла респондентам указать особенно значимые для их субъективного восприятия характеристики зависти, а также выразить свое отношение к данному феномену. Таким образом, в результате применения метода свободного описания был собран необходимый эмпирический материал, который у каждого участника проводимого исследования по содержательному наполнению, структуре и объему являлся различным.

Приведем несколько примеров ассоциативных рядов по тематике исследования:

«ближний, грех, ярость, гордость, брат, здоровье, негатив, боль, плохое предчувствие» (мужчина, 19 лет, Республика Беларусь);

«плохо, ненависть, гордость, сосание, восторг, деньги, тренировка, спорт» (мужчина, 20 лет, Республика Беларусь);

«победитель, спор, наглость, злоба, разминка, процветание, работа, радость, злорадство, стимул роста, друг, отсутствие ассоциации, победа» (мужчина, 22 года, Республика Беларусь);

«бизнес, продвижение по службе, успех в жизни, победа, мастер, начальник, деньги, здоровье, большая квартира, достаток, большая зарплата» (мужчина, 19 лет, Китайская Народная Республика);

«заработок, достаток, спортивная победа, нелюбовь, карьера, большая зарплата, много денег, переезд в столицу, популярность» (мужчина, 20 лет, Китайская Народная Республика);

«власть, деньги, карьера, вражда, директор, успешный бизнес, бизнес, последователи» (мужчина, 23 года, Китайская Народная Республика);

«друг, красивые вещи, семья, дети, здоровье, не люблю, карьера, ненависть, злоба, друг, ревность» (девушка, 18 лет, Республика Беларусь);

«украшения, автомобиль, образование, здоровье, тренировка, не позавидуешь, достаток в семье, брат» (девушка, 19 лет, Республика Беларусь);

«красота, деньги, семья, муж, богатство, спорт, плохой человек, плохое самочувствие, здоровье, сестра» (девушка, 21 год, Республика Беларусь);

«удачный брак, повышение зарплаты, дорогие покупки, много денег, переезд в большой город, повышение на работе» (девушка, 19 лет, Китайская Народная Республика);

«карьера, продвижение по службе, выйти замуж, плохо, власть, новый дом, Пекин, успешный бизнес, ложь» (девушка, 20 лет, Китайская Народная Республика);

«здоровье, собственный бизнес, предметы роскоши, удачный брак, корысть, хочу слишком многого» (девушка, 23 года, Китайская Народная Республика).

Собранный эмпирический материал обрабатывался посредством частотного анализа, для вторичной обработки данных которого был использован факторный анализ как метод сокращения данных и как метод структурной классификации (программа SPSS, метод главных компонент с подпрограммой варимакс-вращения). В результате переменные сводились в несколько групп – факторов. В один фактор объединялись несколько переменных, тесно коррелирующих между собой. В результате факторизации матрицы корреляций была получена матрица, элементами которой выступают факторные нагрузки – коэффициенты корреляции фактора с каждой из переменных, представленных в исследовании. Соответственно, вместо изначального большого объема переменных была получена хорошо структурированная

конфигурация, в которой часть переменных объединяется друг с другом. Таким образом, факторный анализ позволил решить две важные проблемы в процессе исследования: описать объект измерения всесторонне и в то же время компактно.

Итогом факторного анализа выступили «связки» характеристик, образующих фактор. То содержание, которое с точки зрения математики образует фактор, на психологическом уровне означает категорию (или объединение качеств), образующих структуру и содержание представлений респондентов. Разные качества (дескрипторы, характеристики) вносят разный вклад в образование категории.

Цифры, стоящие возле каждого качества, означают его нагрузку: чем больше их значение, тем больше вес определенного качества в образовании фактора. Кроме иерархии качеств, образующих категорию, факторный анализ позволяет определить также ее субъективную значимость, выраженную в процентах общей дисперсии.

Основаниями для отбора факторов для анализа обсуждения стали значимость по критерию Кайзера и неслучайность валентности для респондентов (т. е. превышение 5 %-го вклада в общий разброс значений). Полученные в итоге факторы являются отражением конструкторов, опосредующих понимание респондентами феномена «зависть».

Результаты и их обсуждение

Для обсуждения представлены результаты обработки полученных данных. Проанализируем независимые, ортогональные факторы, наиболее значимые по своей валентности для молодых мужчин.

Представления о зависти у молодых мужчин, проживающих в Республике Беларусь (n = 50).

Первый фактор (11,9 % общей дисперсии) включает следующие шкалы-дескрипторы:

Ненависть (0,856)

Злорадство (0,807)

Негатив (0,698)

Грех (0,583)

Злоба (0,562)

Плохо (0,553)

Содержание первого по субъективной значимости фактора для молодых мужчин, проживающих в Республике Беларусь, говорит о том, что зависть является негативным явлением. Появление этого фактора в качестве ведущего вполне ожидаемо, т. к. люди считают зависть деструктивным чувством и предпочитают не признаваться ни себе, ни другим в ее наличии [4]. Исходя из дескрипторов, объединенных в первый фактор, данный конструкт можно назвать «*Отрицательные эмоции*».

Второй фактор (10,5 % общей дисперсии) образован следующими дескрипторами:

Тренировка (0,854)

Спорт (0,745)

Победитель (0,741)

Победа (0,617)

Наглость (0,576)

Разминка (0,575)

Второй по субъективной значимости фактор образуют шкалы, которые свидетельствуют о том, что зависть мужчины рассматривают не только как отрицательное явление, но и с точки зрения позитивного представления о нем. По мнению мужчин, зависть может быть своеобразным стимулом активности и определенных действий. В конструктивном смысле зависть может стимулировать высокие достижения в спортивной деятельности, где процесс соревнования всегда подразумевает соперничество, конкуренцию, стремление к победе и желание быть лучшим, первым, победителем, что очень значимо для представителей мужского пола. Содержание данного фактора, зафиксированного в структуре представлений о зависти у молодых мужчин, проживающих в Республике Беларусь, позволяет обозначить его как «*Спорт*».

Третий фактор (9,2 % общей дисперсии) включает шкалы:

Работа (0,887)

Процветание (0,815)

Стимул роста (0,408)

Деньги (0,401)

Содержание третьего фактора обозначает, что для молодых мужчин этой группы респондентов зависть ассоциируется со стимулом к карьерному росту, связанному с материальным достатком, о чем свидетельствует дескриптор «деньги», включенный в содержание фактора. Конечно, для мужчин

принципиально важно реализовать себя в профессиональной карьере, достичь в ней высоких успехов, чтобы быть независимым, свободным и твердо, уверенно стоять на ногах. В этом контексте зависть можно рассматривать как стимулирующее явление, благодаря которому возможно достижение определенных целей и успеха. Данный конструкт, в который включены дескрипторы «работа», «процветание», «стимул роста» и «деньги», можно назвать «*Карьера*».

Четвертый фактор (7,4 % общей дисперсии) содержит следующие характеристики:

Ближний (0,799)

Брат (0,740)

Здоровье (0,697)

Друг (0,615)

Ярость (0,609)

Содержание данного фактора представляет интерес, т. к. в него входят дескрипторы, обозначающие проявление чувства зависти к близким людям (брат, друг, ближние) и даже к состоянию их здоровья. Необходимо отметить, что люди часто испытывают чувство зависти к представителям ближнего окружения. При этом люди склонны завидовать здоровью, счастью, семье, благополучию, успеху, материальному достатку, социальному статусу и прочее. Признание превосходства, успеха, благополучия другого соединяется с чувством досады, ярости, враждебности к преуспевающему. Следуя содержанию этого фактора, назовем его «*Ближний круг*».

Пятый фактор (7,2 % общей дисперсии) включает следующие шкалы:

Спор (0,886)

Радость (–0,660)

Гордость (–0,582)

В содержание пятого фактора включены двухполюсные дескрипторы с отрицательными нагрузками. Это говорит о том, что зависть, по мнению респондентов, не вызывает ни радости, ни гордости. В данном факторе речь идет о соперничестве, которое провоцируется наличием у людей чувства зависти. Этот конструкт, зафиксированный в структуре представлений молодых мужчин, проживающих в Республике Беларусь, обозначим как «*Соперничество*».

Представления о зависти у молодых мужчин, проживающих в Китайской Народной Республике (n = 30).

Первый фактор (8,3 % общей дисперсии) включает ряд следующих характеристик:

Успешный бизнес (0,997)

Продвижение по службе (0,997)

Начальник (0,855)

Карьера (0,815)

Содержание первого по субъективной значимости фактора для молодых мужчин, проживающих в Китайской Народной Республике, говорит о том, что зависть стимулирует движение к успешной карьере. Люди в Китае привыкли много работать, чтобы достигать поставленных целей, важными из которых являются карьерный рост, профессиональное становление, статус. Когда все это получается у других людей, то это вызывает чувство зависти к ним и заставляет предпринимать активные действия для собственного роста. Этот ведущий по субъективной значимости конструкт, зафиксированный в структуре представлений молодых мужчин из Китайской Народной Республики, обозначим как «*Карьера*».

Второй фактор (7,8 % общей дисперсии) образован следующими дескрипторами:

Достаток (0,853)

Большая зарплата (0,769)

Много денег (0,733)

Заработок (0,561)

В содержание данного конструкта включены шкалы, которые говорят о том, что зависть возникает к богатству и высоким материальным доходам. На протяжении длительного периода истории Китая его жители испытывали бедность и голод. Для многих китайцев быть богатым было когда-то невозможно. Теперь ситуация изменилась: появилось много возможностей для самореализации. По мнению респондентов, настоящая движущая сила и цель высокого заработка состоит в том, чтобы проявить себя, добиться более высокого уровня жизни и улучшить свои достижения. «С мешком золота и в аду будет хорошо», – гласит китайская поговорка, иллюстрирующая отношение к деньгам и материальным ценностям. Содержание зафиксированных во втором факторе дескрипторов позволяет нам назвать его «*Богатство*».

Третий фактор (7,1 % общей дисперсии) включает шкалы:

Победа (0,724)

Мастер (0,708)

Спортивная победа (0,444)

Содержание данного фактора является близким к содержанию второго фактора, выделенного в структуре представлений молодых мужчин, проживающих в Республике Беларусь, по мнению которых зависть может стимулировать высокие достижения в спортивной деятельности, где процесс соревнования всегда подразумевает соперничество, конкуренцию, стремление к победе и желание быть лучшим, первым, победителем. Данный фактор уже ранее был назван «*Спорт*».

Четвертый фактор (6,9 % общей дисперсии) включает следующие характеристики:

Здоровье (0,808)

Власть (0,773)

В его содержание включены две шкалы (здоровье и власть), которым, согласно представлениям мужчин, можно завидовать. В менталитете китайцев здоровье – залог долголетия. Китайцы считают, что достижение долголетия на основе здоровья является одним из конечных целей жизни человека. Когда человек здоров, он имеет все возможности реализовать в жизни, чему, безусловно, по-хорошему можно позавидовать. Данный конструкт обозначим как «*Здоровье*».

Пятый фактор (6,2 % общей дисперсии) образован шкалами:

Успех в жизни (0,850)

Большая квартира (0,708)

Переезд в столицу (0,682)

Популярность (0,612)

По мнению молодых мужчин, проживающих в Китайской Народной Республике, богатство является значимым символом успеха. Богатство дает возможность значительно улучшить качество жизни, создать собственный бизнес, обеспечить достойное жилье, хорошую машину. Содержание пятого по субъективной значимости для респондентов фактора позволяет обозначить его как «*Успех*».

Таким образом, результаты факторного анализа свидетельствуют о наличии общих и специфических факторов, включенных в структуру социальных представлений о зависти у молодых мужчин, проживающих в Республике Беларусь и Китай-

ской Народной Республике. Общие конструкторы свидетельствуют о схожести содержания представлений респондентов об обсуждаемом феномене, специфические конструкторы указывают на уникальность содержания представлений о зависти, обусловленную различием в ментальности, картине мира и прошлом опыте.

Общими для двух групп респондентов являются факторы «Спорт» и «Карьера». Содержание этих факторов свидетельствует о позитивном характере чувства зависти, которое выступает своеобразным стимулом для собственных достижений и реализации целей.

Специфическими факторами в представлениях о зависти у молодых мужчин из Республики Беларусь являются «Отрицательные эмоции», «Ближний круг», «Соперничество». Содержание этих факторов свидетельствует о том, что зависть, включающая соревнование, соперничество с другим, вызывает отрицательные переживания и негативные мысли, связанные с пониманием того, что у кого-то другого есть то желанное, чего человек не обнаруживает у себя. Это вызывает ярость, злобу, гнев, негатив к

нему. При этом молодые люди с осуждением относятся к переживанию чувства зависти, преимущественно относя его к категории негативных явлений, и ассоциируют его с грехом.

Специфическими факторами в представлениях о зависти у молодых мужчин из Китайской Народной Республики являются «Богатство», «Здоровье», «Успех». Содержание этих специфических конструкторов свидетельствует о наличии зависти к людям, которым сопутствуют удача и успех и которые достигли благополучия. Это может рассматриваться как проявление мотивации достижения, при которой чьи-то преимущества в обретении социального статуса, власти, материальных благ, здоровья могут восприниматься как угроза ценности собственного Я и сопровождаться негативными переживаниями и действиями.

В следующей статье автора будет продолжено обсуждение результатов исследования структуры и содержания социальных представлений о зависти у молодых женщин, проживающих в Республике Беларусь и Китайской Народной Республике.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Пилишина, А. В. Зависть в контексте межличностных отношений : дис. ... канд. психол. наук : 19.00.05 / Пилишина Анастасия Владимировна ; Санкт-Петерб. гос. ун-т. – СПб., 2015. – 179 л.
2. Муздыбаев, К. Завистливость личности / К. Муздыбаев // Психологический журнал. – 2002. – Т. 23, № 6. – С. 37–49.
3. Бескова, Т. В. Социальная психология зависти / Т. В. Бескова. – Саратов : Наука, 2010. – 191 с.
4. Ильин, Е. П. Психология зависти, враждебности, тщеславия / Е. П. Ильин. – СПб. : Питер, 2014. – 308 с.

REFERENCES

1. Pilishina, A. V. Zavist' v kontiektstie miezhlichnostnykh otnoshenij : dis. ... kand. psikhol. nauk : 19.00.05 / Pilishina Anastasija Vladimirovna ; Sankt-Pietierb. gos. un-t. – SPb., 2015. – 179 l.
2. Muzdybajev, K. Zavistlivost' lichnosti / K. Muzdybajev // Psikhologichieskij zhurnal. – 2002. – T. 23, № 6. – S. 37–49.
3. Bieskova, T. V. Social'naja psikhologija zavisti / T. V. Bieskova. – Saratov : Nauka, 2010. – 191 s.
4. Il'in, Je. P. Psikhologija zavisti, vrazhdiebnosti, tshchieslavija / Je. P. Il'in. – SPb. : Pitier, 2014. – 308 s.

Рукапіс наступіў у рэдакцыю 08.05.2025

МЕЖДУНАРОДНАЯ СТУДЕНЧЕСКАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

«СЛОВО В ЯЗЫКЕ, РЕЧИ, ТЕКСТЕ»

(16 мая 2025 г., Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина, филологический факультет)

16 мая 2025 г. на филологическом факультете состоялась IX Международная студенческая научная конференция «Слово в языке, речи, тексте». Организатором конференции выступила кафедра белорусского и русского языкознания.

Конференция вызвала интерес молодых ученых из Беларуси, ближнего и дальнего зарубежья. Ее участниками стали те, кто неравнодушен к слову, кого интересует язык как уникальное явление, связанное с разными сферами жизни общества.

Программу конференции составили 112 докладов, тематика которых связана с исследованием языка и речи в разных аспектах. В конференции приняли участие студенты, магистранты, аспиранты из университетов Беларуси (Минск, Брест, Гродно, Гомель, Горки, Барановичи), России (Москва, Калининград, Черняховск, Смоленск, Брянск, Новосибирск), Казахстана (Шымкент), Болгарии (Шумен), Венгрии (Будапешт), Таджикистана (Душанбе).

На пленарном заседании были заслушаны 8 докладов, посвященных *проблеме ономообразования в сфере геортонимии Беларуси* (Анна Моисейчик, магистрант БрГУ имени А. С. Пушкина); *вопросу мотивации идеонимов и их функционированию в социуме* (Александра Кацевич, студентка БрГУ имени А. С. Пушкина); *корпусному сопоставительному исследованию хронологии формирования синонимических рядов с доминантой **туга/тоска** в белорусском и русском языках* (Анна Попека, студентка БрГУ имени А. С. Пушкина); *характеристике изобразительно-выразительных средств создания образов героев и персонажей в оригинальном и переводном тексте* (Светлана Егорова, студентка Казанского инновационного университета имени В. Г. Тимирязева); *исследованию коммуникативных стратегий и тактик медийной личности* (Дарья Пантюкова, студентка Филиала Московского педагогического государственного университета в г. Черняховске Калининградской обл.); *средствам вербализации концепта «промысел» в языковом контек-*

сте (Дарья Савчук, студентка БрГУ имени А. С. Пушкина); *проблеме женского счастья в романах А. Пушкина «Евгений Онегин» и Л. Толстого «Анна Каренина»* (Бердимурад Аружан, студент Южно-Казахстанского педагогического университета имени У. Жанибекова); *реализации новых форм патриотического воспитания в высшем учебном заведении на примере литературной игры «Литрекс»* (Мария Власова, студентка Гродненского государственного медицинского университета).

Поле научного поиска молодых исследователей было продолжено и расширено в ходе секционных заседаний. Проблематика шести секций конференции охватывала различные ракурсы исследования языка и речи.

Традиционной для конференции стала проблематика изучения языковых единиц в историко-культурном, лингвокультурологическом, структурно-семантическом, грамматическом и методическом аспектах.

Не теряют актуальности среди молодых исследователей *проблемы фразеологии и паремиологии* (Наталья Янминчева-Маркова, аспирант Шуменского университета имени Епископа Константина Преславского; Иван Лылов, студент Белорусской государственной сельскохозяйственной академии и др.), *выявление особенностей территориальных диалектов* (Любовь Силаева, студентка Смоленского государственного университета; Инна Трухановец, студентка БрГУ имени А. С. Пушкина и др.), *изучение концептов* (Анастасия Ярмошевич, магистрант БрГУ имени А. С. Пушкина, Светлана Мельник, Виктория Якубович, студентки БрГУ имени А. С. Пушкина, и др.).

Интерес вызвали доклады начинающих исследователей, изучающих *слово в текстах разных стилей и жанров, в художественных переводах* (Илона Гевай-Лейметер, магистрант Университета имени Лоранда Этвеша (Венгрия); Анастасия Борзова, студентка Филиала Московского педагогического государственного университета в г. Черняховске Калининградской обл.;

Камиля Хайрутдинова, студентка Казанского инновационного университета имени В. Г. Тимирязова).

Отдельная секция была посвящена вопросам *ономастики: исследованию антропонимов* (Лутфия Курбанбекова, студентка Таджикского государственного педагогического университета имени Садриддина Айни; Мария Сивак, студентка БрГУ имени А. С. Пушкина), *топонимов* (Тастемир Баймаханбет, студент Южно-Казахстанского педагогического университета имени У. Жанибекова), *годонимов* (Олеся Курза, студентка Брянского государственного университета имени академика И. Г. Петровского; Заряна Ярмолук, магистрантка БрГУ имени А. С. Пушкина) и др.

Впервые в работе конференции появилась секция «Формирование новых лингвокультурных традиций в современной сетевой коммуникации и языке СМИ», участники которой обсудили *проблемы сетевого*

общения (Сюй Инхао, студент БГУ; Майя Вирковская, учащаяся 11 класса средней школы № 15 г. Бреста; Майя Задояная, студентка БрГУ имени А. С. Пушкина), *способы создания аттрактивности в интернет-коммуникации, в т. ч. приемы провокационного маркетинга* (Анастасия Бриштен, студентка БрГУ имени А. С. Пушкина; Вита Баковец, студентка ГрГУ имени Янки Купалы) и другие актуальные проблемы интернет-языка как нового объекта лингвистических исследований.

Молодые пытливые исследователи получили прекрасную возможность выступить и представить результаты своих научных изысканий перед широкой аудиторией, обменяться мнениями, поучаствовать в научных дискуссиях, наладить новые контакты и связи, наметить перспективы и направления дальнейшей работы.

Ольга Борисовна Переход,

кандидат филологических наук, доцент,
доцент кафедры белорусского и русского языкознания
Брестского государственного университета имени А. С. Пушкина

Ольга Антоновна Фелькина,

кандидат филологических наук, доцент,
доцент кафедры белорусского и русского языкознания
Брестского государственного университета имени А. С. Пушкина

Да ведама аўтараў

Рэдкалегія часопіса разглядае рукапісы толькі тых артыкулаў, якія адпавядаюць навуковаму профілю выдання, нідзе не апублікаваныя і не перададзеныя ў іншыя рэдакцыі.

Матэрыялы прадстаўляюцца на беларускай, рускай ці англійскай мове ў адным экзэмпляры аб'ёмам да 0,5 друкаванага аркуша (да 20 000 знакаў (без уліку метададзеных)), у электронным варыянце – у фармаце Microsoft Word for Windows (*.doc, *.docx ці *.rtf) і павінны быць аформлены ў адпаведнасці з наступнымі патрабаваннямі:

- папера фармату А4 (21×29,7 см);
- палі: зверху – 2,8 см, справа, знізу, злева – 2,5 см;
- шрыфт – гарнітура Times New Roman;
- кегль – 12 pt.;
- міжрадковы інтэрвал – адзінарыны;
- двукоссе парнае «...»;
- абзац: водступ першага радка 1,25 см;
- выраўноўванне тэксту па шырыні.

Максімальныя лінейныя памеры табліц і малюнкаў не павінны перавышаць 15×23 або 23×15 см. Усе графічныя аб'екты, якія ўваходзяць у склад аднаго малюнка, павінны быць згрупаваны паміж сабой. Усе малюнкi і фотаздымкі павінны быць толькі ў чорна-белым выкананні. Размернасць усіх велічынь, якія выкарыстоўваюцца ў тэксце, павінна адпавядаць Міжнароднай сістэме адзінак вымярэння (СВ). Пажадана пазбягаць скарачэнняў слоў, акрамя агульнапрынятых. Спіс літаратуры павінен быць аформлены паводле Узораў афармлення бібліяграфічнага апісання ў спісе крыніц, якія прыводзяцца ў дысертацыі і аўтарэфераце, зацверджаных загадам Вышэйшай атэстацыйнай камісіі Рэспублікі Беларусь ад 25.06.2014 № 159 (у рэдакцыі загада ад 01.10.2024 № 230). Спасылкі на крыніцы ў артыкуле нумаруюцца адпаведна парадку цытавання. Парадкавыя нумары спасылак падаюцца ў квадратных дужках ([1–4], [1; 3], [1, с. 32], [2, с. 52–54], [3, л. 5], [4, л. 60б.]). Не дапускаецца выкарыстанне канцавых зносаў.

Матэрыял уключае наступныя элементы па парадку:

- індэкс УДК;
- імя, імя па бацьку, прозвішча аўтара/аўтараў (аўтараў не больш за 5) на мове артыкула;
- звесткі пра аўтара/аўтараў (навуковая ступень, званне, пасада, месца працы/вучобы) на мове артыкула;
- імя, імя па бацьку, прозвішча аўтара/аўтараў на англійскай мове;
- звесткі пра аўтара/аўтараў на англійскай мове;
- e-mail аўтара/аўтараў;
- назва артыкула на мове артыкула;
- анатацыя ў аб'ёме 100–150 слоў і ключавыя словы на мове артыкула (курсіў, кегль – 10 pt.);
- назва артыкула на англійскай мове;
- анатацыя і ключавыя словы на англійскай мове.

Звесткі аб навуковым кіраўніку (для аспірантаў і саіскальнікаў) указваюцца на першай старонцы ўнізе.

Асноўны тэкст структуравецца ў адпаведнасці з патрабаваннямі Вышэйшай атэстацыйнай камісіі Рэспублікі Беларусь да навуковых артыкулаў, якія друкуюцца ў выданнях, уключаных у Пералік навуковых выданняў Рэспублікі Беларусь для апублікавання вынікаў дысертацыйных даследаванняў:

- Уводзіны (пастаноўка мэты і задач даследавання).
- Асноўная частка (матэрыялы і метады даследавання; вынікі і іх абмеркаванне).
- Заклучэнне (фармулююцца асноўныя вынікі даследавання, указваецца іх навізна, магчымасці выкарыстання).
- Спіс выкарыстанай літаратуры; спіс літаратуры павінен уключаць не больш за 20–22 крыніцы і абавязкова ўтрымліваць публікацыі, у тым ліку замежныя, па тэме даследавання за апошнія 10 гадоў.

➤ References – спіс выкарыстанай літаратуры, які прадубліраваны лацінскім алфавітам (колькасць крыніц, прыведзеных у спісе і ў References, павінна супадаць).

Да рукапісу артыкула абавязкова дадаюцца:

- выпіска з пратакола пасяджэння кафедры, навуковай лабараторыі ці ўстановы адукацыі, дзе працуе (вучыцца) аўтар, завераная пячаткаю, з рэкамендацыяй артыкула да друку;
- рэцэнзія знешняга ў адносінах да аўтара профільнага спецыяліста з вучонай ступенню, завераная пячаткаю;
- экспертнае заключэнне (для аспірантаў і дактарантаў);
- вынікі праверкі тэксту на прадмет арыгінальнасці пры дапамозе інструмента «Антыплагіят».

Усе артыкулы абавязкова праходзяць «сляпое» рэцэнзаванне. Рукапісы, аформленыя не ў адпаведнасці з выкладзенымі правіламі, рэдкалегія не разглядае і не вяртае. Аўтары нясуць адказнасць за змест прадстаўленага матэрыялу.

Рукапіс артыкула і дакументы дасылаць на адрас: 224016, г. Брэст, бульвар Касманаўтаў, 21, рэдакцыя часопіса «Веснік Брэсцкага ўніверсітэта», электронны варыянт артыкула накіроўваць на e-mail: vesnik@brsu.by.

Карэктары А. А. Іванюк, Л. М. Калілец

Камп'ютарнае макетаванне А. В. Кізун

Падпісана ў друк 12.07.2025. Фармат 60×84/8. Папера афсетная. Гарнітура Таймс. Рызаграфія.

Ум. друк. арк. 16,74. Ул.-выд. арк. 12,36. Тыраж 50 экз. Заказ № 273.

Выдавец і паліграфічнае выкананне: УА «Брэсцкі дзяржаўны ўніверсітэт імя А. С. Пушкіна».

Пасведчанне аб дзяржаўнай рэгістрацыі выдаўца, вытворцы, распаўсюджвальніка друкаваных выданняў № 1/55 ад 14.10.2013.

ЛП № 02330/454 ад 30.12.2013.

224016, г. Брэст, вул. Міцкевіча, 28.